

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПИСАТЕЛЬ-ОЗОРНИК

Жизнь как приключение
Владимира Гиляровского

ЧИТАТЬ НАДО БОЛЬШЕ

НЫНЕШНИЙ ГОД ОБЪЯВЛЕН В РОССИИ ГОДОМ ЛИТЕРАТУРЫ. И вот среди мероприятий, приуроченных к нему, решили провести конкурс среди регионов страны. Называется он «Литературный флагман России». За звание самого читающего поборются 80 регионов страны. Как будут определять победителя (сам конкурс закончится в октябре, а объявят самый читающий регион уже в ноябре)?

Методика такова: все участники предоставлят оргкомитету статистику о литературных мероприятиях и традициях, надо указать, сколько книжных магазинов и библиотек есть в конкретном регионе, как активно они посещаются, сколько издается книг, проводятся ли литературные праздники и фестивали, сообщить количество литературных студий, а заодно и периодических изданий. Будет учтен и самый значимый литературный проект региона в прошлом и нынешнем годах. Еще будет учитываться, как сказано в условиях, инфраструктура чтения. Любопытно, конечно, кто выйдет победителем и насколько будут вычленены при этом именно региональные заслуги. Ведь при нынешних бюджетных отношениях между федеральным центром и регионами эта самая инфраструктура чтения, а также, скажем, наличие и состояние библиотек, финансирование вообще гуманитарных и образовательных учреждений далеко не во всем зависит именно от регионов, хотя от них, конечно, тоже. Однако все же финансовые условия различных регионов страны разнятся, стало быть, в регионах победнее и с более напряженным состоянием бюджета для победы в таком конкурсе (как и для поддержания на должном уровне всей общественной сферы, связанной с чтением) больше усилий должны приложить настоящие подвижники-альtruисты. Хочется надеяться, что эти усилия будут отмечены отдельно, именно с учетом состояния конкретного регионального бюджета.

Ну а пока подведены итоги конкурса на самый читающий город в России, который задумала и провела одна из компаний Екатеринбурга. Выясня-

ли уровень знания русской классики у населения городов-участников, какие книги предпочитают читать. Победителем стал Новочеркасск, второе место заняла Пенза, третье – Ставрополь. А вот Москва, Санкт-Петербург и сам Екатеринбург оказались, согласно такой методике подведения итогов, городами не очень читающими. Подобные мероприятия хотя кому-то и покажутся отдающими повышенной бюрократической активностью, будем надеяться, все же способствуют увеличению популярности чтения. А тех же бюрократов, быть может, заставят шевелиться по части улучшения той самой инфраструктуры чтения, чтобы регион по этой части был не хуже соседей. Но пока на чтение книг в стране среднестатистический гражданин тратит не более 9 минут в день, а молодежь и того меньше. Чтобы исправить такое положение, одних конкурсов, даже самых забавных и экзотических, мало. ♡

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Ключ к коду цивилизации
- 08** Голос Донбасса услышал мир
- 10** Книга-навигатор
- 12** Защитит ли Латвия своих детей?

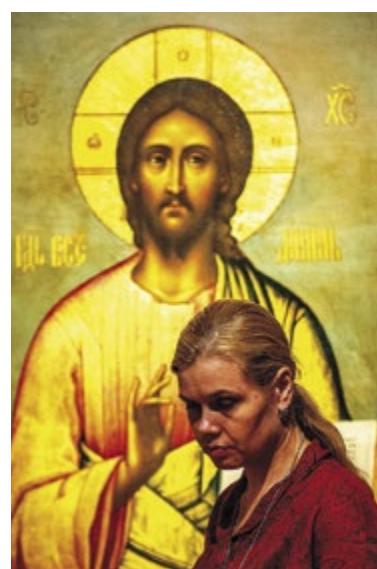
НАСЛЕДИЕ

22 Кисмет Гиляровского

ИСТОРИЯ

- 16** Жизнь парфюмера

30 Цветок золотой осени

38 Преступление и наказание Федора Достоевского

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

46 Русское сердце

СИТУАЦИИ

52 Непотопляемый «Китеж»

МУЗЕИ

58 Яблоневый сад

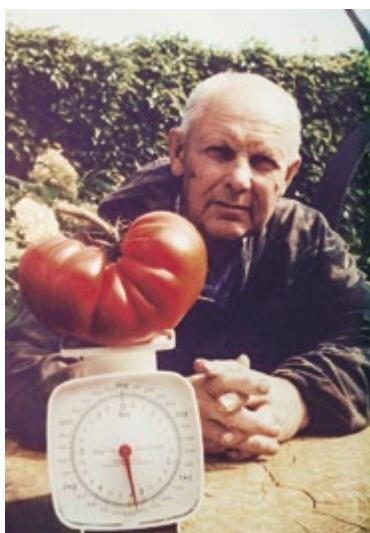
РЕПОРТАЖ

66 «Мы вместе –
в этом наша
сила»

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

74 Народный академик
80 Рукотворные книги

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Тайны двух Молчановок

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Татьяна АНИКЕЕВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Вера МЕДВЕДЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Андрей СЕМАШКО
Денис ТЕРЕНТЬЕВ
Галина УЛЬЯНОВА
Дмитрий УРУШЕВ
Ирина ШЕВЧЕНКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 6 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkimir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

КЛЮЧ К КОДУ ЦИВИЛИЗАЦИИ

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

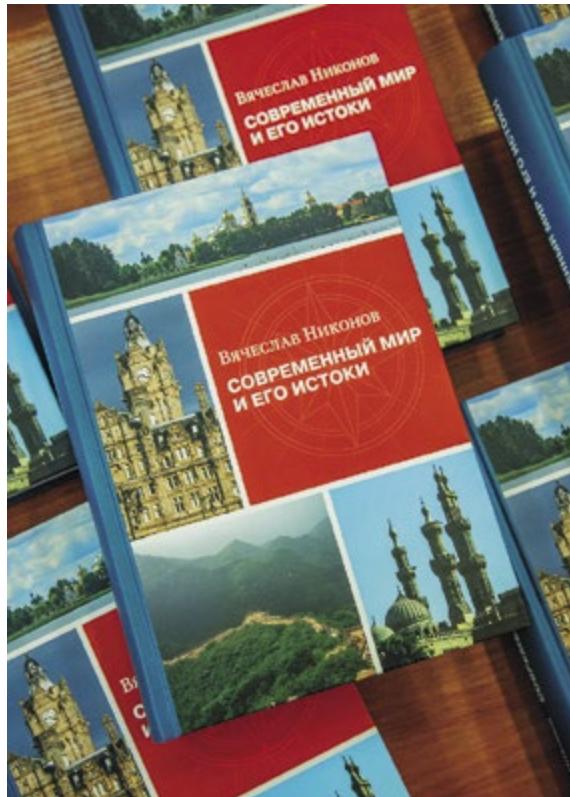
ТРУД «СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ЕГО ИСТОКИ», НАПИСАННЫЙ ГЛАВОЙ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ОБРАЗОВАНИЮ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР» ВЯЧЕСЛАВОМ НИКОНОВЫМ, ОБРЕТАЕТ НОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ. В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ МГУ В ОКТЯБРЕ В СВЕТ ВЫХОДИТ КНИГА «КОД ЦИВИЛИЗАЦИИ» – ОБЛЕГЧЕННЫЙ ВАРИАНТ «СОВРЕМЕННОГО МИРА И ЕГО ИСТОКОВ», РАССЧИТАННЫЙ НА МОЛОДЕЖНУЮ АУДИТОРИЮ. ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ «КОД ЦИВИЛИЗАЦИИ» ИМЕЕТ ШАНС СТАТЬ ЗАВЕРШАЮЩИМ ЦИКЛОМ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ, А «СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ЕГО ИСТОКИ» – ОДНИМ ИЗ ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКОВ.

ОТКРЫВАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЮ в Шуваловском корпусе Московского государственного университета, автор 900-страничной монографии «Современный мир и его истоки» заметил, что идея книги родилась в Австралии, где он случайно увидел перевернутый глобус. На нем в центре была Австралия, а на юге, на месте Антарктиды, – Россия и Европа. «Австралийский взгляд» на мир побудил Вячеслава Никонова задуматься о том, почему современная цивилизация смотрит на мир глазами Запада и Севера. Почему образование остается западно- и европоцентричным? Почему, произнося «цивилизованный мир» или «весь мир», мы все равно подразумеваем Европу и Запад? Почему в курсе отечественной и всеобщей истории так или иначе доминирует изучение Европы и США? Почему философия, политология или менеджмент, как правило, оказываются калькой с американских и английских учебников? Наконец, главный идеологический водораздел: Россия – Запад или Восток? Тогда что отражает перевернутый глобус – иной взгляд на мир? Так Вячеслав Никонов придумал идею книги – рассказать об истоках современного мира с позиций основных центров его силы. «Человеческая цивилизация насчитывает несколько тысячелетий, – напомнил Вячеслав Никонов. – Множество великих империй и государств кануло в Лету. Немногие продолжились и вросли в со-

временность. Не всем из них удается сохранять суверенитет или экономическую самостоятельность. Но все эти цивилизации и государства – исчезнувшие и живущие – внесли свой вклад, большой или малый, очевидный или малозаметный, в создание того мира, в котором мы живем».

В книге автор пишет о том, что мир «развился за тысячелетия как результат взлетов и падений великих держав, войн, конфликтов и устремлений человеческой мысли,

Книга
«Современный
мир и его
истоки»

взаимодействия культур, народов и элит». И дает анализ архитектуры разделенного мира – архитектуры, которая «представлена через его основные центры цивилизационного притяжения, – Запад во главе с США; Азия с гигантами – Китаем, Индией, Японией; Латинская Америка, Африка и Россия».

Отталкиваясь все от того же перевернутого глобуса, автор задается логичным вопросом: почему историю одного миллиарда – «золотого» – мы воспринимаем как эталонную, а историю остальных 6 миллиардов либо не знаем, либо изучаем «факультативно». В том числе и собственную историю. Вячеслав Никонов в книге цитирует Гоголя: «Велико незнанье России посреди России. Все живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей». Этими же вопросами задается и автор книги, правда, объясняя, как и почему США расставляет фигуры на мировой шахматной доске. И как к этому явлению относятся в разных центрах силы Земли. Точнее, что китайское руководство думает о Латинской Америке, бразильское – об Африке, южноафриканское – о России, российское – о мире ислама, стран мусульманского мира – о Европе, европейское – о Китае, китайское – о США, американское – об Индии, индийское – о Японии, японское – о Латинской Америке.

Сам Вячеслав Никонов уверяет, что его книга – это «попытка довольно поверхностного описания того, что представляет современный мир хотя бы в самых крупных его блоках – великих держав современности, центрах цивилизационного притяжения, и ответа на вопрос, почему планета стала такой, какой мы ее знаем». Тем не менее учёный в своем труде последовательно доказывает, что с исторической точки зрения эпоха однополярности мира оказалась скоротечной, – планета стремится к большему разнообразию. «Повсеместно в мире мы видим возрождение интереса к своим корням, к вере, к естеству. Традиционализм, гордость наследием предков, национальной культурой, нравственными устоями проявляется повсюду, принимая форму движений и/или концепций. Кон-

туры нового миропорядка, как мне представляется, уже просматриваются», – считает Вячеслав Никонов. Именно их, контуры нового миропорядка, и очерчивает ученый в монографии.

«Эта книга, – заявил советник президента России академик РАН Сергей Глазьев, – путеводитель по современному миру. Она внятно и без «высокоинтеллектуальной зауми», которой, случается, ученые прикрывают отсутствие мысли, объясняет, а для меня – на пальцах, откуда взялся современный цивилизационный выбор. С объяснением Никонова оппоненты наверняка будут спорить, но им придется нелегко. Автор через последовательную цепь фактов и убедительную аргументацию, построенную на них, показывает логику смены фундаментальных законов развития разных цивилизаций, дает систему координат для ориентирования в быстро меняющемся мире. Именно

поэтому эта книга – аргументированный и долгоиграющий путеводитель, достойный того, чтобы стать учебным курсом для студентов, поскольку книга дает системное представление об устройстве современного мира».

Вслед за Глазьевым научный руководитель Института этнологии и антропологии академик РАН Валерий Тишков признался, что решил перестроить свое выступление. Он попросил присутствующих в зале академиков РАН и членов экспертной комиссии Министерства образования и науки РФ по составлению единой линейки учебников истории считать его просьбу официальным заявлением. «Я убежден, эта книга написана так, что достойна изучения не только студентами и аспирантами, но при доработке – старшеклассниками средней школы, – отметил Валерий Тишков. – Во-первых, ее отличает фундаментальное видение. Во-вторых,

Председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов представляет свою новую книгу

четкий и простой язык. Что же касается научного аппарата, то я согласен с Сергеем Глазьевым – книга написана таким языком, что научную аргументацию простой читатель понимает без ссылок и подглядывания в толковый словарь или словарь терминов».

Валерий Тишков особо подчеркнул культурологическую значимость труда Вячеслава Никонова и его умение, рассказав о происхождении основных интеллектуальных, философских, религиозных течений, которые и сегодня структурируют мышление человечества, встроить их в архитектуру современного мира и интеллектуальных трендов. Тишков отметил, что книга устраниет дефицит научной литературы о восприятии мироздания, верованиях, политической культуре людей различных континентов. О том, откуда взялись национальные характеры. Как и почему люди в различных частях мира воспринимают себя, свою страну, свою идентичность, в чем видят свою самобытность, которую берегут.

Тишков объяснил, откуда смелость Никонова «быть не в тренде» тенденций глобализации. Он процитировал индийского историка Ромилу Тапара: «Нациям нужны идентичности. Они создаются из восприятий того, как развивалось общество. Наставлять на надежной истории – это больше, чем просто педагогическая задача, учитывая деликатное взаимоотношение прошлого и настоящего».

Вслед за Глазьевым и Тишковым декан исторического факультета МГУ Сергей Карпов и директор Института стран Азии и Африки при МГУ Игорь Абылгазиев заметили, что идея придать труду «Современный мир и его истоки» статус учебного пособия как для студентов и магистрантов, так и, возможно, для школьников старших классов – «здравая идея». «Она заслуживает того, чтобы быть рассмотренной непредвзятой экспертизой», – считает Игорь Абылгазиев.

«В том, как книга «Современный мир и его истоки» дает понимание целостности исторического процесса и встроенности России в него, – сказал Сергей Карпов, – это, несомненно, научное свершение. А ответ

Советник президента России академик РАН Сергей Глазьев и декан факультета истории МГУ Сергей Карпов сошлись во мнении, что книга дает системное представление об устройстве современного мира

на вопрос о том, что есть Россия – Восток или Запад, на мой взгляд, говорит еще и о гражданской позиции и смелости ученого, который последовательно отстаивает точку зрения о том, что Россия – отдельная цивилизация, отдельный центр силы современного мира. Настаивая на том, что в этом и есть ее цивилизационный код».

Как заметил Сергей Карпов, входящий в комиссию Министерства образования и науки РФ по составлению единой линейки учебников истории, «экспертами обсуждается возможность того, что в адаптированном виде книга Вячеслава Никонова «Современный мир и его истоки» могла бы стать завершающим циклом исторического образования школьников, например, в одиннадцатом классе». И скорее всего, это будет пока еще не изданный «Код цивилизации» – облегченный вариант монографии «Современный мир и его истоки», рассчитанный на модернизированную и подростковую аудиторию. По его словам, рассматриваются два варианта изучения «Кода цивилизации» в средней школе. Первый, предпочтительный, строится на том, что это будет не учебник истории, а некий обобщающий и завершающий курс исторического образования в школе. Его статус – учебного курса или дополнительного факультатива – тоже предмет для полемики и научной экспертизы. Второй вариант – часть «Кода цивилизации», возможно, будет переработана в раздел или несколько разделов учебника истории для одиннадцатого класса средней школы. И этот учебник станет составной частью учебно-методического комплекса – нового явления в изучении общественных наук по единому стандарту. Не по единому учебнику, а по единой концепции, без которой невозможно единое образовательное пространство, но с линейкой нескольких учебников истории.

Пока же книга «Современный мир и его истоки» адресована студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям гуманитарных факультетов высших учебных заведений и тоже рассматривается как потенциальный кандидат на статус одного из вузовских учебников. А «Код цивилизации» лишь выходит в свет. ■

ГОЛОС ДОНБАССА УСЛЫШАЛ МИР

АВТОР

АННА ЛОЩИХИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СБОРНИК «ЧАС МУЖЕСТВА. ГРАЖДАНСКАЯ ПОЭЗИЯ ДОНБАССА 2014–2015 ГОДОВ», ИЗДАННЫЙ ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР», ПОБЕДИЛ В ЕЖЕГОДНОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОНКУРСЕ «КНИГА ГОДА» В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ ГОДА».

П

ОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК «Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов», изданный фондом «Русский мир», разделил престижную победу в номинации «Поэзия года» с поэтическим сборником Николая Заболоцкого «Метаморфозы».

Обладателем главного приза конкурса «Книга года» стал 12-томник «Великая Отечественная война 1941–1945 годов».

Министр культуры Владимир Мединский, выступая на церемонии награждения победителей, которая прошла в рамках работы 28-й Московской международной книжной выставки-ярмарки, назвал номинацию «Победа» главной в год 70-летия Великой Победы, а победу поэтического сборника «Час мужества» – символичной, поскольку «Донбасс сегодня, как и СССР в 1941–1945 годах, отстаивает право на свободу, если не больше – идентичность».

Особенность сборника «Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов» в том, что в него вошли стихи людей, чьи судьбы связаны с Донбассом: эти люди

пережили и переживают сегодня ужасы войны. В числе поэтов, представленных в книге, есть как профессиональные литераторы, так и обычные люди, взявшись за перо уже после того, как им пришлось столкнуться с гражданской войной, бомбежками, голодом, потерей родных и близких, с растущим потоком беженцев, которых беженцами признает только Россия. Эти стихи – настоящий голос сегодняшнего Донбасса.

«Через семьдесят лет после Победы в Великой Отечественной войне эстафету мужества принял Донбасс, вынужденный встать на защиту своей свободы, культуры и великого русского слова, – пишет в предисловии к сборнику председатель правления фонда «Русский мир», глава комитета Государственной думы РФ по образованию Вячеслав Никонов. – Оказавшись в ситуации открытой угрозы жизни, теряя родных и близких, народ Донбасса сумел проявить лучшие качества своего характера – стойкость, отвагу, милосердие, человечность. Культурным феноменом современного Донбасса стал творческий взрыв гражданской поэзии. Фонд «Русский мир» принял решение поддержать литературное подвижничество донбассских авторов и издать сборник их произведений 2014–2015 годов. Эти стихи – прямое свидетельство трагических событий, происходящих в Донбассе». Высокая награда от профессионалов книжного рынка и поэтического цеха тем более значима, что сборник «Час мужества» издан не просто быстро – стремительно. Он был составлен, сверстан и передан в типографию в рекордные сроки – всего за полтора месяца.

– Для работы над книгой в фонде был оперативно организован редакционный совет, – говорит исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин, – кроме того, мы привлекли к процессу профессиональных литературных редакторов. Нам помогали Донецкий и Луганский Союзы писателей. Особо значимую роль в подготовке сборника сыграли заместитель председателя Союза писателей ДНР Владислав Рusanov и координатор проекта

от Луганского Союза писателей Людмила Гонтарёва. Мы рассматриваем издание этого сборника как проект, который не только носит литературный характер – для этого существуют издательства и журналы, – но и имеет важные гуманистические и социокультурные цели.

Часть поэтов Донбасса, представленных в книге, собравшей произведения 33 литераторов, стали ополченцами, но большинство авторов – люди мирных профессий: преподаватели вузов, журналисты, учителя, врачи, студенты. Все они не оставили Донбасс и продолжают выполнять свой профессиональный долг. Одна из них – Анна Ревякина, поэт, драматург, кандидат экономических наук, преподаватель Донецкого национального университета.

– Иногда Донецк мы называем До, – говорит Анна Ревякина. – До – город-домен, город-дом, дождь, но прежде всего До – мера времени. Ментально До – Донбасс – часть Русского мира, поэтому литературный процесс сродни языку: один язык и один литературный процесс, но у них разные

акценты. Донецкая литература резкая, конкретная и очень конструктивная. Донецк был и остается городом, где были два вектора роста – балет и шахтеры. У украинского фотохудожника Арсена Савадова есть фотосессия «Донбасс и шоколад». Работы Савадова – это кич, но его «Донбасс и шоколад»… там шахтеры принимают душ после смены, и на них балетные пачки. Резко, он искал реальность, но Донбасс – он такой. Может, поэтому нашей литературе свойственны две главные черты – кровь и любовь, простите за рифму. Балет – такая же тяжелая работа, как и добыча угля в шахте. Отсюда градус донецкой поэзии, она прорастает именно из этих глубин.

Выступая на церемонии награждения победителей национального конкурса «Книга года», другой поэт, россиянин Алексей Алехин, обратил внимание еще на один символ «Книги года» – «Час мужества» встал в один ряд победителей с поэтическим сборником Николая Заболоцкого «Метаморфозы».

– В этом году вышло много поэтических книг, – заметил, говоря о победителях в номинации «Поэзия года», Алексей Алехин, поэт, основатель и главный редактор журнала поэзии «Арион». – Есть среди них стихи о вечном, такие как у великого Заболоцкого. Есть стихи о «сегодня», о «здесь и сейчас». Это и есть природа философии поэтического сборника «Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов». Это и есть перекличка эпох.

Получая награду из рук Алексея Алехина, шеф-редактор журнала «Русский мир.ru» Лада Клокова, заметила:

– Издавая «Час мужества», фонд «Русский мир» хотел донести до читателей голос простых людей Донбасса. Для них эта награда – огромная моральная поддержка. И шанс быть услышанными и понятыми миром.

Уже после победы в конкурсе «Книга года» фонд «Русский мир» начал переговоры о возможности издания поэтического сборника «Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014–2015 годов» на английском языке. ●

Школьная ярмарка в Иваново

ЕДИНЫЙ СТАНДАРТ, НО НЕ УЧЕБНИК

В последние годы многие преподаватели истории в вузах, историки-исследователи и особенно школьные учителя постоянно говорили о том, что квалифицированно преподавать историю в условиях, когда в стране насчитывается до 30 разрешенных учебников, невозможно. Неразбериха со статусом этих книг, их спорная, а порой слабая историческая база и просто ошибки в последние десятилетия снизили значимость учебника истории едва ли не до макулатуры. Когда профессор кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета Игорь Андреев вошел в состав авторов новой линейки учебников, он провел опрос среди своих коллег. «Вы за один учебник?» – спрашивал он. «За один», – отвечали. А вот на вопрос: «За какой именно?» никто ответить не мог. Сразу возникали трудности. Все справедливо замечали, что в одном учебнике достовернее историческая база, в другом – лучше методологическая подача материала, в третьем – затягивают увлекательность изложения и простота языка. Вот именно всем этим требованиям – требованиям золотой середины – отвечает новый учебно-методический комплекс по истории с шестого по десятый класс. Комплексом он назван

потому, что на основе единого стандарта преподавания истории разработана линейка учебников – как традиционная печатная книга, так и электронный учебник, дополняемые хрестоматиями и богатым иллюстративным и документальным материалом, а также ссылками на проверенные интернет-ресурсы.

Учебно-методический комплекс составлен таким образом, что учебник – это матрица, через чтение и усвоение которой постепенно вырастет историческое мировоззрение. Это – ключ к знанию. Бумажный учебник – лидер, но за ним находится не менее значимая база – гиперссылки на документальную базу, базу данных в Интернете, иллюстрации, электронный учебник, традиционные хрестоматии.

А вот систему координат – чем и как на каком этапе пользоваться – будет расставлять педагог.

КНИГА-НАВИГАТОР

АВТОР

ТАТЬЯНА АНИКЕЕВА

УЧЕБНЫЙ ГОД В ШКОЛАХ НАЧАЛСЯ С ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПО НОВЫМ УЧЕБНИКАМ, ТОЧНЕЕ, ПО УМК – УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИМ КОМПЛЕКСАМ – НОВОМУ ЯВЛЕНИЮ В ИЗУЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПО ЕДИНОМУ СТАНДАРТУ. НЕ ПО ЕДИНОМУ УЧЕБНИКУ, А ПО ЕДИНОЙ КОНЦЕПЦИИ, БЕЗ КОТОРОЙ НЕВОЗМОЖНО ЕДИНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО. С ЛИНЕЙКОЙ НЕСКОЛЬКИХ УЧЕБНИКОВ ПО ИСТОРИИ.

С 1 СЕНТЯБРЯ 2015 ГОДА многоэтапная экспертиза специалистов Российской академии наук, Российской академии образования, Российского исторического общества и Министерства образования и науки РФ упразднила 24 учебника истории для средней школы и еще около 30 видов хрестоматий и прочих дополнительных материалов. Им на смену пришел единый учебно-методический комплекс учебников по истории с шестого по десятый класс. Его основу составляют печатный и электронный учебники, система гиперссылок на интернет-ресурсы, хрестоматия для учителей, богатая документальная и иллюстративная база, также хранящаяся на специальных ресурсах в Интернете.

– Мы старались соответствовать культурно-историческому стан-

дарту времени, – делится впечатлениями от работы по созданию учебно-методического комплекса по истории профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета Леонид Ляшенко. – С одной стороны, через бумажный и электронный учебники мы старались осуществить принцип преподавания «живой истории» – в учебниках много историй людей, легендарных для страны, есть разделы культуры и быта. С другой стороны, отказавшись от многообразия учебников, сохранили обязательную цель – дать вариативность изучения истории, знакомство с разными точками зрения на одно и то же событие, если эти точки зрения подкреплены документальной базой, учат думать и анализировать.

Так в чем новация УМК?

– Бумажный учебник мы оставили вершиной знания, – говорит один из соавторов УМК, учитель истории, обществознания, права и экономики московской гимназии №1539 Иван Федоров. – Он – ключ ко всем остальным современным инструментам знания. А электронная книга и гаджеты как таковые – ответ на потребности стремительно меняющегося общества и на запрос растущих потребностей той части общества, которая помимо чтения выбирает визуальное восприятие информации. При этом не стоит упрощать значение электронного учебника. Он не только и не столько иллюстрация и наглядность, он также учит думать и развивает ученика на основе нового методического аппарата и визуального ряда.

По мнению Игоря Андреева, линейка новых учебников отличается от старых главным образом тем, что в их основе лежит единая для всех методологическая концепция и единый содержательный стандарт. Это попытка на базе разработанного стандарта и современной, на основе новых технологических возможностей методики преподавания достичь общенационального консенсуса по видению отечественной истории.

МЕТОДИКА КАК СПОСОБ УВЛЕЧЬ

Определенной трудностью в интересном преподавании истории принято считать стандартный для педагогики ориентир на некоего среднего ученика. И именно этот ориентир нивелирует отношение к предмету. Авторы УМК реши-

ли взять за основу ориентацию на три категории учащихся: интересующихся общественной жизнью, равнодаленных от нее (как раз некий «средний ученик») и предпочитающих функциональное отношение к предмету (надо, но интерес минимален). Таким образом, выбор линейки учебников рассчитан на три уровня запросов учащихся: базовый, повышенный и профильный. Выбор каждого из них – это как раз выбор вида учебника, включая электронные носители, что составляет предмет забот педагога, родителей и учащихся.

– В выборе курса и учебника я – за симбиоз высоких технологий и печатных учебников и симбиоз мнения ребенка и родителя, – говорит профессор кафедры истории России Средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета Олег Волобуев. – Если создавать новое поколение учебников, то они должны отражать новое мышление и новый методический аппарат освоения этого мышления. И в этом смысле новый учебно-методический комплекс возвращает и методику преподавания как неотъемлемую часть изучения истории, и авторитет учебника.

Олег Волобуев считает достижением команды авторов учебно-методического комплекса линейки учебников по истории тот факт, что произошел отказ от ставки на беспристрастное изложение фактов.

– Нельзя историю родины преподавать как нечто отстраненное и чужое, – убежден Олег Волобуев. – Нельзя впадать в другую крайность – патетики или, тем более, квасно-

го патриотизма. В новых учебниках делается упор на изложение нескольких точек зрения – достоверных и научно обоснованных, из которых ученик будет выбирать свою, причем все это делается через выверенную и стандартизированную методику. Это – несомненный шаг вперед. Такая подача действительно учит думать, а просто изложение всех точек зрения, без отбраковки спорных, или бездоказательных, или скандальных, как это было раньше, только путает детей и превращает историю в помойную яму.

Таким образом, учебно-методический комплекс по истории взял на себя роль навигатора в море достоверной и проверенной информации, работающего на основе высоких технологий и классического печатного слова. При этом он не просто отражает новое мышление. Его главная задача – готовить детей думать, а не учить, тем более – заучивать.

Как будет учить думать УМК, прошу объяснить Игоря Андреева и Олега Волобуева на трудном, но всех интересующем примере – что такое для России 1917 год? «Великая Октябрьская социалистическая революция»? «Октябрьский переворот»? «Цветная революция»? Просто революция?

– Подход учебно-методического комплекса – не врать, – терпеливо объясняет Игорь Андреев. – Излагать все доказательные и репрезентативные точки зрения, опирающиеся на факты и документальную базу, расставляя приоритеты по мере взросления учащихся. И, таким образом, учить их не заучивать материал, а думать и сопоставлять, чтобы к выводам прийти самостоятельно. УМК поэтому не только линейка учебников, но и интеллектуальный, то есть развивающий продукт.

– При этом новый учебный курс не просто несет информацию, аргументацию и знания, – дополняет коллегу Олег Волобуев, – но – и это наша последовательная позиция – воспитывает. Что также важно, не за счет выстраивания идеологем, которые надо заучивать, а за счет последовательной – с шестого по десятый класс – работы по созданию у учащихся целостной исторической картины мира, которая и формирует массовое историческое мировоззрение.

Ученики во время урока в гимназии №23, в которой в качестве эксперимента внедряются электронно-образовательные комплексы

ОРИЕНТИР, НО НЕ ДОГМА

И в этом смысле новый учебно-методический комплекс по истории – не застывшая «правильная» догма и нестина. Это живой организм, который будет расти и развиваться. К примеру, учебная подборка-хрестоматия для десятого класса «Для тех, кто интересуется историей» рассчитана на обретение профильно-го уровня знаний. Но не исключено, что этот экспериментальный подход к изложению исторического материала ляжет в основу обобщающе-го курса истории для одиннадцатого класса, который будет встраивать курс отечественной современной истории в контекст мировой, продолжая создание у школьников целостной картины мира.

– Мы ни в одном учебнике не выпячиваляем и не приижаем роль русского народа в российской истории, – говорит заведующий редакцией истории, обществознания и искусства книжного издательства «Дрофа» Сергей Тырин. – И то, и другое – это путь в никуда, что доказывают некоторые учебники истории стран СНГ, построенные на возвеличивании своих титульных народов и их самоутверждении за счет создания образа врага из соседа. Как мы видим на примере Украины, такая история стреляет. Мы особо настаиваем на том, что учебно-методический комплекс линейки учебников по истории не просто информирует и не только воспитывает, он последовательно, сообразно возрасту и степени подготовленности ребенка, позволяет формировать его историческое мировоззрение. И в этом смысле, как и в смысле объединения роли печатного и электронного учебников в преподавании истории, наш опыт интересен соседям. По растущим обращениям к нам коллег из СНГ понимаю, что мы – ориентир для соседей. Ведь важно, какое и как формировать мировоззрение.

В то же время, как уверяют ученые, педагоги и чиновники Министерства образования и науки РФ, стремительного и массового напора на сознание учащихся новой линейки учебников не будет. Курс будет вводиться постепенно, и с учетом того, как на него реагируют учащиеся, линейка учебников будет обновляться, дополняться и совершенствоваться. ■

2011 год.
Лайла Брице на свидании с младшей дочкой под присмотром британских инспекторов

ЗАЩИТИЛ ЛИ ЛАТВИЯ СВОИХ ДЕТЕЙ?

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ЛАТВИИ РАЗВЕРНУЛАСЬ ШИРОКАЯ КАМПАНИЯ ПРОТИВ НАСИЛЬСТВЕННОГО ИЗЬЯТИЯ ДЕТЕЙ У ЛАТВИЙСКИХ ГРАЖДАН, ПРОЖИВАЮЩИХ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ, И ПЕРЕДАЧИ ИХ В ПРИЕМНЫЕ БРИТАНСКИЕ СЕМЬИ. ПРИ ЭТОМ, В НАРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ, АНГЛИЙСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЛУЖБЫ ДАЖЕ НЕ СТАВЯТ В ИЗВЕСТНОСТЬ СТРАНУ, ГРАЖДАНАМИ КОТОРОЙ ЯВЛЯЮТСЯ ЭТИ ДЕТИ. ИМ МЕНЯЮТ ИМЕНА, ФАМИЛИИ И ГРАЖДАНСТВО, ЛИШАЯ РЕБЕНКА НЕ ТОЛЬКО БИОЛОГИЧЕСКИХ РОДИТЕЛЕЙ, НО И ЕГО РОДНОГО ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.

3

А ПРОШЛЫЙ ГОД У ЛАТВИЙЦЕВ, выехавших на заработки в страны Евросоюза, было изъято местными социальными службами более 20 детей, а за восемь месяцев этого года к властям Латвии за защитой обратились уже 15 граждан, лишившихся своих детей за границей. Самый громкий случай, о котором не раз писали СМИ, связан с русскоязычной гражданкой Латвии Лайло Брице, у которой пять лет назад в Лондоне забрали 2-летнюю дочь Катрину Брице, также имеющую латвийское подданство. Ребенка забрала из квартиры полиция, поскольку убегавшая на работу мама оставила дочь одну спящей в кроватке, не дождавшись прихода няни. А няня задержалась в автомобильной пробке. Заглянувший в тот момент в квартиру хозяин вызвал полицию. Подоспевшая няня спасти ситуацию не смогла, полиция передала малышку социальным службам.

Так начались хождения провинившейся матери по департаментам и комиссиям... Маленькая девочка, зная только русский язык, кочевала по временным приемным семьям. Матери и ее старшей дочери сначала разрешали редкие свидания с малышкой, которая быстро начала забывать родной язык. Нередко ее привозили с ссадинами и ушибами, ребенок плакал, жаловался, что его обзывают другие дети в чужом доме. Мать писала жалобы, протесты, умоляла... А два года назад свидания под предлогом «защиты интересов ребенка», которого готовили к передаче на постоянную адаптацию британской паре, были запрещены. Лайла Брице по сей день ничего не знает о местонахождении младшей дочери. Не знает, жива ли она, здорова, как с ней обращаются, помнит ли она свою маму и сестру Майю... Все судебные инстанции, через которые она уже прошла, отказались вернуть ей ребенка.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«НАМ ЭТО НЕ ГРОЗИТ?..»

Я даже пойму, если те из вас, кто читает эти строки, мне не поверят – уж слишком невероятной и чудовищной кажется история латвийской мамочки. Есть и такие, кто уверен: раз забрали ребенка – сама виновата. Не надо было оставлять одного, в Великобритании вообще запрещено оставлять детей до 12 лет без присмотра. Да, конечно, виновата. Лайла этого не отрицает, все эти пять лет она на коленях умоляла ее простить, старалась выполнить все требования ювеналов, пока была у них на испытательном сроке. Одно она отказалась сделать – молчать. А ей под угрозой тюремного заключения было запрещено разглашать какие-либо подробности, обращаясь в СМИ. Сначала она просила помочь у родного посольства, но и оно согласилось подключиться к делу только после шумихи в прессе. Тогда власти Латвии попросили передать дело своих гражданок под их юрисдикцию. Британия отказалась, так же как и в том, чтобы сделать Латвию третьей стороной в судебном процессе об адаптации. Послу также было отказано в информации о местонахождении девочки.

В прошлом году силами Европейского русского альянса при участии российского Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, в Интернете был создан сайт на русском языке – www.saveafamily.eu, на котором можно прочитать о таких же историях, случившихся с выходцами из Восточной Европы в Норвегии, Франции, Германии, Дании, Великобритании. Создавая ресурс, его организаторы попытались разрушить миф о том, что детей отнимают только у алкоголиков и наркоманов, у семей, живущих за чертой бедности, а потому «нам это не грозит». Увы, это не так... Сайт предназначен для соотечественников, проживающих в странах ЕС или Европейского экономического сообщества либо планирующих переезд в ЕС и ЕЭС. Решаясь на выезд с детьми за пределы своей страны, люди должны разбираться в тонкостях существующей в разных странах ЕС ювенальной юстиции. Иначе они могут угодить в ловушку, которой не уда-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

На плакате рижского художника С. Тюленева латвийская статуя Свободы встала на защиту детей Латвии

лось избежать сотням несчастных матерей. Только в одной Великобритании за 2014 год было адаптировано более 5 тысяч детей, большая их часть – из семей иммигрантов. Средний возраст таких детей – 3,5 года, 83 процента из них – европейцы. Суды Великобритании практически всегда принимают сторону социальных служб в процессах по изъятию ребенка из семьи иммигрантов и передаче его на воспитание британской приемной семье. Крайне редко кто из пострадавших матерей решается на протест, опасаясь депортации или тюремного заключения. И та-

ким редким исключением в Великобритании как раз и стала русскоязычная журналистка из Латвии Лайла Брице, которую сегодня многие считают флагманом зарождающегося протестного движения родителей, отстаивающих свои права. На нее смотрят с надеждой. Ибо если победит Лайла, тогда появится шанс и у других матерей.

ЗАЧЕМ БРИТАНЦАМ НАШИ ДЕТИ?

На это надеется и нынешний защитник Брице – член либерально-демократической партии, бывший член британского парламента, председатель организации Justice for Families («Правосудие для семей»), отец пятерых детей Джон Хемминг. Последние десять лет он помогает родителям детей, украшенных, как он говорит, британскими социальными службами. Хемминг принимал участие несколько лет назад в возвращении на родину двух словацких мальчиков, также изъятых у матери в Англии под надуманным предлогом. Сейчас Хемминг консультирует власти Латвии по делу Катрины Брице. Корреспонденту журнала «Русский мир.ru» удалось задать ему несколько вопросов, на которые британский защитник ответил по скайпу на пресс-конференции, недавно прошедшей в Риге.

– Почему я помогаю Лайле Брице? Этого я никогда не скрывал – я хочу, чтобы прецедент открыл дорогу для спасения детей иммигрантов, украшенных этим государством, – категорично заявил бывший депутат парламента Великобритании. –

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Британский правозащитник Джон Хемминг ответил на вопросы рижских журналистов по скайпу

Социальные службы, забрав под свою «опеку» ребенка у Лайлы Брице в 2010 году, превысили полномочия. И вместо того, чтобы вернуть девочку в ее родную семью, как это через три дня рекомендовали им сделать в полиции, они решили отдать ее на адаптацию в приемную. Даже не показав матери документ с рекомендацией полиции данного округа!

– Почему социальные службы препятствовали воссоединению семьи Брице?

– Потому что правительство страны добивается от социальных служб совершенно другого: повышения числа детей, передаваемых на адаптацию британским семьям. У меня есть эти данные с цифрами, определенными для каждого конкретного округа. Маленькая девочка из Латвии стала жертвой плана по увеличению оборотов по адаптации детей. Вот почему соцслужбы округа даже не сообщили о случившемся латвийскому посольству, утверждая, что они обычно этого не делают. И лишь в 2014 году власти округа признали, что обязаны были это сделать. Тем не менее решение о передаче Катрины Брице на адаптацию приемным родителям отменено не было.

– Почему же в деле со словацкими детьми Британия пошла на уступки?

– В том случае судебный процесс был на более ранней стадии, когда было проще развернуть дело и приостановить усыновление. Сыграло свою роль и вмешательство правительства Словакии, которое выразило решительный протест против изъятия детей у этой семьи и пригрозило обратиться в ЕСПЧ. В дополнение в Великобританию была отправлена дипломатическая нота. Внимание общества к проблеме удалось привлечь шумным пикетом словацких матерей в Лондоне, пришедших к зданию суда с пустыми колясками как символом украденных младенцев. В итоге оба мальчика вернулись в Словакию, сейчас они в родной семье.

– Что должны предпринять государственные лица страны для

девочки из Латвии, поделилась видением проблемы. Правда, предупредив, что она не будет называть имени ребенка. Все, что творится в семейных судах Великобритании, происходит под покровом секретности и под благовидным предлогом соблюдения интересов ребенка. Как рассказала Сью, по этой причине уже около 200 родителей понесли тюремное наказание за то, что они рассказывали об изъятых у них детях. Лайла Брице недавно также получила очередное предупреждение, в котором ей предписывалось удалить все фотографии ее младшей дочери и видеоролики из социальных сетей, иначе против нее будет вынесено решение о тюремном заключении. Но что такое тюрьма по сравнению с отнятым у нее ребенком? Сью подтвердила нам, что «кеис ребенка «K» – так здесь называют дело Катрины Брице – привлек всеобщее внимание и в Великобритании, потому что латвийское правительство выразило протест в адрес британского парламента в связи с судьбой гражданки Латвии. Здесь к этому как-то не привыкли... «Глава семейных судов Д. Мэнби, – заявила английская журналистка, – на недавней встрече с представителями государств и дипломатами из стран Восточной Европы сам выказал озабоченность ситуацией в социальных службах. На их действия уже есть много жалоб и заявлений от Польши, Венгрии, Латвии, Словакии. Я хорошо помню, что на этой встрече им было сказано: если ребенок изъят у семьи из Восточной Европы, то и дело о его адаптации должно рассматриваться в той же стране. И вот на тебе! Совершенно очевидно, что в «кеисе «K» этого не произошло! Тот же самый судья Мэнби в августе нынешнего года выносит решение об отказе в апелляции, в которой власти Латвии просили передать это дело под их юрисдикцию. Я уверена, причина одна – деньги. В Британии существует настоящий рынок адаптации детей иммигрантов. В Великобритании под надуманными предлогами отнимают детей, чаще всего именно у новых иммигрантов из восточноевропейских стран, и передают их в приемные семьи, которые по-

На благотворительный концерт в Риге пришли семьи с детьми

спасения Кати Брице и других детей от принудительной адаптации?

– Действия социальных служб в Великобритании в отношении выходцев из других стран уже вызвали немало проблем. Я бы призвал увеличить политическое давление на Великобританию, чтобы остановить похищение детей и сделать семейные суды открытыми, чтобы родителям не грозил тюремный срок за разглашение информации об отнятых у них детях. Я принатален властям Латвии за то, что они все-таки поддержали наше прошение в Верховный суд своим письмом. Посмотрим, к чему это приведет. Возможно, дело Брице пойдет дальше – в Европейский суд по правам человека. Это очень важно, только так мы можем повлиять на правительство Великобритании, которое разрушает систему «защиты детей», превращая ее в «систему адаптации». Еще более категорична журналистка английской газеты Daily Mail Сью Рейд, которая, по нашей просьбе внимательно изучив дело русской

Юлия Степаненко, депутат Сейма Латвии («Согласие») и мать четверых детей, рассказала о нескольких случаях изъятия детей за границей

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

лучают за опеку на каждого ребенка по 600 фунтов в неделю. А таких детей там обычно по 6–8 в каждой семье. В прошлом году в нашей стране были отправлены на адаптацию 5 тысяч детей. Это 5 тысяч трагедий реальных матерей! Я разговаривала с сотнями таких матерей – это страшно! Даже если семьи испытывают трудности, социальные службы обязаны помогать им, а не отнимать детей по любому нелепому поводу. У меня была встреча с семьей, у которой отняли ребенка за то, что родители курили. У другой матери – за синяки на ноге мальчика, полученные от падения с качелей. Мы должны понимать, что здесь замешаны деньги. Местные власти могут уплатить 27 тысяч фунтов агентству по адаптации за каждого ребенка, чтобы те нашли ему других родителей. Это очень печально, но то, что творится в нашей стране, это абсолютная коррупция! И это позор Британии! – ставит неутешительный диагноз Сью Рейд. Она добавила, что приемные семьи, желающие усыновить ребенка, непременно хотят, чтобы он был похож на них, поэтому особенным спросом пользуются дети до 5 лет европейского типа, желательно светловолосые. Вот и получается, что «самые плохие» родители, которым нельзя доверить воспитание ребенка, – все в основном выходцы из стран Восточной Европы – 83 процента усыновленных детей приходится на их долю!

ВЕРНУТЬ ДЕТЕЙ НА РОДИНУ

Лайла Брице сейчас сама взялась за консультацию таких же несчастных матерей, своих соотечественниц, помогая им с подготовкой жалоб и заявлений в судебные инстанции. «Таких, как я, в Великобритании – сотни, – уверяет она. – Но они настолько запуганы полученными от соцслужб угрозами, что боятся куда-либо жаловаться, иначе их могут лишить даже редких свиданий с детьми. Все, что держит их в этой стране, – только надежда вернуть своих детей. Они здесь абсолютно беспомощны и незащищены. Великобритания превратила нас в инкубатор для поставки детей на адаптацию, а наше государство до недавнего времени ничего не желало об этом слышать!»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Депутат Сейма Латвии Игорь Пименов («Согласие») уже более года борется за возвращение Кати Брице под юрисдикцию Латвии

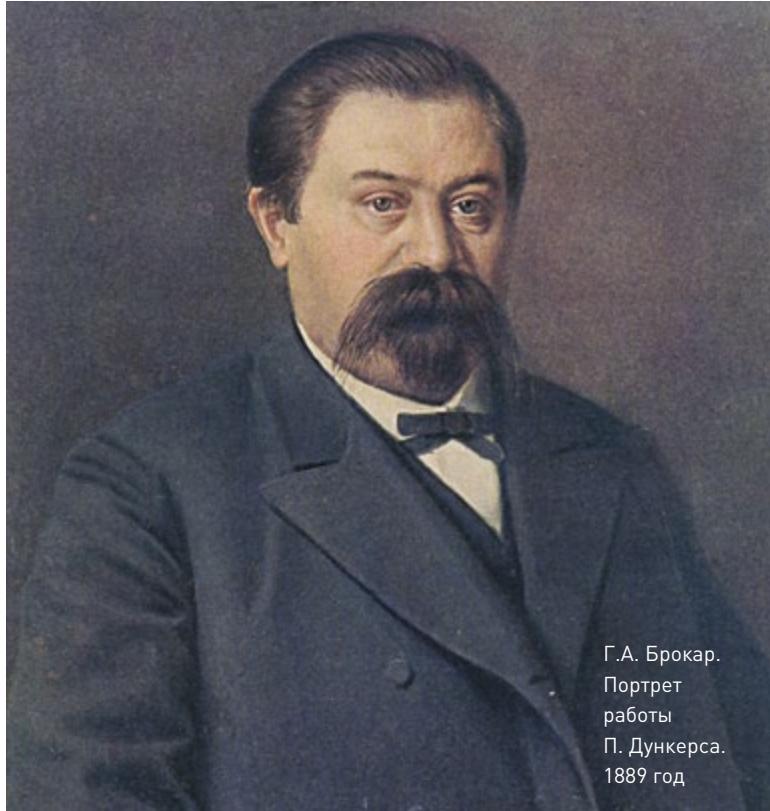
Я поинтересовалась у присутствующих на пресс-конференции депутатов Сейма Латвии, нельзя ли принять закон, запрещающий насильственную передачу детей приемным семьям за границей без согласия родителей и наших властей. Депутат от партии «Согласие» Игорь Пименов рассказал о своей недавней встрече по этому вопросу с президентом Латвии Раймондом Вейонисом, который тоже высказался за государственную поддержку наших граждан, попавших в подобные неприятности за границей. «По моему глубокоумному убеждению, британская сторо-

на нарушила существующие международные нормы, закрепленные в Венской конвенции 1963 года. Не может британский суд так просто лишить гражданина другой европейской страны его гражданства. И это не единственный случай! В данный момент под угрозой адаптации в Англии находится гражданка Латвии Элина Курдюкова, у которой соцслужбы изъяли троих ее детей – 3, 5 и 6 лет. Про дело Брице знает общественность Великобритании, Латвии, Литвы, России, точно такие же судебные процессы сейчас ведутся в отношении и других семей из Восточной Европы». Второй депутат от «Согласия», Юлия Степаненко, рассказала и о других похожих случаях...

Через неделю после пресс-конференции группа поддержки Лайлы, куда входят около ста человек, а в Интернете их – не менее тысячи, организовала и провела в Риге в Верманском парке благотворительный концерт в защиту латвийских детей, отнятых у родителей за границей, и за возвращение Кати Брице домой в Латвию. В концерте приняли участие около ста детских и юношеских коллективов Латвии, а также профессиональные музыканты. Во время концерта было собрано более 400 подписей под петицией к латвийским властям в поддержку инициативы президента о защите несовершеннолетних граждан Латвии, проживающих за границей. Под петицией уже поставили подписи видные общественные деятели и работники культуры Латвии.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Г.А. Брокар.
Портрет
работы
П. Дункерса.
1889 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Фабрика
Брокара.
1865–1866 годы

МЫЛЬНАЯ ФЕЕРИЯ

В 1836 году в городке Ландревильль, что находится между знаменитыми своими виноградниками Бургонью и Шампанью, родился Анри Брокар. Дед его был виноделом, а отец – парфюмером. Позже отец перебрался в Париж и завел там небольшое парфюмерное предприятие и магазин. Именно по наставлению отца, считавшего, что необходимо осваивать новые рынки, 25-летний Анри Брокар прибыл в Москву в 1861 году. Тогда он еще не догадывался, что проживет здесь около сорока лет и войдет в историю как основатель фабрики «Брокар и К°», которая существует до сих пор. Только называется она теперь «Новая заря»...

В начале 1860-х годов, после отмены крепостного права, русская промышленность находилась на подъеме, и российские фабриканты часто искали для

ЖИЗНЬ ПАРФЮМЕРА

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

ЭТОТ ИЗЫСКАННЫЙ АРОМАТ СУЩЕСТВУЕТ УЖЕ БОЛЕЕ СТА ЛЕТ И ЗНАКОМ БОЛЬШИНСТВУ ЖЕНЩИН В РОССИИ. ЕГО ЛЮБИЛИ НЕ ТОЛЬКО НАШИ МАМЫ И БАБУШКИ, НО ДАЖЕ И ПРАБАБУШКИ. ТОЛЬКО ЕСЛИ ПЕРВЫМ ОН ИЗВЕСТЕН КАК «КРАСНАЯ МОСКВА», ТО ВТОРЫЕ ЗНАЛИ ЕГО ПОД НАЗВАНИЕМ «ЛЮБИМЫЙ БУКЕТ ИМПЕРАТРИЦЫ». А ПРИДУМАН И ПРОИЗВЕДЕН ЭТΟТ АРОМАТ БЫЛ НА МОСКОВСКОЙ ФАБРИКЕ, УСТРОЕННОЙ ОДНИМ УПРЯМЫМ ФРАНЦУЗОМ, ПРОМЕНЯВШИМ ОДНАЖДЫ ПАРИЖ НА МОСКВУ...

ПОЛТОРА ВЕКА НАЗАД в российской «индустрии красоты» тон задавали предприниматели-французы. И, скажем, в рекламе фирмы Ралле самодовольно утверждалось, что ей принадлежит «самая старая и величайшая фабрика парфюмерных изделий в России». Конечно, до Ралле, основавшего фабрику в

1843 году, в Москве существовали «помадные» и парфюмерные мастерские Лемерье, Бородина и других, но до конца XIX столетия они не дожили. А на рубеже XIX–XX веков основная борьба за покупателя шла между двумя российскими фабриками, одна из которых принадлежала Альфонсу Ралле, а другая – Анри Брокару.

Атанас Брокар –
родоначальник
династии
парфюмеров

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

работы опытных технологов из Европы. Так Брокар и нашел работу в Москве: первые четыре года он трудился технологом на парфюмерной фабрике Гика. В Москве Брокар обрел и семейное счастье: в сентябре 1863 года он женился на Шарлотте Равэ, дочери бельгийского подданного, владельца известного магазина хирургических инструментов.

Работая у Гика, Брокар изобрел концентрированные духи, рецепт которых продал фирме Бертран в знаменитом парфюмерном центре Франции – Грассе. Так что профессиональная репутация талантливого парфюмера, несмотря на молодость, была высокой. А потому нет ничего удивительного в том, что в 1863 году 27-летнему Брокару предложили место директора парфюмерного торгового дома Легран в Париже с условием получения половины прибыли. Но Брокар отказался от лестного предложения и вернулся в Россию. Заработанные на продаже концентрированных духов 25 тысяч франков Брокар использовал как начальный капитал для устройства в 1864 году собственного дела в Москве. Маленькое предприятие размещалось в Хамовниках, в Тёплом переулке.

16 июня 1865 года Брокар получил в Московской Ремесленной управе дозволение на производство «фельдшерного мастерства». Его определили в фельдшерный ремесленный цех, поскольку специального объединения мастеров-парфюмеров не было по причине их малочисленности.

Брокар, которого в Москве на русский манер звали Генрихом Афанасьевичем, вместе с помощниками варил в день всего 100–120 кусков мыла, которые тут же развозились по лавкам. Помогали ему мыловар Алексей Бардуков, проработавший у Брокара в итоге полвека, и рабочий Герасим, растиравший ингредиенты в каменной ступке. Брокар, Бардуков и Герасим самолично развозили товар по лавкам галантерейщиков

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обертка «Народного мыла», зарегистрированная в Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов, с целью предотвращения подделок

Дунаева, Смирнова и Дамтина. Пытаясь завоевать симпатии покупателей, Брокар проявлял недюжинную изобретательность: выпускал мыло «Детское» с оттиснутыми на каждом куске буквами алфавита, варил «Медовое» и «Янтарное» мыло. В 1866 году он выпустил на рынок прозрачное глицериновое мыло «Шаром», которое приобрело огромную популярность. Мыло было изготовлено в форме шара диаметром 4,5 сантиметра и стоило 5 копеек. На этом фантазия Брокара не иссякла.

Анри и Шарлотта
Брокар
в первые годы
супружества.
1864 год

Следующим успешным маркетинговым ходом стал выпуск зеленого мыла в виде огурца, а также продажа более дорогих сортов мыла разных цветов и с разнообразными отдушками.

Понимая, что для широкомасштабных продаж своего мыла необходимо ориентироваться на самое простое население, Брокар придумал очередную новинку. Его «Народное мыло» по цене 1 копейка за кусок продавалось по всей России на ярмарках, откуда крестьяне привозили этот дешевый и нужный гостинец в семьи. Современники говорили, что до появления дешевых сортов мыла Брокара в русской деревне мыла почти не знали.

ПАРФЮМЕРНЫЙ ФАБРИКАНТ

В 1869 году Брокар купил городскую усадьбу на Мытной улице, где и устроил фабрику, постепенно выросшую в огромное предприятие.

Верной помощницей Брокара стала его супруга Шарлотта Андреевна. Она вела делопроизводство и общалась с клиентами-оптовиками.

«Брокар и К°» значительно расширила ассортимент выпускаемой продукции, теперь это было не только мыло, но и духи и разнообразные помады и пудры. В 1884 году продукция Брокара получила Гран-при в Бостоне, в 1885-м – золотые медали в Антверпене и Париже, в 1893-м – вновь Гран-при на Всемирной выставке в Чикаго. В 1889 году на Всемирной выставке в Париже оглушительный успех имели духи «Персидская сирень», получившие золотую медаль. А в 1896 году продукция Брокара получила высшую награду Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде. С того же года на изделиях «Брокар и К°» появилось изображение государственного герба Российской империи. Брокар успешно продавал мыло: «Греческое», «Спермацетное», «Военное», «Национальное», «Мятное», «Кокосовое» и даже «Электрическое».

трическое». Помаду для волос, выпущенную во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, он назвал «Букет Плевны». А в 1910 году российские газеты заполонила реклама очередной новинки от Брокара – специальной «мыльной палочки для бритья». Реклама сообщала мужчинам, что сие изобретение – «гигиенично, практически, экономично».

Уже в начале 1890-х годов оборот фабрики Брокара превысил 1 миллион рублей. Фирма «Брокар и К°» стала лидером российского парфюмерного рынка. В 1893 году было образовано патентное товарищество с основным капиталом 1 миллион 800 тысяч рублей. На Мытной улице было возведено шесть огромных корпусов фабрики, а правление и основной склад размещались на улице Никольской, в доме №10, в так называемом Шереметевском подворье, где владельцы, графы Шереметевы, сдавали помещения в аренду под конторы, магазины и гостиницу. Крупные оптовые склады «Брокар и К°» имела также в Санкт-Петербурге на Садовой улице и на Нижегородской ярмарке. Представительства компаний действовали в Варшаве, Риге, Минске, Екатеринославе. Брокар получил звание поставщика российского и испанского императорских дворов. Его продукция экспорттировалась во Францию, Бельгию, Испанию, США, Персию, Китай и Японию. В 1912 году на фабрике Брокара числилось 1200 рабочих, для которых Шарлотта Брокар организовала кассу взаимопомощи с благотворительным капиталом в 300 тысяч рублей.

Качество продукции обеспечивалось первоклассным сырьем. Сало для мыловарения поставляли несколько проверенных салотопенных заводов, а для изготовления «Кокосового» мыла из Индии доставлялись ядра кокосов (80 тысяч пудов, или 1280 тонн. – Прим. авт.). И даже отходы не пропадали: кокосовый жмых продавался в Англию на корм скоту. Со временем его стали покупать передовые русские животноводческие хозяйства.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вид фабрики
Брокара.
1887 год

Дела у Брокара шли замечательно, его парфюмерный товар пользовался огромным спросом. «Цветочный одеколон», мыло «Глицинериновое», пудра «Лебяжий пух», парфюмерная линия «Дивный ландыш», одеколоны «Джиюконда», «Тильлия», «Северный», «Японский», «Жокей-клуб», зубной эликсир «Десноль» – эти названия были знакомы любому мало-мальски знакомому с гигиеной россиянину.

Кстати, «рассыпная» рисовая пудра с говорящим названием «Лебяжий пух» так нравилась потребителю, что только в 1914 году было продано 2,5 миллиона коробочек. Между прочим, эта пудра производилась и продавалась в Москве вплоть до 90-х годов XX века.

Кусок брокаровского мыла стоил 15–20 копеек – недешево, если в то время за килограмм говядины первого сорта платили 25 копеек, курица обходилась в 50 копеек за тушку, а за десяток яиц отдавали 20 копеек. Но, несмотря на довольно высокую цену, потребителя

привлекало высокое качество, приятный запах, экономичность. А потому спрос только рос. Если в 1864 году фабрика Брокара выпустила 700 тысяч кусков мыла, то в 1894-м этот показатель достиг 10,3 миллиона кусков, в 1904 году составил 17,5 миллиона, а в 1914-м – 34,7 миллиона кусков! В том же, 1914 году «Брокар и К°» выпустила 4,3 миллиона флаконов духов, 2,5 миллиона флаконов «Цветочного одеколона», 2,5 миллиона коробок пудры «Лебяжий пух». Можно сказать, что косметическими товарами «Брокар и К°» пользовалась почти каждая российская семья. Но самым популярным и легендарным продуктом Брокара стали знаменитые духи «Любимый букет Императрицы», выпущенные к 300-летию дома Романовых в 1913 году. Их аромат настолько покорил женскую половину населения России, что их продолжают выпускать до сих пор. Только называются они иначе – «Красная Москва».

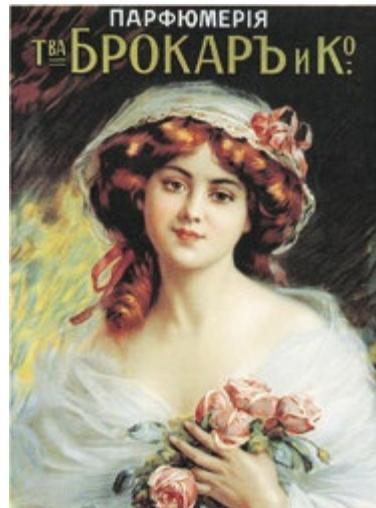
Ворота фабрики
Брокара.
1893 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ФОНТАН ИЗ ОДЕКОЛОНА

В 1872 году Брокар открыл свой первый магазин, на улице Никольская. Спустя шесть лет появился второй – на Биржевой площади. День открытия второго магазина москвичи запомнили надолго. Брокар, трепетно относившийся к изяществу и затейливости упаковки, выпустил к открытию магазина коробки с миниатюрными образцами десяти видов продукции. Коробка стоила 1 рубль. Покупатели, желавшие приобрести новинку, буквально осадили магазин. За несколько часов было продано 2 тысячи коробок! Для регулирования очереди пришлось вызвать полицию, которая, во избежание беспорядков, была вынуждена закрыть магазин в три часа дня.

Перед Первой мировой войной в Москве работали уже четыре магазина Брокара: к двум вышеназванным добавились магазины на Петровке и Тверской. Магазин в Верхних торговых рядах привлекал покупателей роскошным интерьером и товарами класса люкс.

На Всероссийской промышленно-художественной выставке, которая проходила в Москве в 1882 году, Брокар вновь удивил покупателей. Он устроил фонтан из... одеколона, которым мог надуться любой желающий. Очевидцы рассказывали,

что многие из простонародья снимали с себя пиджаки и подставляли их под благоухающие струи, а то и просто полоскали носовые и шейные платки в одеколоне, наполнявшем до краев чашу фонтана. Духи и одеколоны Брокара зачастую отличались не только оригинальной рецептурой, но и необычными названиями. Чего стоят, например, такие, как «Свежее сено», «Люби меня», «Цвет яблони», «Идеал грэз», «Водяная лилия», «Индийская вода» и, наконец, совсем неожиданные – «Конец века».

Примечательно, что «французский стиль» продукции подчеркивался тем, что на этикетках все названия писались по-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Витрина
Товарищества
«Брокар и К°»
на Всемирной
Парижской
выставке
1900 года

Рекламный плакат
Товарищества «Брокар и К°»

французски и по-русски, что, несомненно, возбуждало фантазию покупателя.

Стандартные флаконы для духов Брокара были конусовидной или четырехгранной формы, чаще всего высотой от 9 до 15,5 сантиметра. Для новых сортов духов и одеколона специально изобретались бутылочки необычной формы. До наших дней дошли флаконы в виде трилистника или скалы со стоящим наверху белым медведем (крышечкой). Они весьма ценятся современными коллекционерами.

ВОТ ПРИЕДЕТ БРОКАР!

Создав настоящую парфюмерную империю в России, Брокар разбогател. И это позволило ему осуществить давнюю мечту: собрать коллекцию предметов искусства.

С 60-х годов XIX века коллекционирование стало стилем жизни в среде культурных московских фабрикантов. Уже были известны коллекции братьев Павла и Сергея Третьяковых, Боткиных, Якунчиковых. С одной стороны, это вдохновляло Брокара в его увлечении. С другой стороны, на «благородное хобби» сильно влияли поездки Генриха Афанасьевича на родину, во Францию – страну, давшую всему миру образцы изысканной роскоши и высокого стиля в искусстве и в жизни.

В 1872 году 35-летний Брокар по слухам купил несколько картин фламандцев и несколько предметов старинной мебели. Азарт коллекционера проснулся в нем сразу же и уже не угасал до конца дней.

Вторая половина XIX века, когда составлял свою коллекцию Брокар, была весьма удачным временем для собирательства. Быстро богатевшие бизнесмены желали подражать аристократам в образе жизни и со страстью охотника, преследующего добычу, искали интересные вещицы для облагораживания своих интерьеров. Они находили для себя всякие диковинки в солидных антикварных магазинах и на воскресных базарных развалих. В Москве на Сухаревской площади до 1917 года по воскресеньям кипел торг – из сотен палаток за одну ночь вырастал огромный блошиный рынок, где продавалось и покупалось все: от краденых вещей до шедевров искусства, включая поддельных Рафаэлей и Рубенсов. «Аристократической» частью Сухаревки были несколько десятков палаток антикваров и около тридцати палаток букинистов – они размещались ближе к Спассским казармам (примерно на нынешнем пересечении проспекта Сахарова с Садовым кольцом. – Прим. авт.). Ходили сюда все – от заезжих провинциалов до московских миллионеров. Так вот, у продавцов старинных предметов искусства была присказка: «Покупайте, пока Брокара нет в Москве, а придет, вы вещей и не увидите, да и цену-то он даст другую – много дороже!» И это не было преувеличением. Известный московский коллекционер Алексей Петрович Бахрушин писал: «И на поверку все это оказывается правда: придет Брокар – или вещей нет, или просят за них впятеро».

Брокар собирал все, что приводило его в восторг: живопись, предметы декоративно-прикладного искусства – мебель, светильники, бронзу, стекло, фарфор... В Европе он стал завсегдатаем антикварных аукционов. В Москве, узнавая о продаже целых

Экспозиция коллекции Анри Брокара в здании Верхних торговых рядов на Красной площади.
Вторая половина 1890-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

коллекций, он покупал их, опережая конкурентов. Денег не жалел. Это он приобрел коллекции Соколова, московского вице-губернатора Шаблыкина и князя П.Д. Долгорукова после смерти их владельцев.

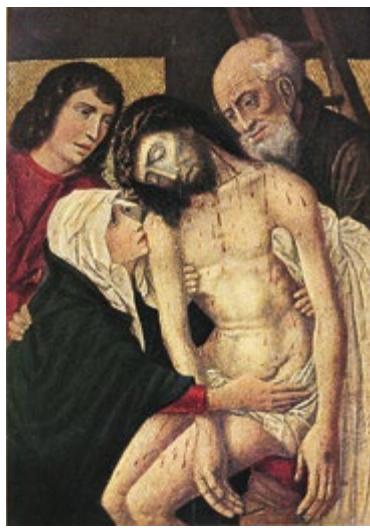
В результате Брокар собрал великолепную картинную галерею – более тысячи полотен, главным образом западноевропейских мастеров XV–XVIII веков. Кроме того, его собрание насчитывало более 1200 предметов декоративно-прикладного искусства, 375 старинных икон, а также образцы старинных тканей и вышивок.

В начале 1890-х годов Брокар решил показать свои коллекции широкой публике, для чего в 1894–1899 годах арендовал помещения в Верхних торговых рядах на Красной площади (нынешнего ГУМа, где на ближайшей к Красной площади линии

имелся огромный зал для банкетов, конференций, балов и прочих общественных мероприятий. – Прим. авт.). В этой экспозиции было выставлено более 5 тысяч произведений искусства из тех 8 тысяч, которые к тому времени собрал коллекционер. Толпы москвичей стремились прийти сюда, чтобы полюбоваться не только на великолепные полотна, но и на чудесные образцы антикварной мебели: гигантский ампирный стол-плато пятиметровой длины, комнатную мебель из бронзы и белого мрамора, гостиную в стиле Людовика XVI, мебельные гарнитуры в стиле буль и жакоб. Жемчужинами живописной коллекции Брокара были столь привлекаемые в Москве голландцы и фламандцы с их излюбленными сюжетами – пасущимися стадами породистых коров и охотой, морской стихией и рыбной ловлей, беззаботным весельем и пирушками простолюдинов.

Назовем только имена живописцев, чьи произведения собрал Брокар. Они многое скажут знатокам: ван Остаде, Асселейн, Виллертс, Веникс, Сегерс, Берг. После революции 1917 года часть коллекции была национализирована и до сих пор находится в золотом фонде Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Лучшими из них по праву можно считать «Суд Париса» Абрахама Блумарта (датируется 1590–1600 годами), «Драка крестьян за картами»

Один из шедевров коллекции Брокара: «Снятие с креста» (фламандская школа. XVI век)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Питера Брейгеля Младшего (1621), «Иов на соломе» Яна ван дер Винена (XVII век). Шедевром исключительной ценности является работа Иоганна Кербеке «Бичевание Христа» – не только из-за ее художественной ценности, но и из-за возраста (она создана в XV веке, даже в Европе произведений этого времени сохранилось немало. – Прим. авт.). Есть в коллекции и итальянские шедевры. Например, «Пейзаж с фигурами» Алессандро Маньиско (1667–1749) или работа мастера генуэзской школы Бернардо Строцци (1581–1644) «Чудесное насыщение пятью хлебами и двумя рыбами». Сюжет этой картины навеян евангельской притчей о том, как Христос накормил пять тысяч человек, пришедших слушать его проповедь, пятью хлебами и двумя рыбами. Эта работа была создана в 30-х годах XVII века, когда Строцци работал в Венеции, и следовательно, ко времени покупки ее Генрихом Афанасьевичем картине было более 250 лет.

ПРИЧУДЫ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

В 1897 году Брокар, движимый меценатским порывом, подарил Историческому музею большую редкость – коллекцию масонских знаков из 70 с лишним предметов, в том числе два ритуальных ковра, фартуки и мечи. Хороша была коллекция Анри Брокара – обширна, интересна, ярка. Однако, при всем уважении к коллекционеру, по Москве ходили слухи и о его причудах. Причуды эти заключались, ни много ни мало... в «улучшении» произведений искусства по разумению хозяина. Слава богу, Брокар не трогал самое ценное из собранного им. Однако в отношении вещей старинных, но «средних» проявлял редкостное самоуправство.

Современник Брокара, Алексей Петрович Бахрушин, писал, что у Генриха Афанасьевича «две несчастные страсти – реставрировать картины, причем он слишком широко пользуется своею властью, как хозяина, – прибавляет и убавляет по своему усмотре-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Анри и Шарлотта
Брокар. 1900 год

нию, поворачивает руку в другую сторону и т.д.». Наверное, людям сторонним причуда Брокара могла показаться просто забавной, но для коллекционеров она была как острый нож в сердце.

Однажды, прийдя в гости к Брокару в особняк на Мытной, Бахрушин увидел, что реставратор «у очень порядочной картины, по личному указанию Брокара, тут же стоявшего у картины, прибавлял груди у декольтированной женщины, показавшиеся ему, Брокару, малыми». В другой раз на картине Грибкова, изображавшей кухарку за приготовлением еды, около которой на скамье сидел кот, этот кот исчез. На недоуменный вопрос Бахрушина Брокар ответил, что кот ему не нравился и он его замазал. Собственными руками Брокар «усовершенствовал» дизайн стариных бронзовых подсвечни-

ков – «верхушку и розетку от одного подсвечника привертывает к другому, к которому она, по его мнению, лучше идет, и наоборот; оттого такой безобразной, невкусной бронзы, как у него, нельзя видеть, хотя в отдельности каждая деталь – хорошей работы».

Такие непростительные вещи коллеги-коллекционеры прощали только потому, что сам Брокар был человеком очень добродушным и общительным. Возможно, такая наивность была обратной стороной всецело завладевшей им страсти собирательства – «такшил» к себе в дом все интересное и не всегда потом знал, как с этим грамотно обращаться.

Но как бы то ни было, имя Брокара осталось в истории русского коллекционирования. Конфискованные после революции предметы его коллекции с 1917 по 1924 год находились в особняке на Мытной, где размещался «Музей старины Замоскворецкого района», а потом поступили в Государственный музейный фонд. Ныне они украшают собрания Государственного Эрмитажа, Музея изобразительных искусств имени Пушкина и других престижных российских музеев...

Анри Брокар скончался в возрасте 64 лет в декабре 1900 года во Франции, в городе Канны, куда уехал для отдыха и лечения болезни печени. Во Франции он и был похоронен. Прожив сорок лет в России, ставшей его второй родиной, он оставил в Москве добрую память о себе: замечательно устроенную фабрику и ценную коллекцию предметов искусства. В одной из газетных статей, опубликованных в 1900 году, современник как нельзя точно охарактеризовал Анри Брокара: «У этого человека, пользовавшегося у нас в Москве широкой и хорошей популярностью, были три основные свойства: твердый промышленный ум, искренняя любовь к искусству и живая доброта души».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Фамильный склеп семьи Брокар в местечке Провен недалеко от Парижа

* Автор – доктор исторических наук.

КИСМЕТ ГИЛЯРОВСКОГО

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

СОБЫТИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ В ЭТОЙ БИОГРАФИИ ХВАТИТ НА ТРИ-ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ – НО ГИЛЯРОВСКОМУ НИКОГДА НЕ БЫЛО ДОСТАТОЧНО. ОН НЕ УМЕЛ СИДЕТЬ НА МЕСТЕ: СРЫВАЛСЯ И КУДА-ТО МЧАЛСЯ, ГДЕ-ТО ПРОПАДАЛ, А ПОТОМ ЯВЛЯЛСЯ С ОЧЕРЕДНЫМ СЕНСАЦИОННЫМ РЕПОРТАЖЕМ. ВОЕВАЛ, ВЫСТУПАЛ В ЦИРКЕ, РАБОТАЛ В ТЕАТРЕ, ВСЕ ЗНАЛ, ВСЕ ВИДЕЛ, ДРУЖИЛ И С РАЗБОЙНИКАМИ, И С ПОЭТАМИ-СИМВОЛИСТАМИ. СВОРАЧИВАЛ ЛОЖКИ ШТОПОРОМ И СГИБАЛ КОЧЕРГУ. ОТ ТАКИХ БАСНОСЛОВНЫХ ГЕРОЕВ ОБЫЧНО ОСТАЮТСЯ ТОЛЬКО ЛЕГЕНДЫ – МОЛ, БЫЛИ ЛЮДИ В НАШЕ ВРЕМЯ, БОГАТЫРИ, НЕ ВЫ. ГИЛЯРОВСКИЙ ОСТАВИЛ НАМ КУДА БОЛЬШЕ.

О

Н САМ С УДОВОЛЬСТВИЕМ создавал о себе легенды – начиная с обстоятельств рождения: приписал себе два лишних года и придумал запорожских предков. Два лишних года, вероятно, нужны были по причине излишней молодости: он сбежал из дома 15-летним, может быть, поэтому в его документах появился 1853 год рождения вместо 1855-го. А запорожские предки ему были совершенно необходимы по складу его души. Казачество это Гиляровский в себе культивировал, даже одевался казаком и носил особые усы, пышные и вислые; Репин писал с него казака для картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», скульптор Андреев лепил с него Тараса Бульбу для барельефа на памятнике Гоголю. Разумеется, дед такого человека просто обязан был быть «черноморским казаком», сыном запорожца, который «после разгрома Сечи в 1775 году Екатериной ушел на Кубань». Об этом Гиляровский пишет в автобиографической повести «Мои скитания». Там же он говорит, что отец его был помощником управляющего лесным имением графа Олсуфьева в Вологодской губернии; «черноморский казак» был управляющим, на дочери которого отец и женился. Вологодские краеведы, однако, выяснили, что отцом Гиляровского был канцелярский чиновник при приставе, а женился он на дочери калязинского мещанина. Но это, конечно, не очень эффектно.

Недаром Чехов говорил, что Гиляровский или на триста лет опоздал родиться, или на сто лет поторопился. Пожалуй, представить себе 60-летнего дядю Гиляя нашим современником почти невозможно, а вот где-нибудь в глубинах истории он прекрасно бы себя чувствовал: скакал бы на коне, рубился с турками или поляками, разбойничал бы в лесах. Его всю жизнь именно к этому и тянуло – к степному простору, к Волге, к таинственным «станицам», а проще говоря – раз-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

бойничным шайкам. Пожалуй, больше всего своими изгибами биографии он похож на Ивана Флягина, лесковского очарованного странника, однако нет в нем ни флягинской «очарованности», ни трагического надлома, ни духовных поисков – одна только любовь к жизни, буйное молодечество да та самая богатырская силушка, которая еще былинного Василия Буслаева распирала, заставляя чудить. Впрочем, энергия Гиляровского обычно чудесным образом направлялась в мирное русло. Биографию свою он сам рассказал в красках, пересказывать неинтересно: любой пересказ сводится к перечислению, к череде глаголов, как в стихах для детей младшего школьного возраста. Может быть, он и был таким большим ребенком: минимум размышлений и поисков смысла жизни, максимум действия, приключений, подвигов. И взгляд на жизнь у него

тоже был детский – открытый, принимающий, веселый. Он успел побывать на самом гадостном дне русской жизни, извозиться в нечеловеческой грязи, провонять трупной вонью в самом прямом смысле слова – и не спиться (пить мог стаканами и не пьянел), не сойти с ума, не озвереть, а сохранить жизнерадостное любопытство и любовь к жизни. Некрасову одни только бурлакские песни выматали душу, Горький о том самом дне написал мучительную философскую драму, Леонид Андреев о войне написал жутчайший «Красный смех», а Гиляровский из огня, воды и медных труб вышел невредимым, здоровым и счастливым. И с таким аппетитом и удовольствием обо всем этом рассказал – вот хоть бросай все иди в бурлаки, на Хитровку, в степные табунщики или пластины.

В.А. Гиляровский –
юнкер. 1871 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Гаршин, попавший прямо из столиц, из интеллигентной жизни в кровавую обстановку, а у меня, кажется, никаких особых переживаний и не было. Служба в полку приучила меня к дисциплине, к солдатской обстановке, жизнь бурлакская да бродяжная выбросила из моего лексикона слова: страх, ужас, страдание, усталость, а окружающие солдаты и казаки казались мне скромными институтками сравнительно с моими прежними товарищами <...>. На войне для укрощения моего озорства было поле широкое. Мне повезло с места, и вышло так, что война для меня оказалась приятным превождением времени, напоминавшим мне и детство, когда пропадал на охоте с Китаевым, и жизнь бродяжную». Гаршин для него – столичный интеллигент. Молодой Чехов кажется Гиляровскому «слабым и хрупким», а в Чехове было 182 сантиметра росту. Героями молодого Гиляровского, в чем он сам признается, были брутальный матрос Китаев и загадочный атаман Репка. Гиляровский постоянно гонится за новыми впечатлениями, за яркими ощущениями. Жизнь его хаотична, лишена всякого планирования и подчинена сиюминутному желанию, импульсу, стремлению. Он говорит

Солдаты Александропольского 161-го пехотного полка, в котором служил В. Гиляровский, ведут стрельбу из окопов. Александропольский уезд Эриванской губернии. Русско-турецкая война 1877–1878 годов

об этом – кисмет (турецк. «судьба». – Прим. авт.). Профессия репортера оказалась для него подходящей именно поэтому: каждый день в дорогу, каждый день непредсказуем, каждый несет новые приключения и новые встречи. Даже когда он был уже немолод, по городу на извозчике ездил без всякой цели: езжай прямо, теперь поверни налево, теперь направо... а вот теперь стой. Что-то случилось, что-то привлекло внимание... Михаил Чехов вспоминал, как Гиляровский повез его вечером на извозчике провожать на Сретенку, но велел сворачивать к вокзалу, на вокзале потащил на перрон, а с перрона втащил за руку в отправляющийся поезд и увез к себе на дачу на ночь глядя. Удивительно, что при таком душевном устройстве он ни разу не свернул на криминальную дорожку. В юности он порывался уйти с бурлаками в разбойничью «станицу», да помешала судьба-кисмет; арестантом был лишь случайно, да ушел, ударили жандарма в лицо кулаком – и это осталось без последствий... Судьба вмешивалась и иначе, когда приходилось бросать теплый дом, крышу над головой, хорошее место, только чтобы не попадаться на глаза кому-то из другой пьесы, другой жизни, тому, кто помнит нынешнего торговца лошадьми арестантом, нынешнего пожарного – юнкером... Он и жизнь так прожил – играя в разных пьесах то пожарного, то военного, то рабочего, то обитателя ночлежки...

Среди его знакомых было немало преступивших черту закона – но сам он удерживался на этой опасной грани, никогда не заступая слишком далеко за черту. Исследовать криминальный мир ему было интереснее, чем обитать в нем; недаром во всех своих похождениях он брал себе псевдоним – представлялся Алешей Ивановым бурлакам и на белильном заводе, выступал в цирке как Алексис – чтобы не позорить фамилию. Но, собственно, обо всем по порядку.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вологда.
Губернская
мужская
гимназия,
в которой учился
В. Гиляровский.
Фотография
начала XX века

ОЗОРНИК И БЕЗОБРАЗНИК

Когда Володя был еще маленьким, семья его переехала из дикой лесной глухи в Вологду. Там, в Вологде, умерла от простуды его мать. Мальчику было 8 лет. Ничего, кроме имени матери и времени ее смерти, Гиляровский о ней не рассказывает. Об отце тоже говорит мало. Отец в его воспоминаниях всегда его поддерживает и о нем заботится. Отец был тоже чрезвычайно силен физически: когда мальчик научился сгибать монеты, отец разогнул монету и сказал, что за порчу монеты полагается каторга. Однажды, уже взрослым, Гиляровский из чистого зорства завязал узлом кочергу, а отец сердито заметил, что нечего портить хорошие вещи, и кочергу развязал – похожая сцена есть в «Пестрой ленте» Конан Дойла, кстати.

Тем не менее согнутые монеты, скрученные штопором чайные ложки и завязанные узлом кочережки стали визитной карточкой Гиляровского, а жена его замучилась докупать ложки взамен испорченных.

В своих воспоминаниях Гиляровский гораздо больше внимания уделяет своему воспитателю, матросу Китаеву. На самом деле его звали Василием Юговым, и прозвище свое он получил потому, что побывал в Японии и Китае. О матери в «Моих скитаниях» – два упоминания,

о матросе Китаеве – более тридцати. Вот какая нянька была у этого мальчика: «Это был квадратный человек, как в ширину, так и вверх, с длинными, огромными обезьяиными ручищами и сутулый. Ему было лет шестьдесят, но десяток мужчин с ним не мог сладить: он их брал, как котят, и отбрасывал от себя далеко, ругаясь неистово не то по-японски, не то покитайски, что, впрочем, очень смахивало на некоторые и русские слова. Я смотрел на Китаева, как на сказочного богатыря, и он меня очень любил, обучал гимнастике, плаванию, лазанию по деревьям и некоторым невиданным тогда приемам, происхождение которых я постиг десятки лет спустя, узнав тайны джиу-джитсу».

Со временем, когда отец снова женился, мачеха и ее сестры пытались как-то воспитывать мальчика, но им это не особенно удалось: Володя пропускал мимо ушей их замечания и отчаянно безобразничал. Среди особенно запоминающихся случаев его зорства – история с золотой собакой. Он купил суosalного золота и вызолотил старой собаке Жужу, которая принадлежала гостье-баронессе, «то, что обычно собакам не золотят». Собака прибежала к гостям и стала перед ними слизывать золото. Мальчика выпороли в старой беседке, причем одна из

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

теток добавила к розгам крапивы. Мстительный Володя разобрал крышу в этой беседке и вечером, когда тетка уединилась там с женихом-офицером, вывалил на них через дыру в крыше целую корзину наловленных лягушек. Примечательно в этой истории, пожалуй, то, что тетка и жених никому об этом не сказали – и что именно лягушки стали залогом их семейного счастья.

Гимназия, в которую отдали Гиляровского, была довольно передовой и либеральной по российским меркам. Мальчик учился неплохо, но ему совершенно не давалась математика, из-за которой он однажды остался на второй год. Впрочем, куда больше гимназии его интересовал местный театр и цирк; один из циркачей, «араб-кабил»

(на самом деле русский), оказался его соседом и стал учить его цирковым трюкам вместе со своим сыном. Володя, от природы сильный и крепкий, да еще натренированный матросом Китаевым, учился этим премудростям куда лучше, чем сын «араба-кабила», но никому этого своего умения не показывал.

Среда, в которой рос юный Гиляровский, была пропитана передовыми идеями; среди вологодских знакомых семьи было немало нигилистов и стриженных курсисток. Володю за его недюжинную силу прозвали «Никитушкой Ломовым»; подросток заинтересовался прозвищем, а затем книгой, из которой оно взято, – и сам написал, что именно под влиянием «Что делать?» Чернышевского бежал из дома в бурлаки.

А.М. Корин.
Бурлаки.
1897 год

АЛЕША БЕШЕНЫЙ

Он отправился в Ярославль – без паспорта, назвавшись Алексеем Ивановым, и напросился к бурлакам в ватагу. Шел 1871 год, парню было всего 15, на Волге бушевала холера. Труд был тяжелый, еда скучная, но ему все казалось прекрасно. И работа по силам – бурлаки прозвали Гиляровского Алешей Бешеным: его сил хватало еще и на то, чтобы после тяжелой работы куролесить, прыгать, кувыркаться. И люди интересные, и лапти такие удобные. И главное, бурлаки рассказывают такие удивительные истории про разбойников, про Стеньку Разина, про атамана Репку, который летом бурлачит, а зимой ведет «станицу» свою на разбой и прячется у раскольников. Эта вольная жизнь так прельщала юношу, что он чуть не сорвался в «станицу», да атамана Репку, к которому он собрался, арестовали. Гиляровский стал крючником – грузчиком в порту. Оттуда написал домой, что жив-здоров, работает и к зиме приедет. Отец не стал ждать, приехал забрать блудного сына домой, но по дороге – кисмет! – Гиляровские познакомились с капитаном Егоровым, который предложил юноше поступить в военное училище. «Кисмет» – это капитана Егорова словцо.

Сначала все складывалось хорошо. После первого года обучения и летних лагерей Гиляровского отправили в Московское юнкерское училище. Из него молодой юнкер вылетел по глупой случайности: возвращаясь из увольнения в подпитии, заметил брошенного в парке ребенка и взял его с собой в училище, чтобы успеть к вечерней поверке, а потом сдать его в полицию. Ротный командир заметил, что от юнкера пахнет спиртным. Слух о пьяном юнкере, явившемся на поверку с ребенком, дошел до начальства, и Гиляровского на всякий случай из училища отчислили в полк. Он мог остаться в полку, но взыграло ретивое: хотел сбежать в Астрахань, поступить матросом на корабль, манили дальние страны, хотелось

Волжские
босяки.
Фотография
М.П. Дмитриева.
1890-е годы

впечатлений – словом, из полка он уволился и только тогда стал думать, как жить дальше. Какое-то время продержался истопником в военной прогимназии, но оттуда бежал, чтобы не попасться на глаза знакомому из прежней жизни. Поступил в пожарные, но бежал и оттуда по той же причине. Наконец, устроился на белильный завод, откуда прямая дорога была в могилу – но выдюжил, работал за себя и за старшего друга Ивана Иваныча, да еще дрова колол... Старик Иван Иваныч скоро умер, и только тогда Гиляровский узнал, что это и был легендарный атаман Репка, это с ним он делил нары.

С завода он тоже скоро ушел. Бродяжничал, мотался по стране, в Казани по ошибке попал под арест, но сбежал, высадив ночью оконную решетку в камере. Затем в Царицыне случайно нанялся вести персидских жеребцов в донские табуны – и там, в степи, казалось, нашел свое счастье, и потом еще много раз возвращался в степь, и писал о степи и конных заводах. Новый поворот судьбы – и вот он в Ростове и принят в цирк: наездник Алексис, джигитовка и вольтижировка. Новый поворот: теперь он уже в Тамбове; в трактире бьют актеров, Гиляровский вступается, знакомится с актерами, его берут в труппу. Кончается театральный сезон, тянет на простор, тут встречается старый знакомый, казак, и Гиляровский едет с ним покупать лошадей.

Он просто живет, не строя планов, и радуется жизни, и никогда не знает, что будет завтра: кто встретится, куда позовет – он для всего открыт, в любую минуту готов сорваться с места и отправиться куда-то, за новыми впечатлениями и приключениями. Он реагирует на всякий случайный импульс, готов идти за первым, кто позовет, и бежать от первого, кто случайно встретится; он берется за любую работу и справляется с ней, он везде свой – «я всеми принят, изгнан отовсюду»... Он говорил о себе, что у него нет биографии – только отдельные сюжеты.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Шарж «Редакционный день «Будильника». Рисунок художника М.М. Чемоданова. 1885 год. Второй слева стоит А.П. Чехов, в дверях – В.А. Гиляровский

Он снова поступил в театр, на сей раз в Саратове, и встретил в нем свою первую любовь, актрису Гаевскую; их дружба – не любовь – трогательная дружба – началась с того, что Гиляровский надрал уши актеру, бесцеремонно попытавшемуся обнять Гаевскую. Новый поворот судьбы – русско-турецкая война. Актер Гиляровский отправляется добровольцем в армию. В регулярной армии тоже не задержался – попал в охотничью команду, к пастушкам – лазить по горам и брать в плен турецких часовых. «На эти операции посыпали охотников самых ловких, а главное

сильных, всегда вдвоем, а иногда и по трое. Надо снять часового без шума. Веселое занятие – та же охота, только пожутче, а вот в этом-то и удовольствие. Здесь некогда было задумываться и скучать, не то, что там, в лагерях, где по неделям, а то и по месяцам не было никаких сражений», – вспоминал писатель. С войны Гиляровский пришел с Георгиевским крестом, навестил отца – и снова стал служить в театре, на сей раз в Пензе. В 1881 году актер Сологуб явился в Москву искать ангажемента и устроился в первый московский частный театр Анны Бренко.

МОСКВА И МОСКВИЧ

С этого времени он уже постоянно жил в Москве, хотя и срывался бесконечно куда-то. Писал стихи – искренне считал себя поэтом, и его даже называли поэтом, но стихами его произведения могли считаться только на фоне общего упадка поэзии. Из всех поэтических потуг его в истории русской поэзии остался один экспромт: «В России две напасти: // Внизу – власть тьмы, // А наверху – тьма власти». Все остальное – очень скучные, очень типичные для 1880-х годов стихи про родину, крестьян, волю вольную и прочее. Его темы – мо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Актриса Гаевская.
1873 год

гучий Дон, казаки, Стенька Разин – целая поэма о нем. С первой публикации стихотворения о Волге в «Будильнике» началось сотрудничество Гиляровского с московской мелкой прессой.

Начал работать он в «Русской газете», но очень быстро перешел в «Московский листок» и обнаружил, что оперативная репортерская работа – это его призвание: «Сил, здоровья и выносливости у меня было на семерых. Усталости я не знал. Пешком пробегал иногда от Сокольников до Хамовников, с убийства на разбой, а иногда на пожар, если не успевал попасть на пожарный обоз». Уже в первый год работы в «Московском листке» Гиляровский опубликовал сенсационный репортаж о пожаре на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве. Затем были знаменитые репортажи с места крушения поезда под Кукуевкой и с давки на Ходынском поле, репортаж из подземного коллектора реки Неглинки – маршрут этой прогулки у московских дигтеров и сейчас называется «тропой Гиляровского». И рассказы о московских трущобах. Свои публикации из трущоб Гиляровский собрал в книгу «Трущобные люди», и с ней произошла та же история, что и некогда с «Записками охотника»: опубликованные по отдельности, они спокойно проходили цензуру, но собранные вместе – оказались мощным обличительным документом, который цензура пропускать не решилась. Тираж «Трущобных людей» был сожжен, и это оказалась последняя сожженная книга в России. Одним из первых московских друзей Гиляровского стал молодой доктор Чехов: «Мы с Антоном работали в те времена почти во всех иллюстрированных изданиях: «Свете и тенях», «Мирском толке», «Развлечении», «Будильнике», «Москве», «Зрителе», «Стрекозе», «Осколках», «Сверчке», – вспоминал Гиляровский. Чехов определил характер своего приятеля так: «Ты – курьерский поезд. Остановка пять минут. Буфет». Чеховские отзывы

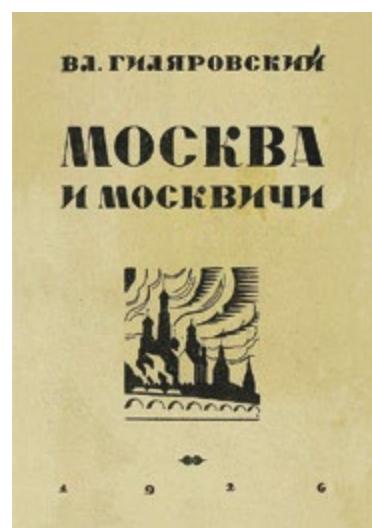
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дом
Н.И. Пастухова
в Москве
в Ваганьевском
переулке,
где помещались
контора
и типография
«Московского
листка».
1900-е годы

о Гиляровском встречаются во множестве писем – и везде Гиляровский вбегает, устраивает тарарам и убегает: «По-прежнему он влетает ко мне почти каждый вечер и одолевает меня своими сомнениями, борьбой, вулканами, рваными ноздрями, атаманами, вольной волюшкой и прочей чепухой, которую да простит ему бог»... «Что он выделявал, боже мой! Заездил всех моих кляч, лазил на деревья, пугал собак и, показывая силу, ломал бревна. Говорил он не переставая»... «В нем есть кое-что ноздревское, беспокойное, шумливо, но человек это просто-душный, чистый сердцем, и в нем совершенно отсутствует элемент предательства, столь присущий господам газетчикам. Анекдоты рассказывает он непрерывно, носит часы с похаб-

ной панорамой и, когда бывает в ударе, показывает карточные фокусы...» Может быть, интеллигентская слабость и хрупкость – это только поза, маска, самооборона Чехова от напора дяди Гиляя, которого он, впрочем, искренне любил и ценил. О творчестве Гиляровского Чехов отзывался совершенно справедливо: «Это человечина хороший и не без таланта, но литературно необразованный. Ужасно падок до общих мест, жалких слов и трескучих описаний, веря, что без этих орнаментов не обойдется дело. Он чует красоту в чужих произведениях, знает, что первая и главная прелесть рассказа – это простота и искренность, но быть искренним и простым в своих рассказах он не может: не хватает мужества».

Общие места, жалкие слова и трескучие описания в прозе невыносимы, но в репортерской работе они были неизбежны. «Люди в страшном испуге бросились к выходу»... «Ужасную картину представляло горящее здание»... «Несчастный задыхается в дыму и падает мертвым»... «Адская катастрофа»... «Ужасная могила»... Впрочем, репортажи Гиляровского точны и достоверны; описания живы и красочны, поговорить он успевает чуть не со всеми очевидцами, всегда лезет в самую гущу событий, на всякое место преступления попадает первым, всегда приносит эксклюзив.

Обложка
первого издания
книги
Гиляровского
«Москва
и москвичи»
[М., 1926]

ПИСАТЕЛЬ

В 1884 году Гиляровский женился на тихой сироте Марии Мурзиной. Писал ей перед свадьбой: «Ты одна для меня всё на свете... Передо мной на столе, заваленном листами исписанной бумаги, стоит дорогая мне карточка с венком из колосьев и цветов на густой русой косе... И работается с удовольствием, с радостью». Эту фотографию он потом всю жизнь держал на рабочем столе. Жена создала для бешеного репортера уютный дом, где его всегда ждали и любили. Через год родился сын Алеша, потом дочь Надежда. Мария Ивановна терпела и долгие отлучки мужа, и его хождения по трущобам, откуда он притаскивал то скарлатину (заразился маленький сын), то тиф (заболела нянька). Алеша умер, не дожив до 2 лет; Надежда стала известной переводчицей.

Гиляровский успел поработать в рекламе (некоторое время возглавлял «Контору объявлений»), спортивным журналистом (издавал «Листок спорта», потом «Журнал спорта»). Дружил с Валерием Брюсовым. Однажды, заболев воспалением легких, решил, что умирает, и просил Брюсова, чтобы тот распорядился его творческим наследием. Брюсов сказал: «Вас придавит рухнувшим домом в городе или в степи грозой убьет». И впрямь – Гиляровский его пережил. Но кстати, когда скульптор Меркуров, ваявший гранитного Толстого, пообещал Гиляровскому памятник из метеорита – тот расхохотался: рано думать про памятник, я еще живу! Беззлобно издевался над символистами и новым искусством вообще – печатно высмеивал «подбрюсов», перевесил картину на выставке «Ослиный хвост» вверх ногами, да так она там и провисела...

В первом десятилетии XX века у него вышло несколько книг: «На родине Гоголя. Исследования», «Были. Рассказы», «Шутки. Рассказы»; он уже не просто репортер – он писатель. И хотя его лучшие книги еще не на-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Москва.
Хитров рынок.
Начало XX века

писаны, Гиляровский совершенно необходим в этой среде – просто потому, что жаден до людей; они все ему интересны, он все про всех знает, ему с каждым есть о чем поговорить. С Толстым у него общие знакомые еще из времен «Казаков», Горькому он обрадовался как родному: «дивился, что нашелся большой художник, затронувший тот мир, в котором я так долго вращался»; «понимали друг друга с одного слова». Бунин считает его отличным знатоком Москвы. Без Гиляровского невообразим кружок «Среды» с его застольями, литературными разговорами и пением гимна «Недурно пущено»; он из тех людей, кто формирует среду – умную, доброжелательную среду, в которой только и

возможно появление гениальных писателей.

В 1908 году Гиляровский с помпой отпраздновал 25-летие творческой деятельности; поздравлений ему прислали столько, что ответить всем лично он не мог, отвечал печатно, через «Русское слово», в котором в то время работал. Его все любили – не только за его удачное богатырство, но и за радушные, и за вечное стремление помочь нищей творческой братии – актерам, художникам, музыкантам, писателям. Он без конца посыпал кому-то деньги, покупал неудачные картины студентов-художников, чтобы подкормить их, заботился о том, чтобы актеры не голодали – и требовал, чтобы им разрешили играть Великим постом; рассказывают, что мог выскочить на полном ходу из трамвая, заметив нуждающегося знакомого, чтобы дать ему денег. Когда кухарка его плакала, что у матери в деревне отнимут корову за недоимки, – Гиляровский лично приехал в деревню, чтобы расплатиться и сохранить ей корову.

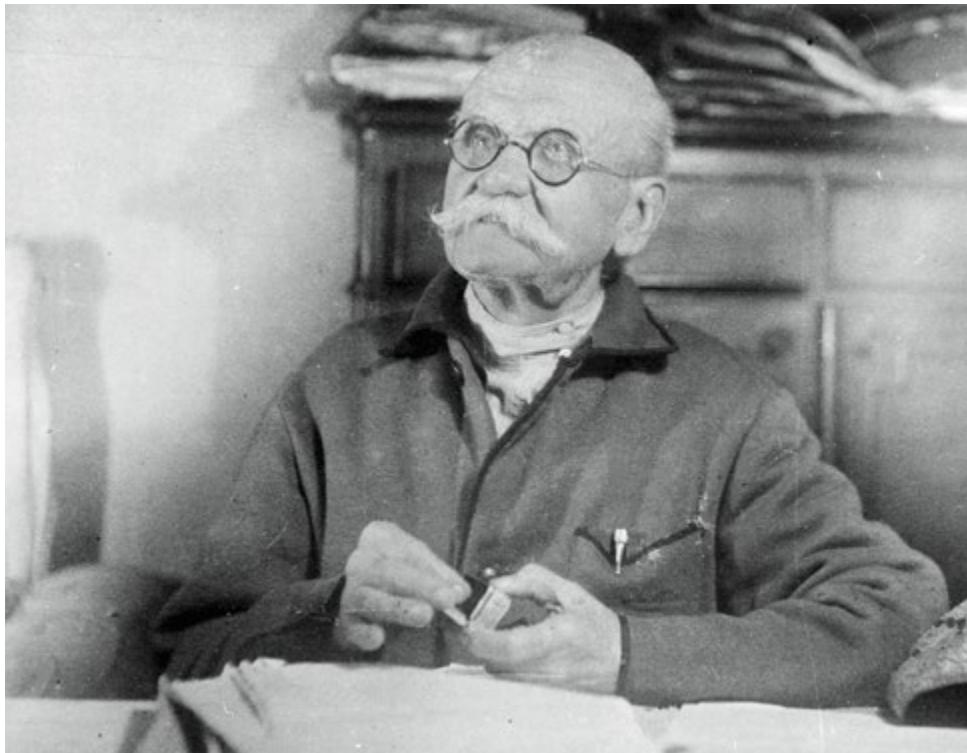

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Ивановна
Гиляровская,
жена писателя

Я РОЮСЬ ПАМЯТЬЮ В СТАРЬЕ...

Первую мировую постаревший Гиляровский принял без всякого восторга. Он был еще здоров и силен, но другу своему, актеру, рвавшемуся на фронт санитаром, написал: ну могу я порубить десяток немцев, и что? У нас другие задачи – мы долж-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ске, которую он знал как никто, и сохраняла эту старую Москву для всех, кто ее помнил и любил.

В том же, 1926 году импульсивно, по обыкновению, увидев, что рабочие поднимают люк на улице – Гиляровский решил повторить свое знаменитое путешествие по руслу Неглинки и полез в коллектор. В этот раз он там сильно простудился, тяжело заболел, начал глухнуть, ослеп на один глаз; глаз пришлось удалить... Былому молодечеству пришел конец.

Писатель Лидин рассказывал: «Трудно и упорно поддавался времени этот человек. Он дрался со старостью. Он отпихивал ее своими все еще крепкими руками бывшего борца. Семидесятилетний, он любил дать пощупать свои мускулы: он был действительно еще очень силен... Весь московский, с московским говорком, с табакеркой, в которой нюхательный табак изготовлен по его рецепту (московские будочки любили нюхать табак), Гиляровский в нашей современности казался выходцем из прошлого, навсегда ушедшего мира».

Сейчас его главным делом стали воспоминания: в конце концов он столько помнил и знал, что рассказывать об этом можно было еще целую жизнь. Он и рассказывал – о своей жизни, о знакомых писателях, о театре, о газетной среде...

Писательский талант Гиляровского не особенно велик, никаких открытий он не сделал ни в поэзии, ни в прозе, но помимо неимоверной памяти у него был счастливый талант жить весело, щедро и с аппетитом. И рассказывать о жизни с такой же любовью и радостью, с такой же щедростью и веселым пристодушием.

Умер Гиляровский в 1935 году, так и не успев собрать друзей на прощание и выпить с ними вина из сбереженной с незапамятных времен бутылки «Аи». Скульптор Меркуров, как и обещал, сделал ему надгробие из огромного куска метеорита. ●

ны быть санитарами духа. «У меня перо и помочь организациям натурацией. У тебя – слово со сцены, с эстрады – великое слово, поднимающее дух, а страна побеждает не орудиями только, но и духом».

Февральскую революцию встретил, как и многие другие, восторженно; расхаживал по улицам в кожаной куртке с Георгиевским крестом на груди. Октябрьскую тоже принял – и искренне уверовал в то, что советская власть сможет принести те самые перемены к лучшему, которых он всю жизнь добивался пером. При советской власти он впервые опу-

бликовал полностью свою поэму о Разине. Он приветствовал снос Хитрова рынка, которому посвятил столько времени, сил и печатных строк. Голодные и холодные послереволюционные годы подорвали его богатырские силы; он понимал, что уже стар. Он взялся за воспоминания: может быть, меняющийся облик Москвы подтолкнул его к этому: где тот Английский клуб? Где Охотный ряд? Книга «Москва и москвичи», вышедшая в 1926 году, была моментально раскуплена. И хотя автор искренне радовался тому, как меняется Москва, книга его кричала о любви к старой Мо-

В.А. Гиляровский.
1930-е годы

Столешников переулок, 9.
В этом доме с 1889 по 1935 год жил Гиляровский.
В память об этом на фасаде здания в 1935 году была установлена мемориальная доска. Начало 1980-х годов

ЦВЕТОК ЗОЛОТОЙ ОСЕНИ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ДВА С ПОЛОВИНой ГОДА СОТРУДНИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ ГОТОВИЛИ ВЫСТАВКУ, КОТОРУЮ ПО ПРАВУ МОЖНО НАЗВАТЬ УНИКАЛЬНОЙ. ПЕРВАЯ В ИСТОРИИ ВЫСТАВКА РАБОТ ЦАРСКОГО ИЗОГРАФА СИМОНА УШАКОВА ОТКРЫЛАСЬ В МОСКВЕ В СЕНТЯБРЕ НЫНЕШНЕГО ГОДА.

В 80-Х ГОДАХ ПРОШЛОГО века заведующая отделом древнерусского искусства Третьяковской галереи Надежда Геннадьевна Бекенева предложила собрать в одну экспозицию и показать работы великого русского иконописца. Три десятилетия понадобилось для того, чтобы эта идея стала реальностью!

«В 2013 году было наконец принято решение о том, что мы делаем эту выставку, – рассказывает заместитель генерального директора по научной работе Третьяковской галереи Татьяна Карпова. – Надежда Геннадьевна предоставила нам подготовленные ею ранее материалы, но очень многое нам еще предстояло сделать, проверить, исследовать. И вот почти два с полови-

ной года отдел древнерусского искусства и вся команда, которая занималась подготовкой выставки, были вовлечены в эту работу. Она продолжалась и днем, и ночью. Нам очень хотелось успеть все сделать в срок. Ведь Симон Ушаков – удивительный художник. Время, которому он принадлежит, это –

Надежда Геннадьевна Бекенева, предложившая идею выставки тридцать лет назад

осень русского Средневековья, а сам он – прекрасный цветок этой золотой осени. Это культура рафинированная, удивительная и немного уставшая. За ней стоит огромная традиция развития средневекового искусства, в которой сочетается и следование древней византийской традиции, и западноевропейское влияние. И все это сплетается и создает ощущение цветущей сложности».

Андрей Рублев, Дионисий, Симон Ушаков – самые известные русские иконописцы, о которых знает любой более или менее образованный человек. Но есть тут неприятный подвох. Всплеск интереса к творчеству Андрея Рублева у публики был подогрет знаменитым фильмом Андрея Тарковского, фресками Дионисия в Ферапонтовом монастыре любовались и любуются тысячи туристов, а вот что касается Симона Ушакова... Все тот же более или менее образованный человек, скорее всего, сможет вспомнить лишь то, что картины Ушакова принадлежат один из самых известных образов Спаса Нерукотворного...

«Имя Симона Ушакова известно всем, творчество – только узким специалистам, – сетует научный сотрудник отдела древнерусского искусства и куратор выставки Елена Саенкова. – Русское искусство XVII века нашей публике известно меньше, чем западноевропейское. И я думаю, о Рембрандте любой из приходящих в зал людей сможет рассказать больше, чем о Симоне Ушакове. Создавая нашу выставку, мы пытались сделать наше отечественное искусство достоянием зрителя и одновременно дать слово самому художнику, чтобы он рассказал о себе языком своих произведений. Фактически эта выставка – проект, который воплотил чаяния и надежды всех специалистов по искусству XVII века».

Работы Симона Ушакова и его учеников, гравюры и архивные материалы для экспозиции предоставили 17 российских музеев, в числе которых сама Третьяков-

ская галерея, Государственный Исторический музей, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Государственный Русский музей, Государственный Эрмитаж, Музей русской иконы, Российский государственный архив древних актов. Есть экспонаты и из частных коллекций. В итоге посетители выставки смогут увидеть около 80 иконо-писных произведений, 10 гравюр и различные архивные материалы, включая челобитные, написанные Симоном Ушаковым царю Алексею Михайловичу. «Так что вы сможете оценить и почерк Симона Ушакова, – говорит директор Государственной Третьяковской галереи Зельфира Трегулова. – И знаете, например,

челобитная мастера на имя царя о том, что расписать Грановитую палату в сроки не представляется возможным, смотрится просто как наше современное обращение в Госэкспертизу».

Еще и сегодня искусствоведы продолжают спорить об иконо-писном наследии XVII века. Некоторые из них по-прежнему уверены, что это столетие отмечено упадком русской иконописи, которая подверглась влиянию западноевропейской живописи. «Творчеству Симона Ушакова специалисты дают диаметрально противоположные характеристики, – говорит Елена Саенкова. – И я думаю, некоторые из этих характеристик очень удивили бы мастера, если бы он их услышал».

На выставке представлено около 80 икон

СТАРОЕ И НОВОЕ

К середине XVII столетия в русской иконописи явно проявились новые течения. Основа для них была заложена в немалой степени иностранными художниками, нанимавшимися на работу в московскую Оружейную палату, которую часто называют «первой русской Академией художеств». Царь Алексей Михайлович Тишайший и возглавлявший Оружейную палату боярин Богдан Матвеевич Хитрово симпатизировали европейским новшествам. Самодержец вообще активно интересовался западными диковинками, занимался астрологией и астрономией, требовал даже достать ему телескоп, увлекался европейской музыкой. В Москву доставлялись европейские газеты, которые переводились для царя в Посольском приказе. И, кстати, именно Алексей Михайлович начал реформировать армию в 1648 году по примеру полков иноземного строя. Нам ничего не известно об иностранных художниках, работавших в Москве в начале XVII века. Только в последние годы правления первого представителя династии Романовых на московском престоле, Михаила Федоровича, в документах зафиксировано появление в сто-

Директор
Государственной
Третьяковской
галереи
Зельфира
Трегулова
демонстрирует
солидный
каталог выставки

лице «немчина, живописного дела мастера» Ганса Детерсона – он принят на работу в Оружейную палату в 1643 году.

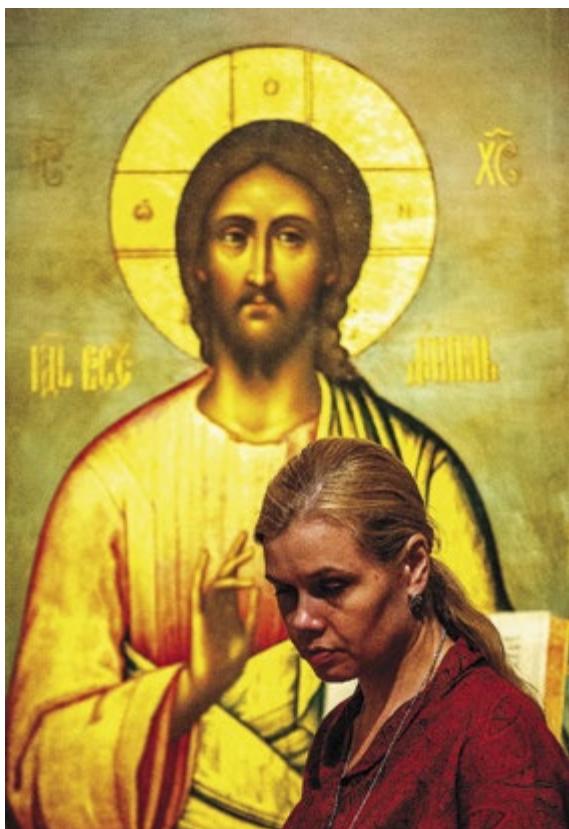
Но уже во второй половине века число художников-иностранных начинает расти: архивы сообщают о поляке Станиславе Лопуцком, Данииле Вухтерсе, Гансе Вальтере из «Анбургской земли» (Гамбург), Петере Энгельсе... Им заказывали не только парсуны, росписи палат, чертежи, карты, рисунки для знамен и утвари, но и иконы. Последние они писали в соответствии со своими представлениями, которые по большей части удивляли русских как новыми приемами, так и необычными мотивами. Новая манера не могла не заинтересовать местных художников, русские иконописцы стали довольно активно использовать в качестве образцов для подражания гравюры из западноевропейских библий. Кроме того, с середины столетия отечественные изографы начинают пользоваться ввозимыми из Европы цветными лаками, которые заметно изменили цветовую гамму икон. Ведь прежде иконописцы писали образа красками из минеральных пигментов, которые были менее яркими и насыщенными.

Конечно, новая «мода» разделила православных на два враж-

дебных лагеря: одни восхищались нововведениями, другие встретили их в штыки. Вторых раздражало то, что иностранцы пишут все лица и сцены «будто живые изображения», а сюжеты используют сплошь католические и лютеранские. Они считали, что при таком письме из икон уходит «горнее», а вза-

Богоматерь
Владимирская.
1662 год

Христос
Вседержитель.
1668 год

мен образа наполняются «плотским». Блюстители старины стояли на том, что изображаемое на иконе – это горний мир, существующий вне осязаемой действительности. А вот копирование на иконах мирской повседневности, то самое приближение к обычной жизни, есть кощунство и ересь.

Ярым противником новшеств был протопоп Аввакум, который, как всегда, глаголом выжигал «непотребство». «По попущению Божию, – писал он в беседе «Об иконном писании», – умно-жишася в нашей русской земле иконного письма неподобного изуграфы. <...> пишут Спасов образ Еммануила – лицо одутловато, уста червонная, волосы кудрявая, руки и мышцы толстые, тако же и у ног бедры толстые, а весь яко немчин брюхат и толста учинен, лишо сабли той при бедре не писано. <...> А все то кобель борзой Никон враг умыслил будто живые писать, устрояет все по фряжскому, сиречь по немецкому. <...> Ох, ох, бедная Русь! чего то тебе захотелось немецких поступков и обычаев». Вообще-то зря протопоп клеймил в данном случае патриарха Никона. Тот тоже боролся с новой «модой», и порой весьма радикально. Например, приказывал отбирать иконы, написанные по западным образцам, лишать их глаз и носить по городу, зачитывая указ о строгом наказании тех, кто посмеет писать подобные образа. А Павел Алеппский в своем «Путешествии антиохийского патриарха Макария в Россию» даже рассказывает о том, как патриарх Никон во время литургии, демонстрируя прихожанам такие иконы, с силой бросал их на пол, да так, что они разбивались в щепы. После чего приказал их скечь. На что стоявший рядом царь тихим голосом возразил: лучше зарыть в землю... Можно не сомневаться, что русские иконописцы не остались в стороне от этих идеологических баталий. И, судя по посланию ярославского изографа Иосифа Владимира (Воло-

димерова) своему другу Симону Ушакову, споры в их среде шли жаркие. Начиная с 40-х годов XVII века Оружейная палата не раз привлекала Иосифа к выполнению царских заказов в Москве, где он и познакомился с Симоном. Когда в 1660 году оба иконописца работали вместе над росписями Архангельского собора Кремля, Владимиров даже жил у Ушакова в его доме на Китай-городе.

Кстати, «Послание некоего изографа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу», датируемое 1656–1658 годами, рассматривается некоторыми специалистами как первое русское искусствоведческое исследование. Иосиф Владимиров, вступая в дискуссию с последовательным приверженцем старины, сербским архидашоном Иоанном Плешковичем, выступал в защиту «живоподобия» в искусстве, за приближение живописи к природе, за применение в иконописи светотени. Критиковал традицию написания темных и сурьемых икон, поскольку считал, что древние иконы, на которые ориентируются русские иконописцы, изначально были «светоносными», просто потемнели от времени. Интересно, что Владимиров очень четко формулирует любопытный посыл: важно не то, кто – русский или иноземный художник – писал то или иное произведение, а то, прекрасно оно или уродливо. «Неужели ты скажешь, – укоряет он Плешковича, критиковавшего европейские веяния в русской иконописи, – что только одним русским дано писать иконы?»

И если еще одно сочинение – «Слово к люботщательному иконного писания», которое исследователи приписывают Симону Ушакову, – действительно принадлежало перу этого мастера, то нет никаких сомнений в том, что один из самых знаменитых царских изографов вполне разделял взгляды Иосифа Владимирова.

На выставке представлено несколько образов «Спаса Нерукотворного» кисти Симона Ушакова

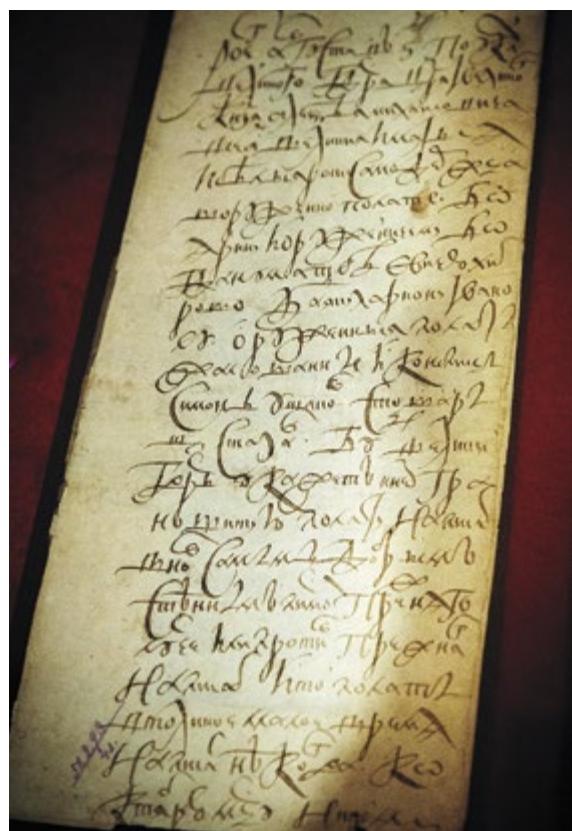

«ПИМИН ПО ПРОЗВАНИЮ СИМОН УШАКОВ»

«В отличие от Андрея Рублева, Дионисия и других великих иконописцев прошлого, Симон Ушаков весьма хорошо представлен в исторических документах, – объясняет старший научный сотрудник Третьяковской галереи, специалист по древнерусскому искусству Левон Нерсесян. – Речь идет о XVII

столетии, это – эпоха централизованной монархии, централизованной бюрократии, когда каждый шаг государева человека фиксируется. Так что в нашем распоряжении, начиная с работ первого биографа Симона Ушакова, Георгия Дмитриевича Филимонова, был огромный архив Оружейной палаты. Эти документы – один из главных источников, по которым устанавливается биография Симона Ушакова. Второй источник – надписи на иконах. Да, конечно, средневековые художники обычно не подписывали иконы. Однако с XVII века практика начинает меняться, и на иконах довольно часто встречаются подписи иконописцев. Это не владельческие и не вкладные подписи, – хотя и такие остаются на иконах, – а именно авторские подписи, удостоверяющие качество, за которое автор отвечает».

Именно благодаря такой подписи был установлен год рождения Пимена Федоровича Ушакова, более известного нам как Симон Ушаков (неизвестно, почему возникло прозвище «Симон». – Прим. авт.). Русский художник, писатель и издатель XIX века Корнелий Тромонин описал икону, некогда хранившуюся в церкви Троицы в Никитниках, на которой была надпись: «Лета 7166 году написал

Святая Троица.
1671 год

ником, – говорит Левон Нерсесян. – Житие это, кстати, рассказывает об одном интересном эпизоде – явлении благодатного огня над домом Симона Ушакова в Китай-городе. Произошло это в тот момент, когда гостиившие у Симона монахи из Успенского монастыря Флорищевой пустыни совершили свое обычное молитвенное правило. И сбежались соседи, потому что они подумали, что начался пожар».

На службу в Оружейную палату Симон Ушаков поступил 4 мая 1648 года – об этом свидетельствует указ о назначении его «жалованным» иконописцем. В своем прошении о приеме в палату Ушаков, между прочим, указывает, что уже работает у царского дела. И, несмотря на это, его не сразу делают «жалованным» иконописцем. «Сохранился черновик выписки из царского указа о производстве в «жалованные» иконописцы двух художников, – рассказывает Левон Нерсесян, – так вот, имя Ушакова там вычеркнуто. Мы не знаем, почему так произошло. Может быть, потому, что он был слишком молод? Ему же тогда было всего 22 года. Но при этом его отправили на более сложную работу».

ЧИСТАЯ ИДЕЯ

«Более сложной работой» стала служба Ушакова в Серебряной палате. Здесь он трудился знаменщиком, то есть рисовальщиком, шестнадцать лет – до 1663 года, когда был переведен в Оружейную палату. В Серебряной палате Ушаков рисовал карты и эскизы для знамен, monet, для украшения церковной утвари, ювелирных изделий и церковного шитья. Но и к созданию икон мастер привлекался постоянно.

Самая ранняя из известных нам икон Симона Ушакова – «Богоматерь Владимирская», написанная в 1652 году и являющаяся точной копией византийской иконы первой трети XII века. «Эта икона открывает одну из главных тем в творчестве Симона Ушакова, – считает Левон

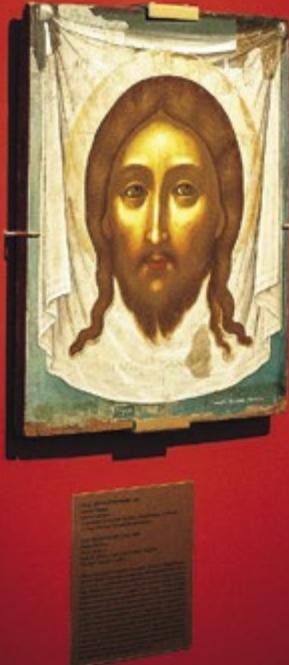
государев иконник Симон Федоров сын Ушаков 32 лета возраста своего». Это означает, что будущий великий иконописец родился в 1626 году.

Пимен происходил из семьи московских дворян. Изучение синодиков и вкладных надписей позволило определить даже имена родственников Ушакова, многие из которых приняли монашеский постриг. Отца иконописца звали Феодор (в схиме принял имя Филарет. – Прим. авт.), а мать – Марией. У Симона Ушакова была жена Феврония и дети – Петр и Евфимия. Не исключено также, что двое его дядей со стороны отца также приняли схиму под именами Савватия и Сергия. Схимники Филарет, Савватий и Сергий, скорее всего, приняли постриг в московском Знаменском монастыре, поскольку они, а также сам Симон Ушаков, умерший в 1686 году, были захороне-

ны в этой обители на Варварке. «И есть еще один замечательный персонаж, строитель Флорищевой пустыни близ Гороховца – святитель Иларион Сузdalский, Житие которого сообщает, что Симон Ушаков был его родствен-

Старший научный сотрудник Третьяковской галереи Левон Нерсесян рассказывает о творчестве Симона Ушакова

Нерсесян. – Несмотря на то, что сегодня мы его называем новатором, хотя такого понятия в культуре XVII века не было, Симон Ушаков на самом деле искал правильную аутентичную византийскую древность. И не случайно эта икона копирует одну из главных византийских чудотворных икон – это очень характерная деталь. И эта тема повторялась в творчестве Ушакова неоднократно». На этой иконе тот самый ушаковский стиль «живоподобия» еще отсутствует. И на раннем «Спасе Нерукотворном», чья датировка при расчистке и реставрации к выставке была уточнена (1661 год вместо 1658-го), «живоподобная» манера мастера еще окончательно не сформировалась. «Но здесь впервые появляется световой контраст, лепящий форму, – говорит Левон Нерсесян. – Он впервые появляется именно на этой иконе как чистая идея, как художественная находка».

Выставка «Симон Ушаков – царский изограф» действительно дает возможность увидеть, как эволюционировал стиль мастера, как стремился иконописец воплотить в изображениях образ, являющий полноту божественной красоты. «И это был главный порыв – отказаться

Первый образ «Спаса Нерукотворного», написанный Симоном Ушаковым в 1661 году

от темновидности и вернуться к свету, – подчеркивает Левон Нерсесян. – Вернуться к живоподобному образу, каким и был самый первый, нерукотворный лик Спасителя. И не случайно Симон Ушаков столько раз писал «Спаса Нерукотворного». Это – некий камертон, с которым художник себя постоянно сверяет».

Представлена на выставке и одна из самых знаменитых икон Симона Ушакова – «Похвала иконе Богоматерь Владимирская», которую чаще называют «Древо государства Московского». И в случае с ней реставраторов, готовивших икону к выставке, тоже ждал сюрприз: в

результате расчистки выяснилось, что икона была создана не в 1668 году, как считали ранее, а в 1663-м. Считается, что образ был написан Ушаковым в подражание иконе «Древо Иессеево», сюжет которой в аллегорической форме изображает родословие Иисуса Христа. Но если в «Древе Иессеевом» речь идет о генеалогическом древе, то икона Ушакова повествует о единстве Руси и Русской православной церкви и символизирует духовные подвиги святых Русской земли. Основа всей композиции – древо в виде виноградной лозы с листьями, гроздьями и цветами, которое произрастает из Успенского собора Мо-

Икона «Древо государства Московского». 1663 год

сковского Кремля. В центр иконы – в середину ствола – вписан образ Богоматери Владимирской, а справа и слева от нее на ветвях по десять медальонов с изображениями святых. Вверху Иисус Христос передает двум ангелам царский венец и ризу Христову – одну из главнейших христианских святынь (по преданию, риза Спасителя долгое время хранилась в Иверии в сокровищнице Мцхетского патриаршего собора. Персидский шах Аббас I, покоривший Грузию и нашедший святыню в ризнице собора, прислал ее в дар царю Михаилу Федоровичу в 1625 году. Риза долгое время хранилась в Успенском соборе Крем-

ля, сегодня она находится в храме Христа Спасителя. – Прим. авт.). В самом низу иконы изображены князь Иван Калита и митрополит Петр. Первый поддерживает ствол дерева, второй – поливает его водой из кувшина. Идея выражена вполне ясно: царствующий дом Романовых и государство Московское находятся под божественным покровительством и заступничеством Богородицы.

«Только в 60-е годы XVII века манера «живоподобия» в работах Ушакова приобретает совершенное воплощение, – говорит Левон Нерсесян. – И один из ярчайших примеров этого стиля – настоящий шедевр Симона

Богоматерь
Киккская.
1675 год

Ушакова – икона Киккской Богоматери, созданная им в 1668 году для церкви Григория Неокесарийского на Большой Полянке. Этот образ восходит к византийской чудотворной иконе, которая хранилась на Кипре и была закрыта покровом. Ушаков пользовался каким-то поствизантийским образцом, написанным художником, уже находившимся под западноевропейским влиянием. Однако необходимо подчеркнуть, что икона Ушакова – это не повтор европейской живописи. И ушаковское «живоподобие» – это не европейское письмо с натуры. Его техника ювелирна и крайне тяжела в исполнении: его «живоподобие» достигалось постепенным многократным наложением слоев темперы друг на друга. Если традиционная иконопись идет от темного к светлому, то есть темная основа постепенно высветляется, то Ушаков для создания плавных переходов и светотени использовал чередование светлых и темных слоев. То есть его манера «живоподобия» вырастала из аутентичной органичной иконописной манеры, а не являлась повтором европейских образцов».

Современные искусствоведы дают разные оценки творчеству Симона Ушакова, однако все они признают его огромную роль в русской иконописи. Он создал новый стиль, стремясь не нарушать традицию, а следовать ей наиболее точно. Он организовал свою мастерскую, обучил множество иконописцев, прославился непревзойденным написанием «ликов». Он планировал открыть собственную иконописную школу в Москве и работал над «Азбукой художеств» – своеобразной книгой образцов для художников. Реализовать два этих последних проекта мастер не успел. Сам он в «Слове к люботщательному иконного писания» писал: «Имея же от Господа Бога талант иконописательства, моей худости врученный ко еже дати ми его торжником, не хотех скрыта его в землю...»

Подпись
Симона Ушакова
на иконе «Спас
Нерукотворный»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.П. Померанцев.
Праздник
Рождества
в Мертвом доме.
В центре картины –
Ф.М. Достоевский

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО

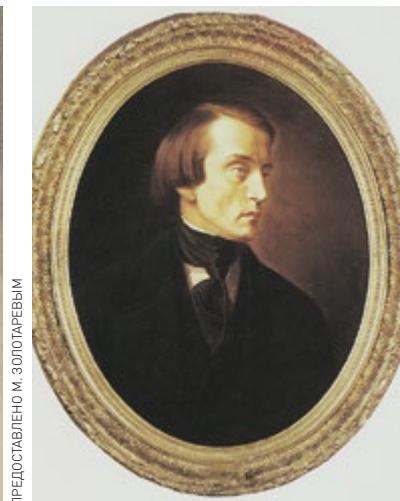
АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

СЕГОДНЯ, КОГДА ОБЫКНОВЕНИЕМ СТАЛО ЧИТАТЬ КЛАССИКОВ «ПРОСТО», ВНЕ КОНТЕКСТА ИХ БИОГРАФИЙ, НАМ ТРУДНО ДАЖЕ ВООБРАЗИТЬ, ЧТО БЕЗ ССЫЛКИ НА КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ В СИБИРЬ, БЕЗ ТОГО «ПЕРЕЛОМА», КОТОРЫЙ ПРОИЗОШЕЛ ТАМ В СОЗНАНИИ ПИСАТЕЛЯ, НЕ ТОЛЬКО «ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» – ПОВЕСТЬ О КАТОРГЕ, – НО И ЛУЧШИЕ РОМАНЫ ДОСТОЕВСКОГО – «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ», «БЕСЫ», «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» – ВРЯД ЛИ МОГЛИ БЫТЬ НАПИСАНЫ...

В

1845 ГОДУ, КОГДА МИХАИЛ ЛУНИН доживал последние месяцы в одиночке академической тюрьмы, в Петербурге – не так уж, впрочем, и изменившемсяся за двадцать лет, минувшие со дня декабристского выступления, – произошло рождение писателя. Недавно окончивший Инженерное училище и только что вышедший в отставку инженер-поручик Федор Достоевский показал молодому литератору Дмитрию Григоровичу свой роман «Бедные люди». Григорович посоветовал нести его прямо к «мэтру», главному редактору знаменитого «Современника» Николаю Некрасову. Тот прочитал роман и помчался к великому и ужасному законодателю литературного общественного мнения, критику Виссариону Белинскому. «Новый Гоголь явился!» – вскричал потрясенный Некрасов. Белин-

ПРЕДСТАВЛЕННО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

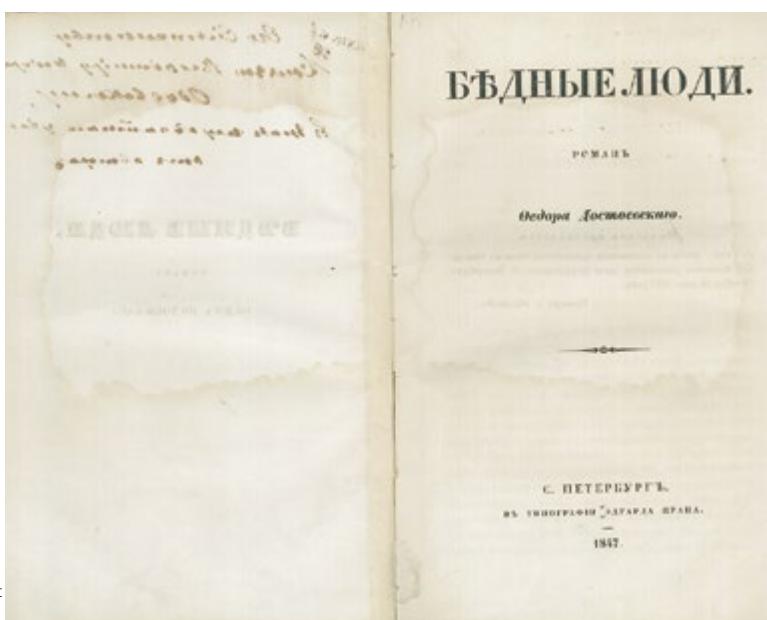
Виссарион
Григорьевич
Белинский
(1811–1848),
литературный
критик

ский отпустил по этому поводу известную остроту, но роман одобрил, он был напечатан в «Петербургском сборнике» Некрасова. Вскоре в журнале «Отечественные записки» появились повести «Двойник», «Хозяйка» и роман «Белые ночи», которые определенно сделали нового автора известным. Впрочем, с кругом Некрасова Достоевский близко не сошелся; он, как и в Инженерном училище, держался особняком. На то были, конечно, свои резоны. В чер-

новиках к «Бесам» остался характерный набросок монолога, который Достоевский собирался отдать главному «идеологу» Степану Трофимовичу Верховенскому: «...В понимании действительных вещей Белинский был очень слаб. Тургенев правду сказал про него, что он знал очень мало даже и научно, но он понимал лучше их всех. <...> Я помню писателя Д – тогда еще почти юношу, Б обращал его в атеизм и на возражение Д, защищавшего Христа, ругал Хри-

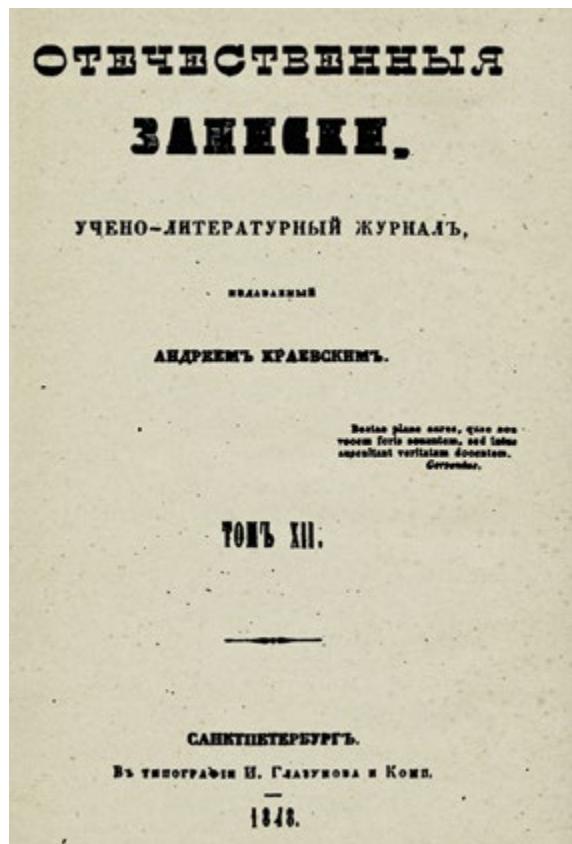
на. Н.А. Некрасов
и Д.В. Григорович.
1850-е годы

ста по-материну. «И всегда-то он сделает, когда я обругаюсь, такую скорбную, убитую физиономию», – говорил Б, указывая на Д с самым добродушным, невинным смехом...» Неудивительно, что Достоевский стоял на стороне литературного «бомонда». Ему нужна была своя аудитория. И она не замедлила явиться – поначалу в образе молодого человека в квадратном цилиндре, который, заметив Достоевского на улице, прямо подступил к нему с вопросом: «Какая идея вашей будущей повести, позвольте спросить?» Познакомились. Странно одетый человек оказался Михаилом Петрашевским, который в 1847 году уже известен был среди молодежи как устроитель философских и литературных диспутов, поклонник социалистических учений Шарля Фурье и Этьена Кабе. Пригласил заходить на «пятницы» к себе в Коломну – квартал между Крюковым каналом и Фонтанкой, который показывают теперь туристам как «Петербург Достоевского». Там-то, в среде студентов, молодых литераторов, поэтов, географов (среди которых, к примеру, был будущий исследователь глубин Азии

Титульный
лист одного
из первых
изданий романа
Достоевского
«Бедные люди».
Санкт-Петербург,
типография
Э. Праца.
1847 год

Петр Семенов, к фамилии которого за заслуги перед наукой еще не был добавлен титул Тян-Шанский), Достоевский познакомился с европейским утопическим социализмом. Как раз по свидетельству Семенова, «толки о Нью-Ланарке Роберта Оуэна и Икарии Кабе, а в особенности о фаланстере Фурье и теории прогрессивного налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера». Тому, кто не увлекался историей утопического социализма, трудно поведать, сколь остроумна и увлекательна эта тема, сколь явно обнажены пороки, бичуемые первыми социалистами, и несомненны доводы, предлагаемые для достижения всеобщего благоденствия. Достоевский был захвачен идеей социальной гармонии: «Фурьеризм – система мирная, она очаровывает сердце своею изящностью, обольщает сердце тою любовью к человечеству, которая воодушевляла Фурье <...> В системе этой нет ненавистей. Реформы политической фурьеризм не полагает; его реформа – экономическая. Она не посягает ни на правительство, ни на собственность...» – так видел вопрос Федор Михайлович. Более того, он берет в библиотеке Петрашевского книгу «Истинное христианство» Кабе, главный тезис которой сводится к тому, что коммунизм есть «царство Божие на земле». Уже Маркс и Энгельс с восторгом разбили всю эту «чушь», заодно провозгласив атеизм обязательным для социалиста. Однако Достоевский готов был посвятить себя проповеди новых «великодушных» учений, которые призваны отменить крепостничество, цензуру, неравенство. «...Федор Михайлович любил ближнего, как только можно любить его человеку верующему искренне, доброты был неисчерпаемой и сердцеведец <...> он везде составлял свой кружок и в этом кружке любил вести беседу своим особым шепотком...» – вспоминал врач и друг Достоевского Степан Яновский.

Титульный
лист журнала
«Отечественные
записки».
1848 год

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

Талант Достоевского-собеседника был оценен, Петрашевский упрекал его, что он мало читает социалистической литературы, и хотел сделать из него настоящего пропагандиста. Тем временем в феврале 1848 года во Франции грянула революция. Николай I, войдя во время мазурки на бал наследника-цесаревича, воскликнул: «Господа, седлайте коней! Во Франции объявлена республика!»

Михаил
Васильевич
Петрашевский
(1821–1866),
революционер,
утопист-
социалист

Назначена была мобилизация. Однако новый поход на Париж не состоялся: революции начались в Саксонии, Пруссии, Австро-Венгрии, в целом ряде итальянских герцогств и королевств. История, казалось, сама подсказывала «верный» и даже беспроигрышный путь. Неудивительно, что кружок Петрашевского начал быстро «леветь», превратившись в политический клуб с программными докладами, регулярными прениями, председателем и даже колокольчиком. В это же время агенты Третьего отделения доложили императору о сходках молодежи у Петрашевского и получили наказ «узнать, какого они поведения и образа мыслей».

Достоевский всячески противится новому радикальному курсу кружка, читает доклад о независимости литературы от политики: «...литературе не нужно никакого направления, кроме чисто художественного <...> не нужно же потому, что навязывается писателю направление, стесняющее его свободу, и вдобавок направление желчное, ругательное, от которого гибнет художественность...» Он выступает против безграничного эгоизма и индивидуализма, провозглашенных за благо в книге Макса Штирнера «Единственный и его собственность». Но, чувствуя, что переломить настроение большинства не удается, вместе с поэтом Алексеем Плещеевым решает создать еще один, литературно-музыкальный кружок, свободный от политики.

В этот момент и является злой гений Достоевского – Николай Спешнев. То была незаурядная фигура. Курский помещик, аристократ и богач, он бывал в Европе, отличался широкими познаниями и умом, но держал себя всегда «как-то таинственно», старался казаться холодным при своей чувственной внешности и на одном из выступлений прямо заявил, что намерен широко использовать изустное слово «для распространения социализма, ате-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРИГОВОР

С начала 1849 года в «Отечественных записках» начал выходить роман Достоевского «Неточка Незванова», дошедший до нас как фрагмент, часть большого замысла, который во всю ширь будет развернут только в поздних «больших» романах писателя. В ночь на 23 апреля 1849 года Достоевский был арестован у себя на квартире. На суде, собранном для примерной расправы над вольнодумцами, держался достойно, стараясь, где только можно, выгородить других. Выявились подробности деятельности «общества пропаганды»: карта Петербурга с помеченными местами для возведения баррикад, текст присяги, планы цареубийства и устройства тайной типографии...

22 декабря на Семеновском плацу приговоренные к смерти 21 человек должны были быть расстреляны. Обвиняемым, одетым в белые балахоны с капюшонами, зачитали смертный приговор...

— На прицел!
Но почему же так долго не стреляют?

«По площади проносится галопом флигель-адъютант, — писал исследователь жизни Достоевского Леонид Гроссман. — Он вручает генералу Сумарокову запечатанный пакет». Барабанный бой. Смертная казнь одним заменена каторгой, другим — бессрочной ссылкой, ссылкой на Кавказ... Достоевский получает четыре года каторжных работ в крепостях и потом — рядовым... Значит — в Сибирь.

Достоевский пишет брату в день своей гражданской казни: «...Брат! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это...»

изма, терроризма, всего-всего доброго на свете». Ему же, по-видимому, принадлежит текст следующей присяги: «Когда Распорядительный комитет тайного общества, сообразив силы, обстоятельства и представившийся случай, решит, что настало время бунта, я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участие в восстании и драке, предварительно вооружившись огнестрельным или холодным оружием». Спешнев раскритиковал идею кружка вне политики, назвав его «обществом страха перед полицией». Он же в конце концов и возглавил его, через него вошло в кружок много «крайних». Действовал он быстро и решительно: ссудил вечно нуждающемуся Достоевскому 500 рублей серебром: «Теперь я с ним и его, — говорил Достоевский Степану Яновскому. — Понимаете ли вы, что у меня с этого времени есть свой Мефистофель?» Из 123 человек, проходивших позднее по делу петрашевцев, военный суд рассмотрел дела только 22, из них 21 человек, в том числе Спешнев и Достоевский, были приговорены к расстрелу. Как оказались так крепко связаны друг с другом эти

два антипода? Как, говоря словами самого Достоевского, мог он позволить затереть себя в такую мерзость, будучи человеком совсем другого склада? Ну, вот... позволил. Само «преступление» Достоевского и заключается только в том, что писатель так и не смог победить непреодолимую, унизительную личную зависимость от Спешнева и оказался невольным его соучастником. Неслучайно потом в «Бесах» Спешнев явится в лице Николая Ставрогина. Может быть, Достоевскому казалось, что, оставаясь в кружке, он сохраняет свою аудиторию, столь писателю необходимую. В своем последнем докладе 15 апреля 1849 года Достоевский прочитал письмо Белинского (в то время уже покойного) к Гоголю, поразившее всех смелостью и силой суждений. Письмо доставлено было Плещеевым из Москвы, где переписка Белинского с Гоголем ходила в списках. На следствии Достоевский утверждал, что читал и ответ Гоголя Белинскому, выдержаный в совершенно иных тонах. Но все это, впрочем, не имело уже значения: с 11 марта агент Третьего отделения студент Антонелли присутствовал на всех собраниях петрашевцев.

МЕРТВЫЙ ДОМ

Повесть «Записки из Мертвого дома» автобиографична в той степени, в которой личный и весьма специфический опыт каторжанина может быть перелит в художественное произведение. Все в ней узнаваемо: и сам омский острог – построенный когда-то как крепость на границе со степью, но с тех пор изрядно обветшавший и прогнивший, ставший узилом для 250 отверженных; и полупьяный комендант тюрьмы; и кордегардия, где арестантам по прибытии обрывают полголовы и вместо обычной одежды дают двухцветную робу с бубновым тузом на спине. Казармы, нары в три голые доски, на которых Достоевскому придется спать четыре года; общий ушат от сумерек до рассвета, духота нестерпимая, вокруг – несмолкаемый крик, шум, ругань, бряцанье цепей. «Это был ад, тьма кромешная», – вспоминал впоследствии Достоевский. Здесь он увидел лица, клейменные игольчатыми буквами с порохом: КАТ (каторжный) – «для вечного свидетельства об их отвержении». Постепенно, день за днем познает он все детали осторожного быта: работу (обжигали и толкли алебастр, работали на кирпичном заводе, разбирали старые казенные барки на Иртыше), досуги («я бы никогда не мог представить себе, что... я во все [годы] моей каторги ни разу, ни одной минуты не буду один»). Запретные удовольствия: вино, табак, женщины, вкусная и дешевая пища – все это можно было достать за деньги. Праздники: Рождество. Три нерабочих дня и театр, в котором все роли исполняли арестанты: это поразительное место в «Записках...», читая которое, невольно забываешь, что речь идет о каторжных. Вот, как будто заскорузлая, мертвая каторжная оболочка отшелушилась, и под нею стал виден человек, «сокровенный человек». На каторге Достоевский, лежа в госпитале, завел себе тетрадочку, которую прятал в надрезанный

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

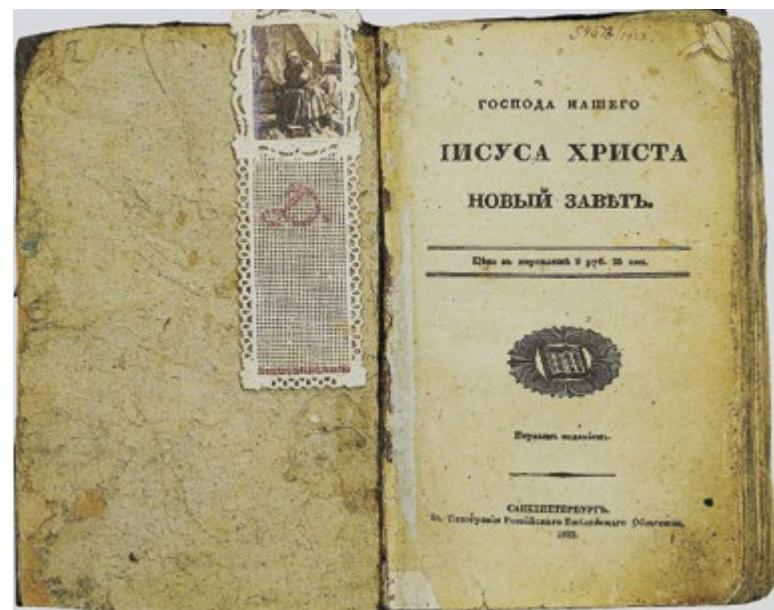
Омск. Острог,
в котором
находился
в заключении
Ф.М. Достоев-
ский. Гравюра
неизвестного
художника.
1897 год

переплет Библии, подаренной ему по дороге в Омск декабристами, мужья которых уже отбыли каторжный срок в рудниках, но не были еще помилованы. Так что детали быта в ней были записаны точно до мелочей: осторожный конь, собаки, гуси и козел; построения на плацу, но главное – характеры арестантов. Путешествие в Сибирь стало для Достоевского первым путешествием по России вообще (если не считать маршрута Москва–Петербург) и первым соприкосновением с «народом», о котором столько было говорено в кружке Петрашевского. Вот это «народоведение» и составляет содержание каторжной жизни Достоевского. То, что писатель узнал народ как бы «с изнанки», наложило глубокий отпечаток на все его творчество. Он просто не мог, не имел никогда случая увидеть народ так, как увидели его современники – Тургенев, Лесков, Толстой. Просто не смог

бы описать ни деревенских мужиков на покосе, ни солдат в бою, ни странствующих иконописцев, ни вольную и опасную жизнь казаков...

На каторге ему не удалось стать равным среди равных. Но человеком среди людей он остался. Он жадно впитывает окружающие типы и создает неподражаемую галерею характеров...

Газин. «Этот Газин был ужасное существо. Он производил на всех странное, мучительное впечатление. <...> Он был татарин; ужасно силен, сильнее всех в остроге; росту выше среднего, сложения геркулесовского; с безобразной, непропорционально огромной головой; ходил сутуловато, смотрел исподлобья. <...> он любил прежде резать маленьких детей, единственно из удовольствия: заведет ребенка куда-нибудь в удобное место; сначала напугает его, измучает, и, уже вполне насладившись ужасом и трепе-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Евангелие,
подаренное
сосланному
на каторгу
писателю
в 1850 году
в Тобольске
женами
декабристов
П.Е. Анненковой,
А.Г. Муравьевой
и Н.Д. Фонвизиной.
В книгу
вложена
закладка
с вышитым
инициалом «Д.»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

том бедной маленькой жертвы, зарежет ее тихо, медленно, с наслаждением...».

Орлов. «...Это была наяву полная победа над плотью. Видно было, что этот человек мог велевать собою безгранично, презирал всякие муки и наказания и не боялся ничего на свете. В нем видели одну бесконечную энергию, жажду деятельности, жажду мщения, жажду достичь предположенной цели. <...> На все он смотрел удивительно спокойно, будто и не было ничего на свете, что могло бы удивить его. <...> Когда же [он] понял, что я добираюсь до его совести и добиваюсь в нем хоть какого-нибудь раскаяния, то взглянул на меня до того презрительно и высокомерно, как будто я вдруг стал в его глазах каким-то маленьким, глупеньким мальчиком, с которым нельзя и рассуждать, как с большими. Даже что-то вроде жалости ко мне изобразилось в лице его».

Единственное исключение составляли горцы, плененные во время Кавказской войны. Один из них, выведенный в «Записках...» под именем Алея, с восхищением характеризуется писателем: это было необыкновенное существо, «до того прекрасное от природы», что всякая мысль о чем-нибудь дурном не могла его коснуться.

Достоевский понимает, что эти люди – преступники. Нет, он не льстит своему народолюбию, не

делает вид, что преступления нет. Преступление – не плод уродливых «общественных отношений», оно вызревает и совершается прежде всего в душе, оно есть преступление закона, заповедей Ветхого Завета и Христа. Это одна из фундаментальных мыслей Достоевского. Но преступление искупимо. Если в преступнике уцелел (а во многих уцелел) «сокровенный человек», путь к иной, нормальной жизни, путь христианский, через покаяние и любовь – открыт ему. Это другая главнейшая мысль, выношенная Достоевским на каторге, а заодно и содержание целого его романа, который он напишет, когда и каторга, и солдатчина останутся позади: «Преступление и наказание». Здесь рождаются многие лейтмотивы романа, даже его «ключи» – как фраза: «Воздуху вам сейчас надо, воздуху, воздуху!» – которую Раскольников слышит сначала от Свидригайлова, а потом от Порфирия Петровича. Здесь нашупываются герои «Бесов» и «Братьев Карамазовых», здесь оттачивается беспримерный психологизм Достоевского: ему, конечно, известна была вся извилистая аргументация, которая приводит людей к преступлению, он знал, сколь многочисленны резоны, с помощью которых один человек приходит к мысли о возможности или даже необходимости – убить. Убить одного. Или даже многих. Очень многих (для это-

го – Достоевский знал по опыту – «идея» нужна, оправдание широкое, как у Спешнева–Ставрогина: всеобщее счастье).

Любопытно, что Лунин, умерший за четыре года до гражданской казни петрашевцев, тем не менее всегда оставался оптимистом: он еще не знал «бесов», не видел, что мир катится к катастрофе, ибо в этом мире люди начали убивать людей из «идейных» соображений (Раскольников и Карамазов, Ставрогин и Верховенский). Неслучайно Юрий Карякин написал в свое время книгу «Достоевский и канун XXI века». Век запредельный. Вопросы запредельные. Еще неизвестно, удастся ли искупить преступления,творимые уже не только отдельными людьми или группами людей, но и странами и группами стран. Достоевский созвучен этим предельным вопросам. А Лунин – нет. Он значительную часть жизни прожил еще под бодрым обаянием века Просвещения, когда казалось, что человечество только начинает цивилизовываться. Лунин – оптимист и верит, что время на его стороне. А вот Достоевский столь оптимистичным быть уже не может: только вроде бы началось Просвещение и прогресс, и ста лет не прошло, – а уже как новый Апокалипсис, пишутся «Бесы», в которых бездны человеческого обмана и самообмана и неизбежного в этом самообмане зла развернуты прямо-таки в современную ширь. И мы не знаем, что может это развертывание остановить. Спасет ли мир красота? Спасут ли его святые нашего времени? Или мир не спасется, пока его не начнут спасать понемногу все? Вот вопросик не из легких.

Достоевский с огромным напряжением для себя, но и с мужеством, которое делает ему честь, выдержал испытание каторгой. Она стала для него частью жизни, важным этапом в познании людей и самого себя. То, что характеристики, которые он дает «народу», противоречивы, – естественно. Важнее,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Семипалатинск.
Вид с противо-
положного
берега Иртыша.
1880-е годы.
Фотография
Дж. Кеннана

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

пожалуй, то, что он понял о себе самом: «...Одинокий душевно, я пересматривал всю прошлую жизнь мою <...> судил себя неумолимо и строго, и даже в иной час благословлял судьбу за то, что она послала мне это уединение, без которого не соостоялись бы ни этот суд над собой, ни этот строгий пересмотр прежней жизни».

А в чем он выразился, этот пересмотр? В понимании глубокой ответственности образованных классов перед народом и перед Россией. Это основа будущего почвенничества Достоевского. Основой его «вселенской» по-прежнему остается Христос. Это выразилось в личном символе веры, который Достоевский изложил в известном письме декабристке Наталье Фонвизиной, отправленном из Омска вскоре после выхода с каторги: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной...»

Истовая внутренняя работа позволила Достоевскому оставаться живым в Мертвом доме. По истечении каторжного срока он выходил на службу в линейный батальон бодрым и обновленным, а Сергей Дуров, вместе с ним вошедший в острог, покидал его «полуразрушенным, седым, почти без ног и с одышкой...» Он, правда, был старше Достоевского на пять лет, и в 1854 году ему как раз сравнялось 39...

СЕМИПАЛАТИНСК

Городок затрапезнейший, тоже в недавнем прошлом – крепость на границе степей, утратившая свое былое значение. Достоевский прибыл сюда для зачисления в полк рядовым до истечения срока службы, который определялся тогда в 25 лет. Казалось бы, из одной ямины вечности, каторжной, попал в другую – в солдатчину, из которой, в отличие от каторги, нет выхода. Но не прошло и двух месяцев по зачислении его в полк, как в Петербурге умирает Николай I, и, словно по волшебству, все меняется. Пресная жизнь рядового солдата начинает писаться как набросок какого-то небывалого романа. Сначала Достоевскому разрешают жить на отдельной квартире, он жадно начинает читать, наталкивается на «Детство» и «Отрочество» Толстого. Потом его находит 22-летний Александр Врангель, принесенный в Семипалатинск на должность областного прокурора. Он был на Семеновском плацу во время «казни» петрашевцев,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Александр
Егорович
Врангель
(1833–1915),
юрист, дипломат,
дружил
с Достоевским
в годы
сибирской
 ссылки писателя

Петр Петрович Семенов (с мая 1906 года – Семенов-Тян-Шанский) (1827–1914), географ, ботаник, статистик, государственный и общественный деятель

знал Достоевского как писателя и сделал все, чтобы сдружиться с ним. Врангель знакомит его с горным инженером близких свинцово-серебряных заводов, со своими друзьями-офицерами. Лето 1855-го они провели на единственной в окрестностях даче «Казаков сад», принадлежавшей местному купцу-казаку. Друзья ловили рыбу, купались, читали газеты, ухаживали за садом. Иногда совершили по окрестностям экскурсии верхом. Достоевский начал набрасывать «Записки...». То была не служба, а малина! В Семипалатинске Достоевский встретил знакомого ему по кружку петрашевцев географа Петра Семенова (Тян-Шанского), явившегося в Сибирь уже как путешественник. Сложилось «общество». Для полноты романической картины не хватало любовной истории – и она, как по мановению волшебной палочки, явилась. Непонятно, специально ли Достоевский искал такой страсти – томительной и болезненной, – или, наоборот, опыт его первого любовного чувства породил потом все эти полные мучительства любви Грушеньки и Настасьи Филипповны...

Она звалась Марией Исаевой, урожденной Констан, француженкой по деду. Муж ее, Александр Исаев, был таможенным чиновником, уволенным со

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Дмитриевна
Исаева (1824–1864),
первая жена писателя

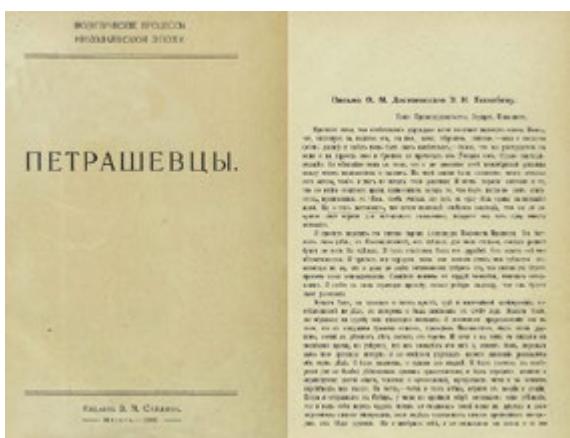

Ф.М. Достоевский.
Фотография Н. Лейбина.
Семипалатинск.
1858 год

Письмо
Достоевского
генерал-
адъютанту
Э.И. Тотлебену
на страницах
сборника
документов
«Петрашевцы».
Издание
В.М. Саблина
(М., 1907)

службы за пьянство. Жили они в ужасающей бедности. С Исаева Достоевский во многом спас потом своего Мармеладова: «Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден». Узнав о влюбленности в нее рядового солдата, впрочем писателя, жена Исаева приняла его ухаживания. Как все больные чахоткой, она была очень привязана к жизни, и пламенные чувства другого, казалось, могли отогреть ее. На Достоевского она производила очень сильное впечатление: «Что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное, но и парадоксальное, бесконечно доброе, истинно благородное – у нее сердце рыцарское, стубит она себя»... Она же, по свидетельству Врангеля, «влюблена в него ничуть не была», считая человеком «бездушности». Так затягивается узел безнадежности: алкоголизм, чахотка, нищета, солдатчина, любовь–нелюбовь. В довершение ко всему, стремясь вырваться из нищеты, Исаев согласился на должность смотрителя по трактирной части в городке Кузнецке Томской губернии – за 700 верст от Семипалатинска. Прощаясь с Исаевыми, Достоевский рыдал как ребенок. Потянулась переписка – мучительная, похожая на агонию. Внезапно – что, впрочем, немудрено было на новой должности – Иса-

ев умер, а вдова его... неожиданно полюбила. Но не Достоевского, а «симпатичного молодого учителя» редких качеств и «чистой души» Николая Вергунова, о чем и сообщила в письме своему солдатику. Вообще, для этой любви Достоевского характерна атмосфера исключительного мучительства, которую так мастерски создавала женщина с «рыцарским сердцем». Она то обнадеживала его при свидании: «...Не плачь, не грусти, не все еще потеряно, ты и я и более никто!» То требовала «объяснения» с Вергуновым. То... Впрочем, пусть лучше сам читатель разберет подробности этой истории...

В конце концов, чтобы сбросить с себя бремя солдатчины, Достоевский решается на отчаянный шаг: вопреки субординации пишет письмо генерал-адъютанту Эдуарду Тотлебену, герою Севастополя, которого Достоевский знал по Инженерному училищу, а Врангель – просто по Петербургу: «Я был уличен в намерении (но не более) действовать против правительства; я был осужден законно и справедливо; долгий опыт, тяжелый и мучительный, протрезвил меня и во многом переменил мои мысли. <...> Клянусь вам, не было для меня мучения выше того, когда я понял свои заблуждения, понял в то же время, что я отрезан от общества изгнаничеством...» Тотлебен докладывает Александру II о желании Достоевского писать и печатать свои произведения. В результате Достоевский получает чин прапорщика с правом выйти в отставку.

1 октября 1856 года он произведен в офицеры, а 6 февраля 57-го уже венчался в Кузнецке со своим «ангелом» Марией Дмитриевной, которая устроила все с максимальным «мучительством»: как писал Леонид Гроссман, Николай Вергунов на этой свадьбе был шафером, что сообщило большую напряженность бракосочетанию и обнажило в празднике венчания сложную драму соперничества, ревности, вражды и страсти... До 1859 года Достоевский с женой жили в Семипалатинске: он командовал взводом, но уже вел переписку с «Современником», «Отечественными записками», «Русским вестником» и «Русским словом», она – сколько могла «капризничала и ревновала». Впрочем, 1859 год – десятый год в Сибири – стал переломным для Достоевского: он вышел в отставку и летом переехал из Семипалатинска в Тверь. А уже в декабре – в Петербург, где ему разрешено было проживать. Сибирская эпопея Достоевского закончилась: наступала пора вплотить в литературе нажитые в Сибири образы... ●

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Старая Москва.
Уличная сценка
близ Красной
площади.
Первая
половина
XIX века

РУССКОЕ СЕРДЦЕ

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

«ДВАДЦАТЬ ЛЕТ! ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ, В ЭТИ САМЫЕ
МИНУТЫ, КОГДА ТЫ, БЕСПЕЧНЫЙ, БЕЗЖИЗНЕННЫЙ,
СТАРАЕШЬСЯ ВЫЗВАТЬ ЧУВСТВА ИЗ ИСТОМЛЕННОГО
СЕРДЦА, В ЭТИ МИНУТЫ ТВОЯ МАТЬ, ОБЕССИЛЕННАЯ
ПРЕДСМЕРТНЫМИ МУКАМИ, МОЛИЛАСЬ О ТВОЕЙ
ЖИЗНИ, О ТВОЕМ БЛАГОПОЛУЧНОМ ВЫХОДЕ
НА СВЕТ... И ТЫ ВЫШЕЛ, НАПУТСТВУЕМЫЙ
ЕЕ МОЛИТВАМИ... ТЫ ВЫШЕЛ В ЖИЗНЬ...».

ЭТИ СЛОВА ЗАПИСАЛ в дневнике в свой день рождения, 6 сентября, 20-летний сочинитель. Будущее скрыто от него. И он не знает, что умрет через восемь лет. Что мать и отец переживут его. Что его писательская известность окажется недолговечной.

Что его могила на Лазаревском кладбище будет уничтожена вместе со старой Москвой, которую он так любил...

Звали молодого сочинителя Иван Тимофеевич Кокорев. Не удивлюсь, если это имя ничего не скажет современному читателю. Оно давно забыто. Помнят об

Иване Тимофеевиче лишь любители столичной старины. Впрочем, не буду лукавить. Об этом замечательном писателе я и сам узнал совершенно случайно.

Творчество Кокорева – ярчайший образец московского бытописания. Того самого, что прославило Владимира Гиляровского и Ивана Шмелева. Сочинения Кокорева по содержанию напоминают «Москву и москвичей» – такие же очерки жизни Первой столицы. А по форме похожи на «Лето Господне» – такая же превосходная проза, написанная тепло, проникновенно и доверительно.

Один из лучших рассказчиков о Москве, Кокорев не был москвичом. Он родился 6 (18) сентября 1825 года в городке Зарайске, тогда относившемся к Рязанской губернии. Отец будущего писателя, Тимофей Кокорев, был дворовым человеком полковника Д. Крюкова. Скорее всего, Кокорев-старший был уроженцем села Дятлово, принадлежавшего семье Крюковых. В 1827 году, получив вольную, Тимофей с семьей переселил-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ся в Москву. Здесь уже жил его старший сын, Николай, успешно занимавшийся иконописанием. Всего в семье Кокоревых было пятеро сыновей. Иван был самым младшим. Его мать, имя которой, к сожалению, забылось, гордилась детьми. Она любила похвастаться: «Николай был первый по Москве живописец, а Иван – первый сочинитель».

Николай Кокорев довольно хорошо вел свои дела. С 1834 года он числился «купеческим сыном», то есть встал на первую ступень, ведущую из мещан в купеческое сословие. А Кокорев-старший до самой смерти так и числился в московских мещанах.

Именно Николай занялся воспитанием младшего брата, намереваясь сделать из него иконописца. В 1834 году Иван был отдан в приходскую школу при церкви Адриана и Натальи, что в Мещанской слободе. Через сто лет, в 1936 году, этот храм будет снесен. Сейчас вместо него сквер на проспекте Мира. Затем Иван учился в Третьем московском уездном училище. Учился прилежно и был награжден похвальными листами за необыкновенные успехи и кроткое поведение. По выходе из училища родители хотели видеть Ивана иконописцем. Но он упорно сопротивлялся: «Что вы тянете меня в живописцы? Еще бы вы сделали меня кузнецом. В кузнецы не хочу и в живописцы не хочу!»

Тогда родные устроили Ивана во 2-ю Московскую гимназию, сразу во второй класс. Гим-

Церковь Святых Адриана и Натальи в Мещанской слободе. 1880-е годы

П. Федотов.
Портрет Е.П. Ростопчиной.
1850 год.
Графиня Евдокия Петровна Ростопчина, урожденная Сушкива (1811–1858) – русская писательница

2-я Московская гимназия на Разгуляе. Фотография начала XX века

назия размещалась в бывшем доме графа Мусина-Пушкина на Елоховской улице. В том самом доме, где в пламени московского пожара 1812 года погибла подлинная рукопись «Слова о полку Игореве». Этот дом сохранился до наших дней.

В гимназии, где учились дети из благородных и богатых семейств, Иван пользовался всеобщей приязнью. Его любили не только ученики, но и учителя. Кокорев часто вспоминал гимназические годы как самые

светлые и радостные в жизни. Впрочем, уже тогда он начал трудиться – давал уроки ученикам младших классов и переписывал на заказ, поскольку у него был хороший почерк. Однажды он переписывал стихотворения для графини Ростопчиной, известной в ту пору сочинительницы. И как же обрадовался подросток, когда графиня похвалила его за отменное знание правописания!

В гимназии Кокорев познакомился с неким молодым человеком, ставшим его лучшим другом. Окончив учебу, этот юноша уехал из Москвы в какой-то уездный город. Между ним и Иваном началась многолетняя переписка – важный источник для биографии Кокорева. К сожалению, имя друга неизвестно. В письмах оно скрыто под буквой М – «мой добрый, милый, душечка М».

В 1841 году Ивану пришлось оставить гимназию – семья не смогла заплатить за его обучение. Поскольку юноша увлекался театром, то решил испробовать свои силы на сцене. Он явился к Михаилу Загоскину, прославленному писателю, занимавшему в ту пору место управляющего конторой императорских московских театров. Загоскин не нашел посетителя пригодным для сцены. Однако он ласково принял юношу и любезно побеседовал. Узнав, что Иван много читает и горячо любит литературу, Загоскин дал ему совет посвятить себя писательству.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БОЛЬНОЙ СКУКОЙ

Иван усердно занялся своим образованием. Василий Дементьев, единственный биограф Кокорева, писал: «Кокорев весь отдался чтению, которое любил еще в гимназии. Читал без разбора все, что попадет под руку. И запасся, конечно, поверхностными, но весьма разнообразными сведениями, нужными для журнальной деятельности».

В 1843 году Иван уже сотрудничает в журнале «Живописное обозрение» – помещает там небольшие заметки, исполняет обязанности корректора и литературного редактора. В 1844 году Кокорев устраивается к Александру Черткову, знаменитому историку, собирателю книг и древностей. Начинающий сочинитель жил в доме Черткова, получал хорошее жалованье и помогал хозяину разбирать и приводить в порядок исторические документы. В письме другу Иван рассказывал: «Самое важное событие в моей современной жизни – это переселение на край Москвы, противоположный тому, где я влажил горестное существование. Я говорю про переезд к Черткову. Вот уже с месяц, как я живу у этого молодого и ужасно богатого (100 тысяч в год дохода) джентльмена и работаю вместе с ним. Он пишет по поручению правительства «Историю дипломатических сношений Мальтийского ордена с Россией». Мне поручена разработка и обработка различных документов, исправление слога и т.п. Жизнь у него довольно комфорtabельная, и ваш слуга делается понемногу дипломатом».

Усадьба Черткова на Мясницкой улице сохранилась до наших дней. Но Иван недолго пожил здесь. Биограф писал: «В это именно время началась та страшная тоска и запущенность, которые впоследствии так развились в нем». А сам Кокорев в том же письме другу жаловался: «Мое сердце, моя голова больны скую. А отчего – не знаю. Жизнь то хороша, как первый поцелуй, то глупа и приторна, как старая кокетка».

Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858), археолог и историк, председатель Московского общества истории и древностей российских, нумизмат, основатель Чертковской библиотеки

Почему-то от Черткова Кокорев уходит. Бедствует. Пытается принимать участие в разных изданиях – «Библиотека для чтения», «Московский городской листок», «Нравы, обычаи и памятники всех народов земного шара». Дает домашние уроки. В декабре 1844 года Кокорев сетовал другу: «Мысли гуляют Бог весть где, голова горит, прошедшее выходит из сердца, настоящее жмет его, будущее заставляет плакать. Сделаю ли я что-нибудь, могу ли сделать, зачем буду жить? Эти и тысячи подобных вопросов, глупых и умных, теснятся в голову... Черные мысли! Прочь их! Я вполне убежден, что я гений посредственной руки. Только вот что озадачивает меня: все гении ужасные пьяницы, а я хмельного и в рот не беру. Что прикажете делать?»

А в январе 1845 года Кокорев жаловался: «Разве ты не знаешь аксиомы, что все литераторы умирают с голоду. И если Иван Тимофеевич до сих пор уцелел, так только потому, что он не литератор, а поденщик, не мастер, а работник».

Кокореву нет еще и 20 лет, а он уже полон мрачных мыслей. Между тем у него все еще впереди – лучшие сочинения, кратковременная известность и признание русских писателей. Все это будет связано с журналом «Москвитянин» и с его издателем Михаилом Петровичем Погодиным.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Первые надежды на работу у Погодина появились в октябре 1844 года. Тогда Кокорев писал другу: «Вот еще новости. Погодин будет сам продолжать свой журнал. Аз многогрешный, с помощью Божией, надеюсь вступить в ряды его сотрудников, ратовать храбро за родимую Белокаменную».

А через два года, в октябре 1846-го, Иван Тимофеевич уже сотрудничает в журнале. Что это было за сотрудничество?

В середине XIX века особым успехом пользовался жанр физиологических очерков – бытовых рассказов, близких не только литературе, но отчасти и этнографии. В этих очерках изображался простой народ – мелкие торговцы, извозчики, старьевщики, портные и кухарки. Их быт, нравы, говор, свычаи и обычаи.

Физиологические очерки Кокорева превосходны. Современник писал о них: «Рассказы и очерки Кокорева написаны были хорошим языком, художественно выдержаны и представляли верные картины из народного быта, причем без излишества в реализме Кокореву удавалось схватывать зачастую и весьма типические его черты». И в наши дни эти очерки восхищают свежестью языка, яркостью описаний и острой наблюдений. Современный читатель как бы переносится в старую Москву. И это не Москва Гиляровского! Это город Гоголя, Тургенева и Островского. Город, в котором еще жив дух Пушкина и Грибоедова.

Иван Тимофеевич берет читателя за руку и проводит по московским площадям и улицам. Вот шумный центр. Вот тихая окраина. Вот бойкое торжище. Вот печальное кладбище. А вот и трактир. Зайдемте!

И всюду Кокорев примечает и показывает читателю москвичей – от важных дворян и степенных купцов до последних боярков, голодранцев и побиушек.

У Кокорева все это подробно описывается. И описывается ве-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ликолепно! Но талант, силы и здоровье Ивана Тимофеевича тратились не только на это.

Работая на Погодина за 15 рублей в месяц, Кокорев вынужденно растративал себя на рутинную работу: журнальные объявления, новостные заметки, сиюминутные статейки.

После кончины Кокорева сочувственную статью о нем написал Николай Добролюбов. Он обвинил редакцию «Москвитянина» в смерти сочинителя: «За него общество могло бы спросить отчета еще у кого-нибудь, кроме слепой и неразумной судьбы... Люди, эксплуатировавшие его, загубили его талант и самую жизнь». Добролюбов возмущался: «До чего была доведена эта свежая, поэтическая натура, на что растративался этот оригинальный талант!.. Вот разбор «Хиромантии девицы Ленорман», вот рецензия «Стряпухи», вот две страницы о «Новом способе истребления клопов и тараканов», вот «Воззвание к крысоистребителям», вот статейка, критикующая слог объявления тифлисского модного магазина, заметка «о мази от падения волос», о подделке под вдову Клико, о новой мужик-польке и пр. и пр. Какой талант, какая поэзия может сохраниться в человеке, принужденном убиваться над такими предметами?.. Никто из читавших «Москвитянина» и любовавшихся рассказами Кокорева не предполагал, конечно, что этот же самый человек, тут же, через несколько страниц, смастерили какие-нибудь заметки о парикмахерском объявлении, о новом полнейшем оракуле, о шрифте визитных карточек и т.п.».

ЧЕРНАЯ ПОЛОСА

Причина, по которой Кокорев попал в зависимость от Погодина, печальна, но, увы, неудивительна – пьянство. Дементьев писал о Кокореве: «Имел русское сердце, русский склад ума и любовь к труду. Но не мог управиться с этими силами». Пьянство наложило мрачный отпечаток на всю его последующую недолгую жизнь.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Московский торговец гречневиками.
Литография Гейслера.
Первая половина XIX века

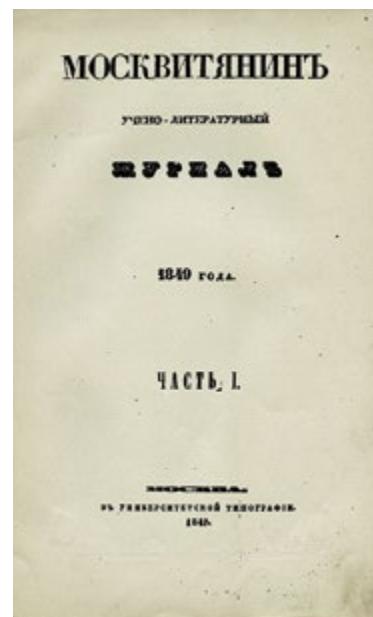
В 1845–1847 годах Иван Тимофеевич жил еще трезво. Он ухаживал за одной девушкой и намеревался на ней жениться. Избранница писателя служила горничной в доме художника Василия Добровольского, директора по хозяйственной части Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

Кокорев серьезно относился к женитьбе. Другу он писал: «Ну, женись же скорее, женись... Без шуток: я верю в семейное счастье, верю, что оно существует, и не в одних романах. От нас самих зависит уметь наслаждаться жизнью, уметь жить». Молодой

сочинитель начал приобретать привычки семейного человека. Завел черного кота. Вроде Васьки из очерка «Кухарка»: «Здесь и жирный Васька посиживает на окне, греясь против солнышка или созерцательно рассматривая ближайшую природу, особенно стаи ворон». Писательский кот был приучен всегда сидеть на столе во время занятий хозяина.

Но по какой-то причине свадьба не состоялась. Скорее всего, девушка испугалась бедности жениха. Но Кокорев на всю жизнь сохранил любовь к ней. После смерти сочинителя в его сундуке среди бумаг были найдены письма горничной, наивные и до смешного ревнивые. Письма были найдены в порядке, особо хранимые. Значит, Иван Тимофеевич дорожил ими.

В 1847 году с Кокоревым случилась еще одна беда. Его вместе со средним братом привзвали в солдаты. Брат подался в бега. И до его возвращения писатель был взят как бы в заложники. Его посадили в «сибирку» – особую тюрьму для состоявших на рекрутской очереди. Пока брат-беглец не был найден, Кокорев месяц сидел в «сибирке». Затем, как тогда было принято, ему пришлось нанять «охотника», согласного за вознаграждение идти вместо него в солдаты.

Титульный лист журнала «Москвитянин» за 1849 год

В письме другу Иван Тимофеевич сокрушался: «Хлопочу о найме джентльмена, который заменил бы меня в царской службе. Но не знаю, как справлюсь с деньгами. Обещал частичку Погодин. Еще, может быть, достану где. На тебя (на малую толику – до 100 руб. сер.) – не знаю – расчитывать ли. Говорю начистую, без обиняков».

Погодин обещал только «частичку». А вот Некрасов из Петербурга прислал Кокореву 200 рублей. Правда, в долг. Долговая удавка стягивалась на шее сочинителя, душила его. Чтобы поправить свое бедственное денежное положение, Иван Тимофеевич много писал. Среди разнообразной журнальной мелочи, вышедшей из-под его пера, нельзя не заметить такие крупные алмазы, как очерки «Кухарка», «Самовар», «Чай в Москве», повести «Сибирка» и «Саввушка».

Последняя – лучшая повесть Кокорева. Ее герой – бедный портной Саввушка с Божедомки. «Сава Силин муской партной и пачинивает старое платье», как значится на вывеске. Семейная жизнь у Саввушки не сложилась, он одинок и немолод. Главные его друзья – водка и пиво. При этом портной набожен и не лишен искренней веры. Именно вера помогает Саввушке побороть пьянство и спасти сироту Сашеньку.

Совершенно безобидная повесть. И Кокорев, надеясь получить большой гонорар, отправил ее Некрасову для публикации в журнале «Современник». Но цензура не пропустила «Саввушку». Это стало ужасным потрясением для Ивана Тимофеевича. Он думал поправить свои дела некрасовским гонораром. И вдруг такой удар!

«ВСЕ ОТ СВОЕЙ ГЛУПОСТИ!»

Саввушка нашел в себе силы для новой жизни. А Кокорев после 1847 года начал стремительно опускаться. Он уже не бывал в театрах, а стал завсегдатаем кабаков. Иногда он пропивал не только последние гроши, но и одежду – отправлял «учить-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Михаил
Петрович
Погодин,
филолог,
историк,
журналист
и публицист.
Гравированный
портрет 1850-х
годов

ся грамоте», как говорили герои его очерков.

Однажды, пропив сапоги, Иван Тимофеевич не смог прийти в редакцию к Погодину. Все это раздражало издателя «Москвитянина». В дневнике Михаил Петрович нередко делает краткие, сухие записи о своем сотруднике. Например: «Кокорев пропал опять с корректурой. Предосадно. Сперва я был в досаде, а потом внутри расхохотался. Точно как разбойники в Туретчине. Вот каковы сотрудники». Через несколько дней: «А Кокорева нет». Еще через пять дней: «Досада Кокорев». И наконец: «Про-

пал, из ума не выходит. Что будешь делать?»

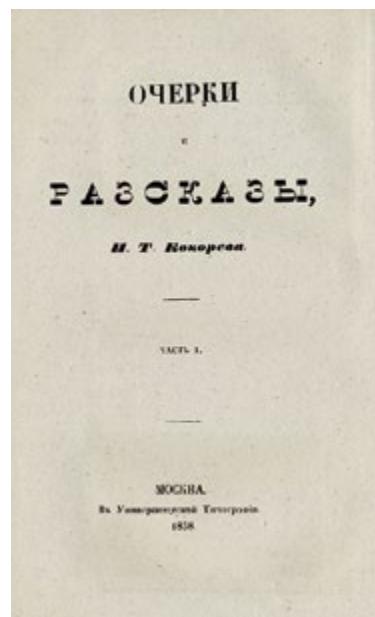
А в это время Иван Тимофеевич сидел в каком-нибудь питейном заведении за рюмкой водки или за стаканом пива. Точь-в-точь как Саввушка. Только благодушный портной проводил в заведении несколько часов, а его невезучий создатель – несколько дней, пока не пропивал все.

С 1846 года семейство Кокоревых жило на Самотеке, в Волконском переулке. Один московский сочинитель, побывавший в гостях у Ивана Тимофеевича, вспоминал: «Отыскиваю, наконец, самую уединенную избенку с двумя окнами, обращенными к забору, за конюшней, и отворяю двери. Копоть, мрак ужаснули меня. Несколько минут я не мог ничего разглядеть, задыхаясь от плотно стущившегося воздуха».

Тут-то и жил писатель, любимый многими москвичами. «Комната, в которую я вошел, освещалась двумя окнами. Стул, столик, заваленный бумагами, кроватка, из-под которой выглядывали книги и журналы. Рядом с чернильницей – бутылка на столе, исправляющая должность отсутствующего подсвечника. Вот все, что я нашел в мастерской художника, в которой столько передумано, перечувствовано, художнически воспроизведено». В этом убогом жилище и застала Кокорева смертельная болезнь – тиф или, как говорили в старину, нервная горячка.

Погодин вновь уехал за границу и поручил Кокореву наблюдение над изданием «Москвитянина». Иван Тимофеевич обещал ревностно заниматься журналом. Но в первые же дни подпал под обычное искушение – ушел в запой. Через неделю после этого он заболел.

Как бы чувствуя приближающуюся смерть, Кокорев сделался необыкновенно ласков с матерью. Вставал по ночам, подходил к ней, становился на колени, плакал, целовал ее руки и не раз будил этим. Дней за пять до смерти он начал бредить. С недели Иван Тимофеевич не ел. Не хотел лечиться дома. И в боль-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Титульный лист первого издания сочинений И.Т. Кокорева, вышедшего посмертно усилиями друга писателя В.А. Дементьевса в 1858 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ницу тоже не хотел ехать. Сотрудники редакции «Москвитянина» силой усадили Кокорева на извозчика и отвезли в Ново-Екатерининскую больницу на Страстном бульваре.

Перед кончиной писателя навестил один из знакомых. Иван Тимофеевич неподвижно лежал на больничной койке и смотрел в потолок. Приход приятеля несколько оживил его. Он взял руку знакомого и около часа не выпускал ее из своей. Все время он что-то шептал, но можно было разобрать только: «Зачем меня сюда привезли?» «Разве вам было лучше дома?» – спросил приятель. «Как же, несравненно!» – прошептал больной. Когда знакомый указал на икону, висевшую в углу, Кокорев только вздохнул: «Все от своей

глупости!» Приятель ушел. Пришел священник и причастил умирающего. Вскоре Иван Тимофеевич тихо скончался. Это произошло 14 (26) июня 1853 года, в 8 часов вечера.

Молодого писателя отпевали в больничной церкви Святой великомученицы Екатерины. Помимо родственников на отпевание пришли несколько ученых, узнавших о кончине Кокорева из «Московских ведомостей». Гроб выносили типографские наборщики. Деньги на похороны – 18 рублей – дала Елизавета Фоминична Вагнер, теща Погодина. Сам Погодин, узнав о кончине Кокорева, писал в редакцию: «Третьего дня в берлинских газетах я увидел нечаянно, что Кокорев умер. Несчастный! Что с ним случилось? Напиши-

Старая Москва.
Уличная сцена
близ Красной
площади.
Первая половина
XIX века

те мне подробно об его кончине. Велите отцу принести к вам все его бумаги. И скажите ему, что я постараюсь устроить его положение».

С сочувствием откликнулся на эту смерть Иван Тургенев. Он писал Сергею Аксакову: «Мне очень жаль, что Кокорев умер. Его «Саввушка» подавал большие надежды. Много в нем было теплоты и наблюдательности. Нездоровится нашим писателям». А в письме к Павлу Анненкову Тургенев признавался: «Услышал о смерти Кокорева – я прочел «Саввушку» – и искренне пожалел о смерти автора. Много в нем было простоты и теплоты и – при всей наблюдательности – какой-то детски наивный и ясный взгляд на вещи. Жаль его».

...Похоронили Ивана Тимофеевича на Лазаревском кладбище. Когда-то Кокорев описал его в «Саввушке»: «Если когда-нибудь летом, в праздничный день, вам случится быть на Лазаревом кладбище, погуляйте здесь, по этой «Божьей ниве», на которой, как межи последнего владения человека на земле, разбросаны камни и кресты». Здесь горемыка-писатель нашел свой последний приют. Наборщики поставили на его могиле простой крест. Но вскоре могила затерялась, а с ней затерялись во времени и имя скромного сочинителя, и его творчество.

В 1937 году Лазаревское кладбище было уничтожено московскими властями. С ним пропала и сама память об Иване Тимофеевиче Кокореве.

Между тем среди русских писателей XIX века он занимает достойное место. А в москововедении ему принадлежит неоспоримое первенство. Физиологические очерки Кокорева гораздо лучше сочинений Гиляровского. И, будь моя воля, я бы включил их в обязательную школьную программу.

Незамеченным прошло в нынешнем году 190-летие Кокорева. Но хочется верить, что через десять лет «родимая Белокаменная» достойно отметит 200-летие воспевшего ее писателя. ■

Ново-
Екатерининская
больница
на Страстном
бульваре.
Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Ролевая игра
в Средневековье –
апогей летней
жизни «Китеха»

НЕПОТОПЛЯЕМЫЙ «КИТЕЖ»

АВТОР

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

ЛЕТОПИСЬ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ
ДЛЯ ПРИЕМНЫХ ДЕТЕЙ «КИТЕЖ» НА БЛЕСТЯЩУЮ
ИСТОРИЮ УСПЕХА НИ КАПЛИ НЕ ПОХОЖА.
ПОСЛУШАТЬ ОСНОВАТЕЛЯ «КИТЕЖА» ДМИТРИЯ
МОРЗОВА – ТАК ДОЛГИЕ ГОДЫ ОНИ ТОЛЬКО
И ДЕЛАЛИ, ЧТО ОШИБАЛИСЬ.

ПОСЛЕ РАСПАДА СССР уставшие от городской сути и проблем граждане взяли землю в Калужской области, построили дома и начали воспитывать приемных детей. Педагогов среди китежан было не густо, а уж что такое «уличные дети», мало кто себе представлял. Неприменимы на практике оказались и чужие рецепты. Воспитанники Макаренко ведь стали сиротами волею войны, получив в семьях основы мировоззрения. А у нынешних детей из неблагополучных семей совсем иная точка отсчета. Современный же запад-

ный опыт часто исходит из того, что дети не должны рубить дрова или жечь костер – не ровен час поранятся. В общем, «Китежу» пришлось искать «особый русский путь». И, набрав солидный багаж ошибок и решений, понять, что государству их опыт вряд ли пригодится.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

В 1992-м журналисту-международнику из Москвы Дмитрию Морозову исполнилось 33 года. Чего, казалось бы, парню не хватает: университетское образование, комментирует на радиостанции «Маяк» государственные

дела, катается по заграницам! И вдруг человек переселяется в глушь: мол, не буду больше подставкой для микрофона, хочу воспитывать приемных детей. У самого семьи нет, денег нет, команды нет. Да и с идеями не очень. «Мной руководила размытая мысль, что детям нужно помогать. Но о реальном масштабе будущих проблем я и не догадывался», – рассказывает Дмитрий Морозов. – Мне всегда казалось, что мир создан для счастья, а те боли и обиды, которые я в жизни получал, это просто искажения. Я начал делать шаги к своей мечте: жить среди соратников – умных, добрых, свободных людей. Раньше я часто работал в пионерлагерях, дети ко мне тянулись. Социальным реформатором себя не чувствовал, верил в философию малых дел – например, избавить несколько десятков ребят от ужасов детдома. Когда я планировал «Китеж», мне казалось, что самое трудное – построить дома и разбить сады».

Сто гектаров бывшего колхозного поля Морозову отдали легко. До Москвы более 300 километров, дороги нет, неподалеку загибается деревня Чумазово. Из двух десятков единомыш-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

ленников, сплотившихся вокруг него в столице, не поехал никто. Первую зиму Морозов кое-как перебился в крестьянской избе, пытаясь научиться плотничать. Журналиста никто не понимал, и даже родители, учившие в детстве отличаться от других, говорили: «Ну почему бы тебе не жить как все нормальные люди?» Тем не менее на «Маяке» проводились радиомарафоны, собирающие для «Китежа» деньги, а сам Морозов подрабатывал рекламными текстами. Из много-миллионной аудитории «Маяка» вышли новые соратники – более деятельные и бесстрашные.

Горстка переселенцев целыми днями трудилась на стройке, а вечерами разбирала труды Песталоцци, Платона и Томаса Мора. Отсутствие общих идей не

пугало. Им казалось, что будущие воспитанники просто посмотрят, какие они сильные, умные, добрые, – и начнут подражать. Но вот милицийский «узик» привез двух первых сорвиголов, потом еще. И еще. И тут оказалось, что надежды не оправдываются, а между собой надо было договариваться на берегу. «То, что казалось идеальным единством, оказалось времененным компромиссом на стадии начального решения хозяйственных задач, – вспоминает Морозов. – Один видел в нашей общине коммуну, другой – храм, третий – бизнес. А отсутствие педагогического опыта приносило море разочарования. У многих из нас были родные дети, и нам казалось, что уличный ребенок похож на них, раз у него есть

Дмитрий
Морозов
в 33 года сделал
сложный,
но плодотворный
выбор...

ноги, руки, глаза. Ничего подобного, это другая вселенная! 5-летний сын алкоголиков, который в течение года добывал себе в пищу остывшие угли из печки, не верит в изначальную доброту мира. Жизненный опыт так называемых неблагополучных детей свидетельствует о том, что мир взрослых враждебен: побои, двойки, унижения, приводы в милицию. Обычно дети из этого делают вывод: для того чтобы выжить, надо уметь драться, никому не доверять, прятаться, воровать еду и деньги. Попадая в «Китеж», они лишь отмечали про себя, что взрослые здесь не ругаются матом и не дерутся. Каждый новый ребенок начинал отстаивать свое место в иерархии, пытаясь подавлять слабых. Те, кто раньше курил, продолжали курить, воровавшие – воровать. А какими замысловатыми словами они ругались, когда думали, что мы не слышим!»

Сказать, что, столкнувшись с непониманием, взрослые китежане наконец собрались и выстроили свой образ мира, было бы неправдой. Между ними и по сей день не утихают разногласия. Например, одна из приемных семей распалась из-за споров о границах вегетарианства. Ближайший соратник Морозова попытался де-юре закрепить за собой всю созданную в Китеже инфраструктуру, а сегодня это два десятка домов. Что уж говорить о таких жителейских мелочах, когда член общины говорит: «Я хочу уехать, дайте денег за дом, который я построил». И начинается совсем не педагогическая поэма. Бывает, дети из «Китежа» бегут, их находят в райцентре Барятино пьяными. Правда, ни один детдом с его высокими бетонными заборами не может избежать таких ситуаций. Разница в том, что в «Китеже» заборов нет, а происшествий не скрывают и виновных в таких «проколах» не ищут. Все правильно – это жизнь, а ее результаты не выражаются в цифрах отчетов. В «Китеж» нужно приехать и посмотреть на эту жизнь.

...И эти лица
стали главным
призом

ШКОЛА ДЛЯ МАУГЛИ

Из Барятина в «Китех» ведут 10 километров асфальтированной дороги, построенной по настоюнию губернатора Анатолия Артамонова. Артамонов однажды привез сюда спикера Совета Федерации Валентину Матвиенко. Но с тех пор асфальт успел покрыться ямами, а столичные чиновники в «Китехе» – редкие залетные птицы. Их областных коллег Морозов не устает нахваливать: главным образом за то, что не мешают жить и не дают разбомбить его хозяйство. Вот, например, в «Китехе» работает сертифицированная школа. А теперь поставьте себя на место комитета по образованию: есть школы №1, №2, №3 – и есть какой-то там «Китех» со своими правилами и стандартами. Руки чешутся!

В «Китехе» все строения деревянные. Помимо жилых домов есть водонапорная башня, лесопилка, церковь. А вокруг лес, летом полный грибов и ягод. Община оживает ранним утром: Морозов, например, встает в пять, а общий подъем – в восемь. Зарядка, первый урок и только потом завтрак.

В «Китехе» четкое правило: один дом – одна семья. Почти в каждой семье есть и родные дети, и приемные. Тамара Пичугина воспитала четверых отпрысков, которые успели подрасти, когда мама решила переселиться в «Китех» с младшей дочкой, Нелли. Из сухиничского детдома Тамара усыновила троих братьев Санько, но те тосковали по оставшимся в детдоме трем сестрам. Со временем перетащили в «Китех» и их. А заодно Сандру Дягилеву и Максима Тарасенко. Для сравнения: Марина Максимова взяла на воспитание только одну приемную дочку, Лену, – ребенок требовал большого внимания. И лишь когда Лена уехала учиться в Калугу, в доме появилась новая воспитанница – Лиля.

В общине каждый родитель по совместительству учитель. Марина Максимова преподает в китехской средней школе рус-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Игра может быть работой...

ский язык и литературу. А за английский отвечает шотландец Эндрю Айкман – единственный в Калужской области преподаватель языка Шекспира из Великобритании. В «Китехе» Эндрю попал уже немолодым человеком по волонтерской программе. И понял, что не сможет понять родившуюся здесь систему за пару недель. Изучает ее восьмой год. «Я пишу книгу, привожу примеры. Нельзя ведь просто выработать методики, которые для всех подходят», – рассказывает Эндрю. – Один юноша learnedился изучать язык, но любил американскую музыку. И мы с

ним стали учить тексты песен. Другой плохо умел запоминать, но обладал чувством юмора. Ключом оказались смешные картинки с подписями. Я люблю столярничать, возиться с деревом. Многие ребята интересуются, просят научить. Пожалуйста, но все вопросы – только по-английски».

Среди взрослых китежан подобрались несколько человек с педагогическим образованием, есть даже три кандидата наук. Но некоторым пришлось не столько обучать детей, сколько обучаться самим. «Когда я приехал в «Китех», то попытался

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

...А работа – игрой

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Сила «Китеха»
в том, что
дети признали
взрослых
«своими»

вести в школе уроки литературы, – говорит директор школы Максим Аникеев. – Но оказалось, что преподавание не ограничивается пересказом текстов и их комментированием. Мне пришлось изучать литературо-ведение, обращаться к истории, понимать философские идеи, знать современников писателя. Очень важно не надувать щеки, не скрывать от учеников своего незнания. И ребята ответили интересом к моему опыту, рождавшемуся на их глазах. Позднее я открыл для себя, что обычные школы почти устранились от воспитания, став лишь «магазином» образовательных услуг. Так у нас появился собственный педагогический идеал – соединить школу с жизнью. Походы и испытания, неформальное общение, разновозрастные группы должны быть созданы ради одной цели: ребенок должен искать смысл в жизни и свое место среди людей, чтобы учиться понимать себя и счастье творения своего способа жизни.

Одним из перлов китежского образовательного процесса стали педсоветы два раза в день – до и после занятий. Как это обычно выглядит в школе? Завуч, уткнувшись носом в журнал,

замечает, что успеваемость 6 «а» по географии хуже, чем у 6 «б». А директор третирует математику за низкий балл ЕГЭ в прошлом году. И обе учительницы, чтобы не остаться без премии, бегут «исправляться»: заваливать детей домашними заданиями. В «Китеже» такого представить себе нельзя: здесь вообще не ставят двоек. На педсовете слышишь, что Вася влюбился в Нину и не нужно его сегодня направлять. А Петя, наоборот, играл вчера в снежки вместо самоподготовки, и необходимо гонять его по всем предметам. За каждым ребенком ведется дневник наблюдений: что ему интересно, какие у него склонности, что выбивает его из колеи. Цель в том, чтобы развивать воспитанника, а не «повышать балл». Правда, в «Китеже» 30–40 детей, а не тысяча. В классах с плазменными панелями сидят по пять-шесть учеников. И у китежан изначально не было выбора, кроме как учитывать индивидуальные особенности детей: некоторые новички в 12–13 лет не умели читать! Сами приемные родители не скрывают: многие ребята и в развитии отстали, и талантами не блещут. Но хотя бы научиться говорить и писать на родном язы-

ке может каждый. А один такой беспризорник, который к 12 годам расписывался крестиком, сейчас читает сонеты Шекспира по-английски. В 2014 году другой бывший бездомный хулиган набрал на ЕГЭ 100 баллов из 100 и поступил в МГУ. А ведь некоторые педагоги из обычных школ уверяли, что ему место в тюрьме. Уроки в «Китеже» не всегда похожи на уроки. К примеру, Дмитрий Морозов, выпускник истфака, ведет урок истории. Вокруг него расположились четверо ребят 10 лет. Одна девочка сидит на парте – учитель не возражает, если ей так удобнее. Дети в «Китеже» обращаются к взрослым на «ты» и по именам. Между ними на столике план средневекового города. Морозов объясняет систему взаимоотношений людей, предлагая самим догадываться, почему оружейная мастерская находится внутри крепостных стен, а базар – снаружи. Девочка Ксюша изрекает: «Крестьяне не могли победить рыцаря, потому что они не тренировались». – И добавляет: – Значит, нужно увести их в лес и натренировать». Участникам интересно, они спорят и размышляют, а не зурят дату Куликовской битвы в ожидании звонка с урока.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

КТО НА НОВЕНЬКОГО?

Вообще-то в «Китеже» берут далеко не каждого ребенка. Главный критерий: он может быть каким-угодно двоечником и шалопаем, но в нем должен быть жив интерес к миру. И нельзя перепутать это с социально-желательным поведением, которое демонстрирует любой детдомовец при появлении ищущей супружеской четы. Морозов дает советы: нужно понять, нравится ли вам запах ребенка, его прикосновения, ловит ли он ваш взор своими глазами, следят ли за перемещениями игрушек в ваших руках? Если ребенок зажат и ест только макароны, предложите ему попробовать киви. Решится – значит, точно так же «попробует» и вас.

Многие приемные родители думают, что для превращения детдомовца в нормального ребенка нужно лишь потерпеть месяц-другой, «сбить пену».

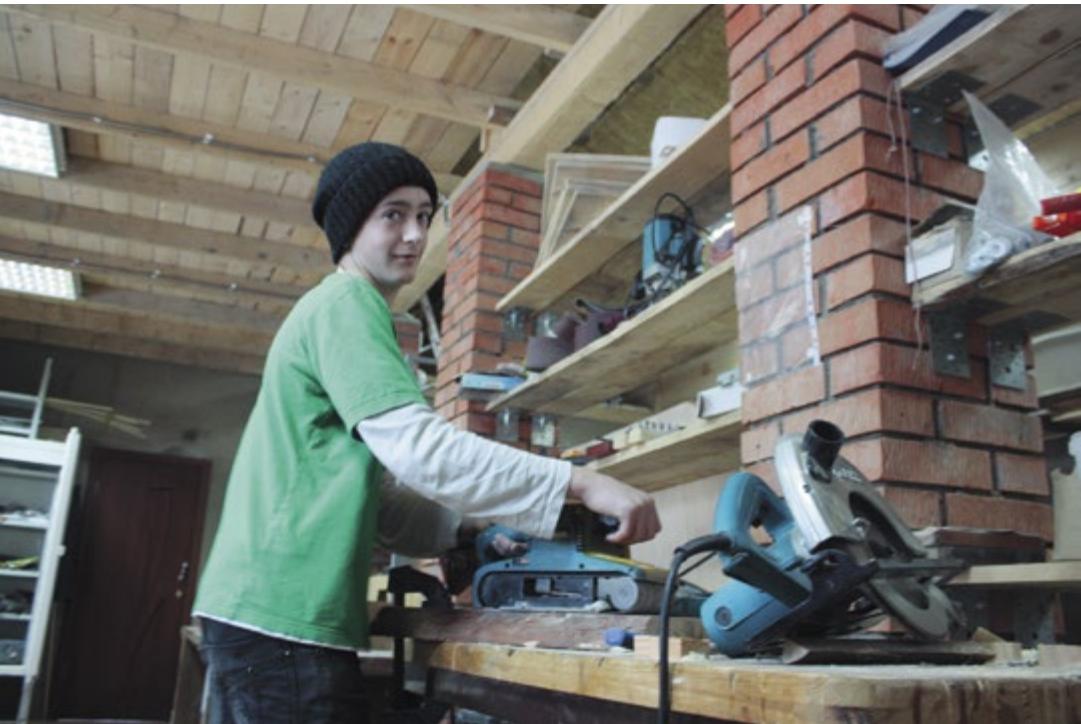
Ничего подобного, усвоенный ребятами негатив может выходить годами. Даже в «Китеже» со всей его развивающей средой некоторые дети и спустя годы уверены, что взрослые рано или поздно их выгонят.

Семилетняя Муся два первых года в «Китеже» демонстрировала симптомы умственно отсталой: на вопросы учительницы открывала глаза и рот, застывая в таком положении на несколько минут. Это защитный механизм из прошлого, где были пьющая семья и детдом, – а значит, бесполезно договариваться или капризничать. Безопаснее всего замереть – как будто умереть. В «Китеже» на Мусю не кричали: давали побить в ступоре, потом делали массаж, угождали чаем. Когда девочка расслаблялась, возвращали к поставленному вопросу. Старая программа ухода от проблем оказалась бесполезной, Муся

стала разговорчивее и уверенее, возросла успеваемость. А потом наружу вылезло то, что было в ней задавлено социумом: ребенок пробовал мир на прочность, отказываясь делать уроки и пререкаясь с взрослыми. Китежане видят в этом позитивный процесс: Муся перестала бояться. А как поступили бы с дерзким ребенком в обычной школе? Скорее всего, загнали бы в прежнее состояние.

Сонеты Шекспира и 100 баллов ЕГЭ – это не следствие уникальных дарований. Это разбуженная мотивация. Невозможно стереть в человеке былые переживания, но можно заменить их более яркими. Летом в «Китеже» приезжают волонтеры, бывшие воспитанники и дети из окрестных детдомов. Все вместе они проводят роскошные многодневные ролевые игры: с рыцарскими отрядами, разбойниками и подготовкой к битве

Семейные вечера в «Китеже» резко контрастируют с традициями детдомов

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ночью у костра, где изучаются средневековые поэты и философы. Есть также непродолжительное, но регулярное приобщение к труду: дети работают в коровнике «Китежа», стригут газоны, вскапывают огород, ухаживают за малышами.

И самое главное: их постепенно приучают к мысли, что они вырастут и вступят во взрослую жизнь. После обеда Морозов иногда собирает пяток ребят поговорить о будущем: кто куда хочет уехать, на кого выучиться, какие цели у него главные?

Ведь наиболее стимулирующая среда для развития – та, где есть вызов. Быть руководителем или свободным художником? Машину купить или в Рим съездить? Кстати, большинство ребят хотят свой дом и семью. А значит, «Китеж» не прошел для них даром.

Как и любая развивающаяся система, «Китеж» мучается вопросом: а что дальше? Вслух это не все готовы признать, но понятно, что в Калужской области создана уникальная система реабилитации сирот, которая

Здесь учат, что трудолюбивый и самостоятельный человек...

реально работает в российских условиях. «Китеж» принят в члены британского сообщества терапевтических общин «Чартерхауз Групп». Президент Владимир Путин наградил Дмитрия Морозова орденом Почета «за заслуги в воспитании детей и укреплении семейных традиций». Основатель общины стал членом экспертного совета комитета Государственной думы РФ по делам женщин, семьи и детей и обобщил опыт «Китежа» в книгах «Дважды рожденные», «Поколение Китеж», «Воспитание в третьем измерении».

В 2003 году в 80 километрах от Москвы усилиями бывших выпускников стали создавать новый «Китеж» – поселок «Орион» (см. «Русский мир.ru» №2 за 2014 год, статья «Созвездие «Ориона». – Прим. ред.). В жизнь снова пришла несравненная радость созидания: свежеструганные доски, палатки, костры. «Орион» давно зажил полноценной жизнью. Учитывая близость к столице, сюда чаще приезжают гости: приемные родители, волонтеры, чиновники.

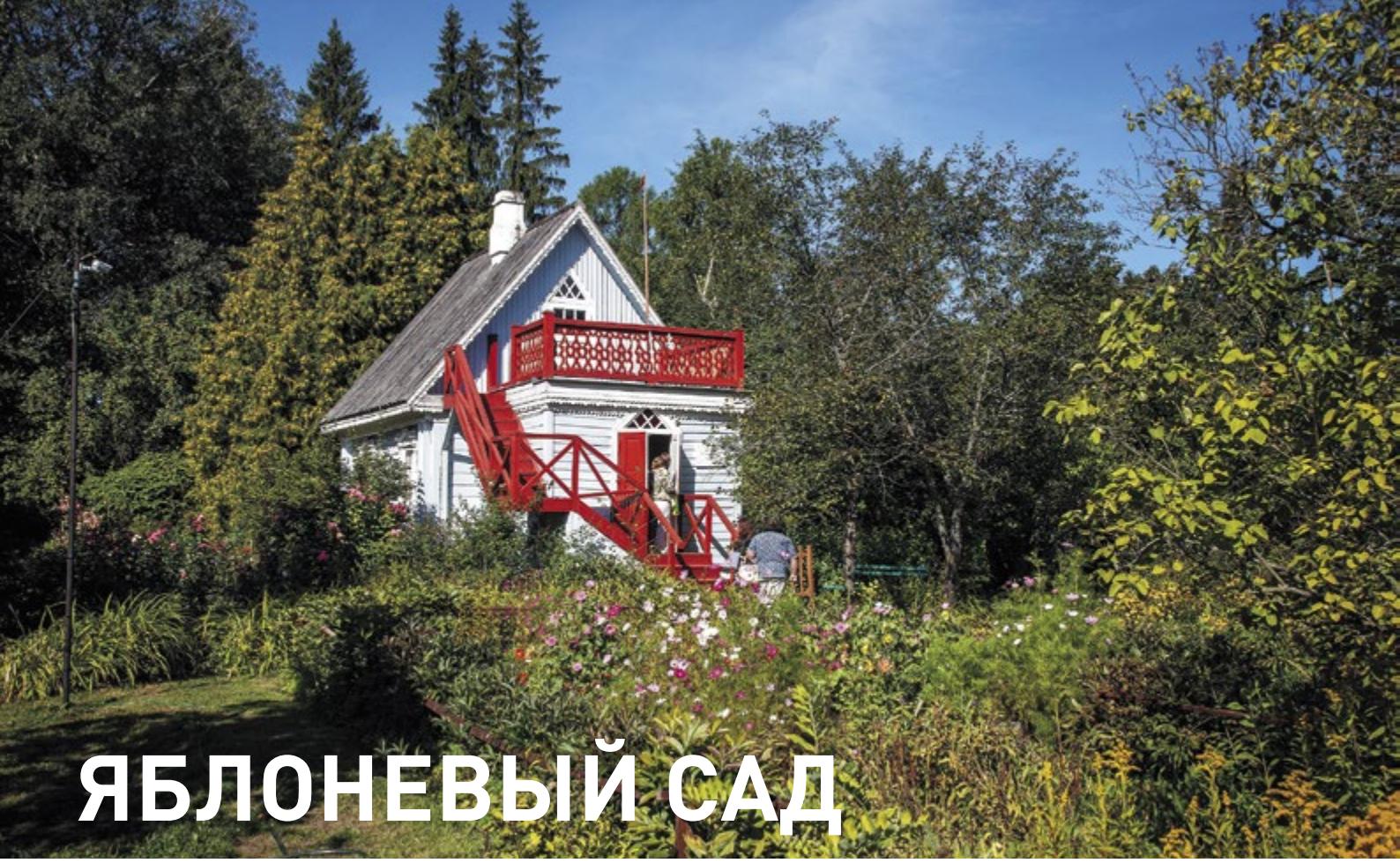
Другое дело, что никто не собирается запускать опыт «Китежа» «в серию». Иностранные гости сетуют на то, что их законы подчас запрещают детям работать в коровнике и стричь газоны. А российские чиновники о перспективах помалкивают. Ведь если брать с «Китежа» пример, вышестоящие организации захотят контролировать воспитание трудных детей через регламент. А методическое указание «вместить в свое сердце» не убьет ли возможность импровизации, на которой «Китеж» стоит? А если жестко противопоставить общину системе казенного детства, то кто кого скопее перестроит?

Выступая на одной международной конференции, Морозов сострил: мол, перед нами стоят две задачи – нормально пережить эту зиму и добиться преобразования всей системы работы с детьми в России. И где здесь граница шутки, точно не знает и сам оратор. ☺

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

...Даже в лесу не пропадет

ЯБЛОНЕВЫЙ САД

АВТОР

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ГОВОРЯТ, МЕЧТАЯ О СОБСТВЕННОМ ДОМЕ, АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ ЗАДУМЫВАЛСЯ О ПОКУПКЕ ИМЕНИЯ НА УКРАИНЕ, НО ЕМУ УДАЧНО ПОДВЕРНУЛСЯ ДРУГОЙ ВАРИАНТ, ЗДЕСЬ, НЕДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ, – УСАДЬБА МЕЛИХОВО СЕРПУХОВСКОГО УЕЗДА.

В МЕЛИХОВО АНТОН Павлович приезжает уже состоявшимся писателем, известным всей стране. Сытая московская жизнь популярного автора и врача с неплохой практикой была ему гарантирована, но все это казалось Чехову чуждым и пошлым. Антон Павлович писал тогда в одном из писем: «Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке с мангустом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита – это не жизнь».

В общем, решение писателя о покупке усадьбы сюрпризом ни для кого не стало. В 1892 году семейство Чеховых – Антон Павлович, его родители, сестра Мария и брат Михаил – переезжает в свое первое собственное имение.

УСАДЬБА МЕЛИХОВО И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Бывшие владения Антона Павловича мы с моим напарником, фотографом Александром Бурым, прибыли рано утром – музей еще был закрыт. Пришлось около получаса прогуливаться неспешным шагом от ворот усадьбы до одинокой церковной лавки, неизвестно зачем здесь поставленной: осмотревшись вокруг, храма мы не нашли. Лишь потом выяснилось, что церковь Рождества Христова притаялась за деревьями в сотне метров от лавки.

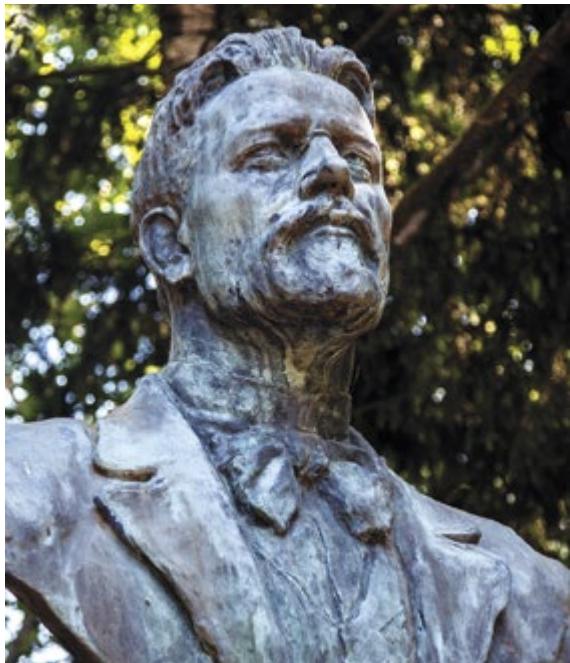
Первыми в музее нас встретили около полудюжины кошек, причем все как одна черно-белые. «Кошек у нас любят, – пояснила чуть позже пресс-секретарь Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова «Мелихово» Юлия Балабанова. – Мы их раздаем, а деревенские снова подбрасывают, поэтому их тут всегда много».

Спелые яблочки
для гостей.
Угощайтесь!

Забавно, а ведь Антон Павлович то был, скорее, собачником: как не вспомнить знаменитую фотографию, сделанную, кстати, в Мелихове, на которой он обнимает свою таксу Хину? К слову, Хину Марковну и Брома Исаевича в музее не забыли: преданные четвероногие друзья Антона Павловича и любимцы всего дома увековечены в бронзе. У работников музея даже своя примета появилась: если погладишь нос бронзовому Брому Исаевичу – получишь повышение, хвостик Хины Марковны – удачно выйдешь замуж, ну а если потретять яблочко, лежащее в картире хозяина, и загадать желание – оно непременно сбудется!

Яблоки, надо сказать, настоящая гордость чеховского сада. Все, кто приезжает в Мелихово ближе к осени, какое-то вре-

Бюст хозяина
усадьбы

мя просто стоят и наслаждаются витающим в воздухе их сладковато-нежным ароматом. Яблони растут по всей усадьбе, сочными яблоками угощают гостей – для них на столе у входа в дом стоит целая корзина полосатых розово-желтых душистых плодов. Жаль только, что это не те же самые деревья, которые росли в усадьбе при самом Чехове: старые яблони вымерзли в холодную зиму 1941 года. А ведь они были настоящими местными знаменитостями! Яблони тогда считались забавой господ, мало

Главный
хранитель
музея –
замечательная
Ксения
Абрамовна
Чайковская

кто в деревне их высаживал, поэтому Чеховы с гордостью угождали спелыми яблочками всех, кто приходил к ним в дом. Иногда целые мешки насыпали! И мочили яблоки сотнями, хозяйственно пересчитывая каждое... Отец писателя, Павел Егорович, упоминал в своем дневнике, настоящей летописи домашней жизни Чеховых: «Намочили яблок 900 штук». Да, видно, мало показалось – через пару дней появилась запись о том, что «намочили» еще 540.

Как-то даже странно, почему Антон Павлович, живя в такой «яблочной» усадьбе, на весь мир прославил все-таки вишневый сад, а про яблоневый так ничего и не написал...

Я НЕ БАРИН, Я – ДОКТОР!

Когда Антон Павлович писал, что ему, литератору, нужно жить среди народа, он как в воду глядел. За семь лет жизни в Мелихове Чехов написал более 40 произведений, в числе которых такие шедевры, как «Чайка», «Дядя Ваня», «Человек в футляре», «О любви», «Дом с мезонином». Новые идеи для сюжетов даже искали особо не приходилось – их подсказывала сама жизнь. Дело в том, что как только Чехов стал полноправным хозяином усадьбы, то обошел всю деревню, представляясь не барином, а доктором, и обещая, что теперь будет лечить всех жителей. И крестьяне стали ходить в господскую усадьбу на прием, попутно жалуясь на свою жизнь. Чуть позже выяснилось, что Антон Павлович оказался единственным врачом на 25 деревень, четыре фабрики и один мужской монастырь, так что пациенты шли постоянным потоком. И каждый рассказывал доктору о чем-то своем...

Большим сюрпризом для Чехова стало и то, что в своей деревне он обнаружил целых три питейных заведения! Крестьяне были крайне невежественны и неграмотны, так что Антон Павлович в итоге решил принять кардинальные меры. Первым делом он закрыл кабаки и на собственные деньги построил колокольню для церкви и три школы (две из них, кстати, сохранились, став филиалами

ми музея. – Прим. авт.). Вместе с сестрой Марией Павловной он даже взялся обучать грамоте на-нятых в свой дом горничных.

Мало кто в деревне знал, что Чехов – знаменитый писатель и драматург, его и без этого любили и уважали. Всякий раз, когда Антон Павлович бывал дома, он просил поднять на флигеле флагок, и больные понимали, что можно прийти на прием.

Едва ли не в каждой комнате у Чехова стояли всевозможные пузырьки, лежали инструменты – у хорошего доктора все необходимое должно было быть под рукой. Бессонными ночами писатель сам готовил лекарства, а те, которые самостоятельно сделать не мог, заказывал в аптеках уездного города Серпухова и раздавал больным бесплатно. За лечение он тоже никогда денег не брал. Земский доктор Чехов никого не мог оставить в беде, хоть зачастую и жаловался родным и друзьям, что ему уже надоели мужики с поносами и глупые, упрямые бабы...

А НЕ ЗАЕХАТЬ ЛИ НАМ К АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ?

В доме Чеховых всегда было шумно – гости не переводились. Многочисленные братья приезжали с семьями, соседские помещики заглядывали познакомиться, многие прибывали издалека просто посмотреть, как живет знаменитый литератор. Чеховы принимали всех. Корней Чуковский в своей книге о Чехове даже писал, что дом Антона Павловича был похож, скорее, на гостиницу и что «ни одна столбовая усадьба и за десять лет не видела под своими древними липами такого нашествия разнообразных гостей, какое было повседневным явлением» Мелихова. Антон Павлович даже был вынужден поставить в саду столб с небольшим колоколом, в который он бил ровно в полдень, приглашая всех прибывших к столу.

В дневнике Павла Егоровича Чехова постоянно появлялись записи о новых гостях, порой даже незнакомых. Случались и

Экспозиция амбулатории

Несколько ударов в колокол – и гости на месте!

курьезы: сам писатель вспоминал, что однажды у них гостила некая дама «с головой, похожей на ручку от контрабаса», и он, приняв девушку за подругу Марии Павловны, уступил ей свою комнату. Спустя какое-то время Чехов поинтересовался у сестры, когда же уедет ее при-

ятельница. На что та удивленно ответила, что считала «приятельницу» знакомой самого Антона Павловича!

Заезжали в Мелихово и гости «из известных». Одними из первых, например, Чехова посетили Владимир Гиляровский и Исаак Левитан, ставшие позже завсегдатаями мелиховской усадьбы. После их визита осталась забавная фотография, сделанная Исааком Ильичом: Антон Павлович и его брат Михаил сидят в садовой тачке, а бравирующий силой дядя Гиляй катает их по саду!

Знаменитому пейзажисту обязано своим названием живописнейшее место усадьбы – Левитановская горка, куда художник частенько ходил на пленэры. Бывали приятели и на охоте. Об этом Антон Павлович писал известному московскому издателю Суворину: Левитан выстрелил в вальдшнепа, но лишь повредил ему крыло и, морщась, стал просить Чехова добить раненую птицу. Что ж, пришлось убить: «одним красивым, влюбленным созданием стало меньшее, а два дурака вернулись домой и сели ужинать». Именно этот случай подсказал Чехову тему одного из самых значимых его произведений.

ДОМ, ГДЕ БЫЛА НАПИСАНА «ЧАЙКА»

Иногда мест для прибывших в Мелихово гостей не хватало, тогда их приходилось укладывать спать на полу или в сенях. Спасая своих гостей от таких неудобств, Чехов в 1894 году решил построить еще один флигель, однако по каким-то причинам домик получился таким маленьkim, что спасаться от гостей в нем пришлось самому писателю.

Новый флигель, окруженный зеленью летом и высокими белоснежными сугробами зи-

мой, стал настоящей крепостью Антона Павловича. Здесь находилось только самое необходимое. Возле печки – крошечная комнатка-«духовка» с кроватью, в соседнем кабинете – большой письменный стол. Сюда же Чехов приносил из дома книги и склянки с лекарствами, которые всегда должны были быть у него под рукой.

Тут родились многие его произведения, в том числе – прославившая Чехова на весь мир «Чайка». У входа в крохотный флигелек даже висит таблич-

Интерьер гостиной, где даже фотографии развесивались «по воспоминаниям»

Спальная комната Чехова

ка: «Мой дом, где была написана «Чайка». Главный хранитель музея Ксения Чайковская поясняет, что это действительно слова Чехова: их обнаружили на обороте фотографии домика, которую он послал своей будущей жене, Ольге Книппер. Благодаря супруге Чехова рабочий кабинет домика обзавелся любопытными картинами: однажды пара была на выставке молодых художников, где Ольге Леонардовне привлекли внимание два небольших полотна, авторы которых так и остались неизвестны. Долгое время она хранила их у себя, пока в 1958 году не передала в дар музею.

Эта маленькая постройка – единственное место, оставшееся со времен Антона Павловича, с него и началась история музея-усадьбы великого писателя и драматурга. Здесь даже обои в точности такие, какие были при нем: спустя много лет под половицами флигеля работники музея обнаружили ворох старой бумаги, в которой узнавалось то, что должно было украшать стены. Соотнесли с материалами писем – действительно, эти обои в 1897 году покупала Мария Павловна. Решено было наклеить на стены такие же!

БАРСКИЕ «ХОРОМЫ»

А мы тем временем уже идем по тропинке к главному дому, минуя знаменитый сад «Юг Франции», где еще при Чеховых выращивались разные огородные диковинки, вроде помидоров, артишоков и баклажанов. Ксения Чайковская рассказывает, что после революции небольшой домик Антона Павловича пришел в упадок: сначала из него хотели сделать клуб, потом избу-читальню, а в итоге получилось так, что одну его часть переоборудовали в столовую появившегося здесь колхоза, а другую просто растащили и пропили... Решение о создании музея Чехова было принято в 1939 году, но только в 1944-м, когда отмечали сорок лет со дня смерти Антона Павловича, начались разговоры о восстановлении усадьбы.

Тогда еще были живы те, кто помнил этот дом и его жильцов. В Ялте свой век доживала однокая 80-летняя Мария Павловна. Она с радостью подарила музею немало семейных вещей и составила чертежи дома, по которым он и был восстановлен. И вот в январе 1960 года, к сто-

Уютное и теплое место для чтения

Православный уголок Павла Егоровича

летию Антона Павловича, дом начал принимать гостей.

Работники музея, собирая информацию по крупицам, старались обустроить все так, как было при Антоне Павловиче. Близкие писателя присыпали оригинальные вещи, и их расставляли по наиболее подходящим местам, даже фотографии на стенах развесивали «по воспоминаниям» – так, как они висели при Чехове.

Работа с чеховской библиотекой, разместившейся, как и прежде, в рабочем кабинете, заслуживает отдельного упоминания. Уезжая в Ялту, Чехов всю свою библиотеку – а это было более полутора тысяч томов как художественной, так и медицинской литературы – подарил родному Таганрогу, оставив себе лишь 150 книг. В музее в двух шкафах рабочего кабинета собрана

Яркие
витражные
окна в коридоре
завораживают

значительная коллекция. Оказывается, воспользовавшись каталогом книг Чехова, сотрудники музея нашли точно такие же, того же издательства и даже года выпуска!

В этой же комнате стоит стол писателя с зеленою, по тогдашней моде, столешницей. Здесь он тоже любил работать, но то и дело впадал «в элегическое настроение», слушая романсы из

соседней гостиной. На зеленом столе – вся мелиховская жизнь Чехова: исписанные аккуратным мелким почерком рукописи, страницы из книг, портрет любимого композитора Чайковского, бутылочки с лекарством, журналы для садоводов... Не забыли и про знаменитое пенсне! Мы еще со школы так привыкли представлять Чехова в пенсне, что кажется, будто он в нем

Этот рабочий стол мог принадлежать только Антону Павловичу, и дело не только в его примечательном пенсне!

родился, однако Ксения Чайковская пояснила, что носить пенсне Антон Павлович начал только ближе к 40 годам!

В комнату Чехова ведет проходная «Пушкинская комната», названная так по украшающему ее стены портрету Пушкина. Литографию знаменитой работы Крамского Марии Павловне подарили ее неудачливый жених – помешник Смагин. Руки сестры Чехова он так и не добился, а вот портрет в музее-усадьбе висит до сих пор.

Наверное, самая забавная деталь в комнате писателя – удочка, стоящая в углу за шкафом. Окно здесь выходит на пруд, куда Антон Павлович, купив усадьбу, запустил карасей и линей. Потом он шутил, что, устав от работы, можно половить рыбу прямо из окна. Сейчас на водной глади тихо колышется настоящая деревянная сцена, привязанная канатами к береговым креплениям: тут играют первый акт «Чайки». Заключительную же часть показывают в местном театре, который при Антоне Павловиче был скотным двором. Какая же во всем этом ирония! Точно чеховская!

ПРОЩАНИЕ С МЕЛИХОВОМ

Темный коридор с огромными сундуками, хранившими барское добро, ведет в родительскую часть дома. Сразу по правую сторону – комната набожного Павла Егоровича с киотом и лампадкой. Отсюда, говорят, частенько слышалось церковное пение, которое навевало Антону Павловичу воспоминания о детстве, когда отец ежедневно с пяти утра заставлял сыновей петь на службах: «На нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками»...

Чуть дальше – столовая с не слишком-то роскошным, но симпатичным фаянсовым сервисом. Антон Павлович всегда садился ближе к двери, чтобы в любой момент можно было улизнуть с семейной трапезы. Изначально и кухня была рядом, но хозяин распорядился вынести ее в соседнюю постройку, утверждая, что шум и запахи мешают ему работать. С той поры на кухню бегали через задний ход, в котором висели разные травы. Душица, укроп, мелисса – сейчас их тоже сушат здесь – запахи потрясающие!

На кухне всегда кипела жизнь, здесь всем управляла кухарка Марьушка, которая работала у писателя еще в Москве, а потом уехала с ним и в Ялту. Стол у Чеховых всегда ломился от еды, на кухне готовили все – вплоть до пирогов «со счастьем» – монеткой внутри. Но как бы домочадцы ни старались, их счастье в этом доме, увы, не прижилось. На восьмом году жизни в Мелихове умирает Павел Егорович, прерывается его дневник, а с ним и спокойное течение мелиховской жизни. Здоровье самого Антона Павловича резко ухудшается, и он решает продать дом и уехать на юг, не подозревая, что спустя почти полвека его усадьба станет одним из лучших музеев величайшего писателя и драматурга России...

Через задний ход мы вышли из чеховского дома в теплый, залитый солнцем дворик. Снова

Столовая со скромной, но очень милой посудой

сладко запахло яблоками. На земле под маленьким кустиком пятнистая кошка играла с черным как смоль котенком. «Снимайте ее, снимайте, – посоветовала Ксения Чайковская, – она его очень любит, так часто возится с ним, маленьким чертенком!» Кошка продолжала играть с малышом, не обращая на нас никакого внимания.

Мы осмотрели и другие восстановленные постройки в усадь-

бе: сараи, баню, тот самый скотный двор, ставший театром, и, конечно, амбулаторию. Во времена Чехова ее здесь не было: музей в 2005 году выиграл грант Фонда Потанина и на полученные деньги создал эту экспозицию. Однако даже работники музея-усадьбы прохладно отзываются о ней – не сравнить этот строгий, холодный новодел с домом самого Антона Павловича.

Земская амбулатория. Здесь даже лекарственные травы растут у порога!

Залитая светом
веранда –
и снова яблоки!

Наша встреча с Музеем-усадьбой Чехова подходила к концу. Мы уже шагали по аллее, ведущей к выходу, как вдруг заметили, что та самая кошка бежит за нами, оставив котенка одного. Словно решила проводить нас и попрощаться...

Электричка Серпухов–Москва набирала ход, мы увлеченно обсуждали услышанное и увиденное, с особым восторгом вспоминая яблоневый сад и витавшие в нем ароматы, как вдруг... В вагон вошел колоритный мужичок, поклонился, достал из кармана хохломские деревянные ложки и, отстукивая невпопад ритм, довольно немузикально начал орать про «чубчик кучерявый». В воздухе разлился запах водочного перегара... «Вот, Ирина, смотрите, – заметил Александр, – чем не настоящий чеховский герой?» И ведь действительно! Гениального Чехова уже более ста лет нет на этом свете, а те, о ком он писал, по-прежнему среди нас...

«МЫ ВМЕСТЕ – В ЭТОМ НАША СИЛА»

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ИЖОРЦЫ НАЗЫВАЮТ СЕБЯ САМЫМ МУЗЫКАЛЬНЫМ НАРОДОМ, КОРЕЙЦЫ – САМЫМ ТРУДОЛЮБИВЫМ. ТАТАРЫ УБЕЖДЕНЫ, ЧТО ОНИ – НАИБОЛЕЕ ТОЛЕРАНТНАЯ НАЦИЯ, А ВЕПСЫ ПРИзнаЮТСЯ, ЧТО УМЕЮТ КОЛДОВАТЬ. ПРОВЕРИТЬ ЭТИ УТВЕРЖДЕНИЯ ОКАЗАЛОСЬ НЕСЛОЖНО: ДОСТАТОЧНО БЫЛО В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ ПОСЕТИТЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ В ВЫБОРГЕ.

ФЕСТИВАЛЬ «РОСсия – созвучие культур» проходит в Ленинградской области второй год подряд. В этом году местом проведения многонационального праздника был выбран Выборг: на старинной Рыночной площади собрались представители десятков народов, чтобы себя показать и на других посмотреть. Большин-

ство из тех, кто впервые оказался среди стольких национальностей сразу, просто не могли поверить, что все они – вепсы и ижорцы, карелы и корейцы, казахи и казаки, финны и эстонцы, узбеки и таджики – живут в Петербурге и Ленинградской области. «Мы разные – и в этом наше богатство, мы вместе – и в этом наша сила» – это девиз фестиваля.

СОБОР ПО СОСЕДСТВУ С МЕЧЕТЬЮ

Пока на главной сцене идет гала-концерт, где дагестанская лезгинка сменяется украинским гопаком, вокруг Рыночной площади кипит бурная деятельность – каждый народ зазывает посетителей в свое «подворье», чтобы показать национальные наряды и угостить вкусной едой.

– Эх, вы чуть-чуть опоздали, у нас тут такое застолье было! – говорит Шамиль Алюшев из татарского шатра. – Но уж без чая с чак-чаком мы вас не отпустим... Пока мы пьем чай и пробуем медовый чак-чак, Шамиль, председатель татарского общества «Ансар», показывает старинный молельный коврик: «Ему более ста лет! На нем молится моя теща, ей уже за 90!» и рассказывает о своем народе.

– Нас только в Выборгском районе Ленинградской области проживает около 1200 человек, – говорит он. – Во всей Ленобласти, думаю, около 10 тысяч наберется. В этом году празднуется 70-летие Победы, для нас это великий праздник – ведь 700 тысяч татар ушли воевать с фашистами и только 350 тысяч вернулись обратно. Мы чтим традиции, знаем родной язык, исповедуем ислам. При этом татары – самая толерантная нация в мире! Зна-

ете почему? А вы приезжайте в Казань. Когда Хиллари Клинтон была в Казани с визитом, она поразилась: по соседству с главной татарской мечетью Кул-Шариф в Казанском кремле находится Благовещенский собор, а в центре, на пешеходной улице Баумана, более десяти восстановленных православных церквей. Это показатель того, как две культуры – русская и татарская – существуют в тесной связи на протяжении столетий, не «расторвяясь» друг в друге.

– Татар по всему миру очень много, – добавляет Ильяс Норов, председатель татаро-башкирского общества «Юлдаш» города Гатчины. – Знаете анекдот? Русский раскрыл карту мира и задумчиво ее изучает. Татарин у него спрашивает: «Что смотришь?» – «Да вот, думаю, куда поселиться». – «Везде хорошо, где нас нет», – философствует татарин. «Да вот я и ищу, где вас-то нет!» – отвечает русский.

– В этой шутке есть доля правды, – говорит Киям Курмакаев, представляющий «Альянс татар Европы». – Например, даже в Финляндии живет более 100 тысяч татар, которые уехали туда из России после революции. Они сохранили свою культуру, а на татарском языке говорят лучше, чем казанские татары!

«ЭТНИЧЕСКАЯ СКРЫТНОСТЬ» ИЖОРЦЕВ

Ижорцы, в отличие от татар, не могут похвастаться своей многочисленностью – в Ленинградской области их осталось всего 300 человек. Зато этот малочисленный коренной народ Ленинградской области считает себя самым «песенным». В своей палатке ижорцы продают диски с национальной музыкой и угощают урожаем со своих огородов.

– Мы столетиями жили на Сойкинском полуострове, – рассказывает Дмитрий Харакка-Зайцев. – Еще при Петре I ижорцы занимались рыболовством, возили рыбу в Петербург на продажу. В XVIII веке писатель и путешественник Федор Туманский описал ижорцев как очень опрятный, «проворный и гибкий» народ, у которого «лукавство в великом почтении». В судьбе этого финно-угорского народа есть и трагические

страницы – в 1937 году многих ижорцев репрессировали и высыпали из родных мест. Мой родственник перед самыми репрессиями уплыл на лодке на финские острова, его судьбу мы не знаем. Во время Великой Отечественной войны наши деревни оказались в немецкой оккупации. Финляндия эвакуировала ижорцев к себе, но после войны большинство эвакуированных предпочло вернуться на родину.

– Старики рассказывали, что финны уговаривали их неозвращаться, обещали дать землю, – вспоминает руководитель ансамбля «Сойкинские напевы» Ольга Иванова. – Но люди стремились домой. Правда, попасть в свои деревни им было не суждено. Как раз здесь, на выборгской таможне, их посадили в закрытые вагоны и в сопровождении НКВД отправили вглубь страны – в Ярославскую, Калининскую, Великолукскую и Псковскую области. Только спустя десятилетия кому-то удалось попасть на родную землю.

– Трагическая история репрессий вселила в ижорцев страх и «этническую скрытность», – с горечью говорит Дмитрий Харакка. – В семьях было не

принято говорить на родном языке, молодые люди ставили в паспорт отметку «русский», чтобы иметь возможность поступить в институты. Мне в 4 года бабушка рассказала, что я – ижорец, но разговорить ее было трудно, поэтому язык мне приходится сейчас учить самому. В Вистино есть занятия и для детей при детском садике, и для взрослых, которые хотят не забывать свои корни...

СЕВЕРНАЯ ВЕПССКАЯ ВЕНЕЦИЯ

Малочисленные коренные народы Ленинградской области живут относительно недалеко друг от друга – от ижорской деревни до деревни вожан пятнадцать минут езды. Немного особняком живут вепсы – в деревне Винницы Подпорожского района.

– Приезжайте к нам в гости в Винницы, – гостеприимно зазывают всех в вепсском подворье. – Нашу деревню называют, как и Санкт-Петербург, Северной Венецией: она лежит в долине реки, вокруг живописные холмы... Кстати, Винница на десять лет старше самой Москвы – о деревне впервые упоминается в писаниях князя Святослава Ольговича в 1137 году. Вепсы готовы поспорить с ижорцами о звании самого музыкального народа.

– Вепсы – поющий и танцующий народ, но у них не было музыкальных инструментов. Поэтому вепсские танцы – без музыки, ритм отбивается специальными палками. Это всегда очень удивляет зрителей, – рассказывает заведующая вепсским фольклорным центром Надежда Ковальская.

Еще за вепсами давно закрепилась слава колдунов.

– Не бойтесь, не заколдуем! – смеются участники фестиваля. – Но предки наши умели колдовать, лечили людей, знали заговоры. Моя бабушка могла найти в лесу потерявшихся путников... Да и меня учила: когда идешь в лес, никогда там не ругайся и черта не поминай, сделай хозяину леса подношение – оставь ему какое-то угощение. А если вдруг потерялась, то выверни куртку наизнанку и надень.

«ВЕЗДЕ ЗАВОЕВЫВАЛИ АВТОРИТЕТ ТРУДОЛЮБИЕМ»

Если вепсы, карелы, ижорцы и вόль живут на невской земле веками, то другие народы только недавно стали считать ее своим домом. Церемонийный танец с веерами, исполненный восточными женщинами, был сначала ошибочно принят толпой за японский. Но оказалось, что танцовщицы – русские кореянки в национальных костюмах.

– Здесь каждая деталь важна, – объяснили они. – Например, юбка должна быть запахнута на левую сторону, а если на правую – это говорит о легкомыслии ее обладательницы.

– Корейцев в Петербурге и Ленинградской области около 10 тысяч, – рассказала председатель «Санкт-Петербургского объединения женщин-кореянок» Жанна Ли. – Совсем недавно мы отмечали 150-летие нашего

переселения в Россию. Корейцы еще в XIX веке расселялись по Приморью в поисках лучшей доли. Царское правительство относилось к этому спокойно, ведь корейцы – трудолюбивый и законопослушный народ, возделывали землю, научили русских соседей выращивать рис и лук. В сталинские годы всех корейцев из Приморья переселили в казахские степи, в Узбекистан... Но и там корейцы своим трудолюбием завоевали авторитет у местных жителей. А оттуда корейцы разъехались кто куда, многие приехали в Ленинград учиться, здесь и остались. Но язык, к сожалению, стал забывать, ведь для корейцев очень важным было дать образование своим детям, а для этого нужно было знать русский. Мы – уже третье поколение и еще помним, как по-корейски говорили наши бабушки. А вот дети наши уже не знают своего национального языка, хотя некоторые проявляют интерес и учат его.

Жанна Ли говорит, что много раз уже была на исторической родине, в Корее.

– Первый раз, когда я приехала в Корею, меня удивило, что никто не обращает на меня внимания! За всю жизнь в России я

привыкла, что в толпе мое восточное лицо привлекает взгляд, люди пытаются понять, откуда я родом. А в Корее все такие же, как я! И, конечно, чистота на улицах невероятная.

Но мыслей «вернуться» в Корею у женщины не возникло.

– Да что вы, у нас же менталитет совсем другой, мы же русские, – смеется она.

«ТЕМПЕРАТУРА КРОВИ – ТЕ ЖЕ 36,6 ГРАДУСА!»

Пока женщины разглядывают красочные корейские костюмы и просят рецепты корейских салатов, мужчины толпятся у палатки дагестанцев – там выставка ножей и коньяков.

– Вот такой нож у самого президента Путина есть, – гордо говорят дагестанцы.

Хозяева всех угощают кавказскими деликатесами и приглашают в гости к себе в Дагестан.
– А там не опасно? Девушкам одним лучше не ездить? – спрашивают две молодые посетительницы шатра.

– Дагестан – светское государство, – отвечает Магомед Омаркаев, заместитель главы правительства Дагестана в Петербурге. – Когда говорят о какой-то особой «горячности» дагестанцев, то это, скорее, стереотип, раздутый СМИ. У нас такая же температура крови, как и у вас, – 36,6 градуса! Все разговоры о «врожденной агрессивности» дагестанцев – беспочвенны. В нас сильно развито чувство собственного

достоинства, поэтому безобидные на чей-то взгляд высказывания, задевающие честь фамилии, односельчан, соплеменников, могут спровоцировать неадекватные с точки зрения других культур действия или конфликтные ситуации. Дагестанцев в Петербурге и Ленинградской области более 10 тысяч, это строители, спортсмены, сотрудники охранных предприятий. Среди наших земляков очень много талантливых врачей.

«НА «ГАСТАРБАЙТЕРА» НЕ ОБИЖАЮСЬ»

...Мавлуд Наврузов, 18-летний парень из таджикского подворья, с удовольствием показывает всем желающим десяток различных тюбетеек, привезенных из разных районов Таджикистана. Терпеливо отвечает на вопросы гостей: «Зачем нужны тюбетеек?», «Можно ли их купить?», «Обязаны ли женщины их носить?» Мавлуд очень хорошо говорит по-русски, признается, что выучил язык с нуля за три месяца.

– Я приехал в Петербург учиться в колледже, русского не знал, но я много смотрел фильмов, общался с людьми и выучил язык достаточно быстро, – говорит он. – Сейчас я уже окончил колледж и поступил в Университет путей сообщения. Сокурсники даже не спрашивали, откуда я родом! Кстати, я не таджик, я памирец, бадахшанец, хотя наш

народ и живет на территории Таджикистана. У нас совсем разные языки, я не понимаю, о чем говорят таджики между собой. Но мало кто из русских в этих тонкостях разбирается. Про таджиков часто говорят «гастрорабитеры». А я не обижуюсь... Чего на правду обижаться?!

«ДЕТИМ НРАВЯТСЯ РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАБАВЫ»

Пока каждый народ рассказывает о своих особенностях, дети играют в народные игры – что в корейскую игру с палочками «Ют», что в русскую «Малечину-калечину» – с одинаковым удовольствием. Всех удивляет «танцующая кукла» – из зеленых прутьев и тряпочек дети с помощью мастера делают женскую фигурку, ставят ее на чемодан и начинают стучать по нему кулаками. Кукла, как живая, неожиданно вздрагивает и пускается в пляс. Такая немудреная забава почему-то привлекает целую толпу детей.

– Мы развиваем игровое направление в русской народной культуре, – рассказывает Андрей Баранов из клуба «Сояси» в Сланцах. – Плетение кукол из травы, городки, перетягивание каната, гигантская скакалка... Услышав о нашей деятельности в первый раз, некоторые сомневаются – можно ли увлечь подобными «простыми» играми современных детей, с младенчества владеющих любыми электронными гаджетами? Но оказывается, именно подвижных игр, общения, работы руками ребятам и не хватает, поэтому русские народные забавы им очень нравятся.

...Как оказалось, для полного сплочения народов не хватало только осеннего ливня: спасаясь от дождя, вепсы и эстонцы прятались в узбекском шатре среди подушек и костров, узбеки угощались татарским шашлыком, а ижорцев приютили у себя корейцы. «Здешний климат – вот что всех нас объединяет навсегда!» – смеялись участники фестиваля, привычно раскрывая зонтики. ●

ФОТО АВТОРА

НАРОДНЫЙ АКАДЕМИК

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

БОЛЕЕ СОТНИ СОРТОВ ЯБЛОНОЙ ГРУШИ, АБРИКОСОВЫХ, ШЕЛКОВИЦЫ, АРБУЗОВ ПО 11 КИЛОГРАММОВ ВЕСОМ, ДЫНЬ, 40-КИЛОГРАММОВЫХ ТЫКВЫ, ОГРОМНЫХ ПОМИДОРОВ, КРУПНЫЙ СОЧНЫЙ ВИНОГРАД, ВКУСНЕЙШИЕ ПЛОДЫ, НАПОМИНАЮЩИЕ КИВИ, – ВСЕ ЭТО ВЫРАЩИВАЕТ САДОВОД ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ МОРОЗОВ. И НЕ ГДЕ-НИБУДЬ НА ЮГЕ, А В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ.

ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАТЬ в саду и огороде Владимир Николаевич начал в 11-летнем возрасте. По необходимости. В 1942 году в своем саду в Калуге он посадил две сотки картофельных очисток. И собрал 20 мешков картошки, которые спасли семью от голода. На следующий год сажал уже целыми картофелинами. Урожай уменьшил-

ся вдвое – 10 мешков. Удобрил землю навозом и опять посадил картошку. Собрал 7 мешков. Юный хозяин задумался... Оказалось, картофелю для хорошего роста нужны азот, фосфор и калий. Навоз в основном дает азот и не может восполнить фосфор и калий – их нужно вносить отдельно. Но до этих открытий прошло еще сорок лет жизни, достойной романа...

«АЭРОПЛАН, ПОСАДИ МЕНЯ В КАРМАН!»

Согласно семейным преданиям, прадед Владимира Николаевича по материнской линии жил в Петербурге. Носил прозвище Буланый и держал конный двор – таксопарк, как сказали бы сейчас. Один из его сыновей в молодости вел разгульную жизнь, и в наказание отец отправил его в Тверскую губернию, где женил на бесприданнице. У них и родился дед Владимира Николаевича – Дементий Буланов. Он получил хорошее образование, служил на польской таможне, а затем в одном из банков Варшавы. В конце XIX века Дементий перебрался на Калужскую землю в поселок Кондрово. Работал главным кассиром на бумажной фабрике англичанина Говарда. «Дед был прогрессивным человеком, – рассказывает Владимир Николаевич. – В доме была большая библиотека, выписы

ПРЕДОСТАВЛЕНО В.Н. МОРОЗОВЫМ

Дементий Буланов с женой и детьми.
1913 год

войну. Такие же заросшие сады имелись и у соседей, и часто между ними не стояло заборов. Но наш сад, пожалуй, был самым «диким», так как отец, инвалид первой группы, делать ничего не мог. Молодость он отдал футболу. Был первым нападающим и капитаном, а потом и тренером лучшей команды города.

К сожалению, великолепные калужские сады практически полностью погибли зимой 1939/40 года, когда морозы опускались до минус 50 градусов».

В «МЕРТВОЙ» ЗОНЕ

«Начало войны я встретил в детском санатории на Черном море в Гудауте, — вспоминает Владимир Николаевич. — Мы нисколько не ощущали каких-либо изменений — отдыхали вволю. Почувствовали войну на обратном пути. Если на юг мы доехали за два дня, то обратная дорога заняла две недели. От Ростова наш поезд подолгу стоял на станциях, пропуская эшелоны, шедшие на фронт. Когда же добрались до Москвы, оказалось, что многим детям из западных регионов страны домой уже не попасть — там все было занято фашистами. И даже в Калугу мы не могли проехать — один из мостов был разрушен. Нас разместили в Доме союзов, а затем вывезли в пионерский лагерь под Подольском. Там по ночам мы наблюдали фантастическое зрелище. Десятки и сотни прожекторов остройми белыми лучами шарили по небу в поисках самолетов. Вой моторов превращался в рев, и в дело вступали скорострельные зенитные пушки или, как мы их называли, хлопушки. К этому присоединялись разрывы снарядов. Подбитые самолеты разбивались о землю со страшным грохотом...

В середине августа мы добрались до родного города. Калуга сильно изменилась. Везде были вырыты бомбоубежища, в том числе и у нас в саду. Это была яма шириной 1 метр, а длиной и глубиной по 2 метра, сверху

вались газеты. Мама вспоминала, как в детстве пробовала помидоры — большая редкость в то время. Детям помидоры не нравились, а дед говорил: «Ешьте, это плоды с большим будущим». Сад при нашем доме в Калуге, где я родился и прожил 45 лет, посадил мой дед по линии отца Владимир Морозов. И вся старая Калуга была громадным садом — фруктовые, ягодные, декоративные растения. При этом на улицах не росло ни одного дерева. Массовая посадка деревьев началась уже после войны, в 1947 году. Делалось это так. Специалисты «Зеленстроя» проходили по улице и забивали колышки. Хозяин близлежащего дома должен был выкопать ямки для посадки. Через несколько дней по улице проезжала машина, с которой сбрасывали в каждую ямку молодую липу.

А до войны по улицам ездили телеги, запряженные лошадью. Водовоз с криками «Ко-о-му во-о-ду?» продавал питьевую воду по копейке за ведро; золотари собирали в свою бочку содержимое туалетов; угольщики кричали: «Ко-о-му у-у-уголь?» Уголь был необходим для самоваров и утюгов. Появлялись на улице сборщики тряпья, макулатуры, ходили точильщики с криками «Ножи точим, бритвы пра-а-авим». А калужские базары — это удивительный, манящий мир звуков, запахов, ощущений.

Машин на улицах было очень мало, в основном полуторки, редко трехтонки и одна-единственная пятитонка, за которой всегда бежала большая толпа детворы. А уж когда в небе появлялся самолет, то все ребята принимались кричать: «Аэроплан, аэроплан, посади меня в карман! А в кармане густо, выросла капуста!» При чем здесь капуста, абсолютно непонятно, но кричали именно так. Сколько себя помню, наш старый сад всегда был неотъемлемой частью моей жизни. Летом там постоянно созревало что-то вкусное, а зимой мама строила снежную горку, и я катался на санках. Это был старый, заросший «дикий» сад, в котором мы с соседскими ребятами играли в

ПРЕДОСТАВЛЕНО В.Н. МОРОЗОВЫМ

Володя Морозов на утреннике в детском саду, который размещался в братском корпусе бывшего Крестовского монастыря в Калуге

накрытая досками и землей. Мой маме, как работнице ми- нометного цеха, предлагали эвакуироваться вместе со мной. Отца брать не хотели – инва- лиды никому не были нужны. Мама отказалась уезжать без мужа, и мы остались в городе.

10–11 октября Калуга стала по- хожа на муравейник. Все жите- ли бегали по городу и что-то нес- ли. Склады и магазины были открыты: кто нес мешок муки, кто отрез мануфактуры, кто ящик папирос, и все обменивались адресами, где и что можно еще взять.

Утром 12 октября в городе во- царилось зловещее затишье. Затем послышались пущечные выстрелы.

Потекли серые и страшные дни оккупации. В начале ноября на Калугу совершили налет наши бомбардировщики. Мы с мамой и тетей выбежали в сад, чтобы укрыться в бомбоубежище. Но не успели... Очнулся я, когда меня поднимали соседи. Рядом лежала полузыпанная землей тетя, а мама, прижатая сорван- ной дверью в убежище, проси- ла помочь ей выбраться. Бомба упала в 4 метрах от меня, и, как сказали потом наши солдаты, мы попали в «мертвую» зону. На метр ближе или на пару метров дальше, и все могло бы кончить- ся трагически.

Под 7 ноября кто-то перерезал телефонные провода в штабе, и немцы взяли в заложники 20 человек из соседних домов. Сказали, что если не найдут виновного, то всех расстреля- ют. И расстреляли. И не разре- шали родственникам их похо- ронить. А в сквере на площади Старый Торг висели повешен- ные, на груди у них были фа- нерные щиты с надписью: «Партизан».

К зиме есть уже стало нечего, мы питались сушеными кар- тофельными очистками и едва дотянули до освобождения Ка- луги, которое произошло 30 декабря. А весной 1942 года мы с мамой начали копать целину в нашем саду, чтобы посадить картошку...».

ПРЕДОСТАВЛЕНО В.Н. МОРОЗОВЫМ

Владимир Николаевич финиширует на велогонке в городе Медыни. Июнь 2015 года

ТОКАРЬ, СПОРТСМЕН, ФОТОГРАФ

Свой первый сад Владимир Ни- колаевич начал создавать в 1944 году. В то время он раскатывал по Калуге на трофеином немецком велосипеде. В 1947 году упал с велосипеда, разбил правое бе- дро, да так, что пришлось делать операцию. Но рана не заживала, начался сепсис. Из больницы 16-летний Володя сбежал, решив лечиться дома. А делавший операцию врач, когда встречал Володину маму на улице, инте- ресовался: «Жив еще?» Через не- сколько месяцев раны зажили. Но мышцы ноги атрофирова- лись, Владимир получил вторую группу инвалидности. Врачи ре- комендовали ходить только на

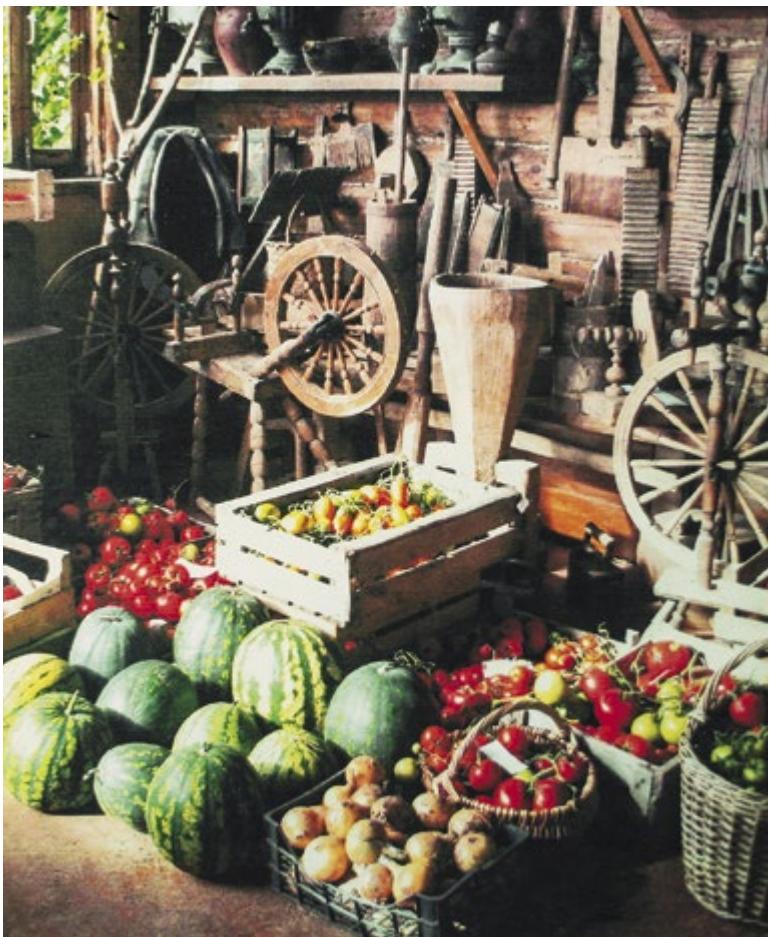
костылях и всячески избегать нагрузок. Однако Владимир при- думал свой курс реабилитации. Костили забросил, ходил, пре- возмогая боль, взбирался в гору, посадив на спину кого-нибудь из друзей. В итоге в 1951 году пошел в армию, скрыв инвалидность. Попал в Крым – в морскую авиа- цию. Готовился летать на первых реактивных самолетах, но однажды болезнь обострилась, после осеннего марш-броска под дождем. Врачи во всем разобра- лись, и юного стрелка-радиста демобилизовали.

Вернувшись в Калугу, Владимир Николаевич поступил токарем на турбинный завод. А с весны 1952 года начал участвовать в велогонках и уже через год стал

ПРЕДОСТАВЛЕНО В.Н. МОРОЗОВЫМ

Футбольная команда «Локомотив» – лучшая команда Калуги 1930-х годов. Тренер (крайний слева) – Николай Морозов, отец Владимира Николаевича

ПРЕДОСТАВЛЕНО В.Н. МОРОЗОВЫМ

Урожай с грядок
Морозова
в Музее
народного быта

видению. По тем временам это было настояще диво. Весной в саду расцветали клематисы, гладиолусы, гортензии, более тысячи тюльпанов. Уникальным розарием, состоящим из 200 кустов 64 сортов, восхищались даже специалисты. В плодовом саду одних яблонь росло 60 сортов, в огороде – десятки сортов помидоров, перцев, баклажанов, арбузов и дынь. С 1986 года, когда начали проводиться областные выставки садоводов, экспозиция овощей и фруктов Морозова неизменно признавалась лучшей. В 1987 году Владимир Николаевич занял первое место на Всеобщем конкурсе «Лучшее приусадебное хозяйство».

А какую картошку Морозов научился выращивать! «До меня здесь самые большие урожаи картофеля были не более 180 килограммов с сотки, – рассказывает Владимир Николаевич. – Я стал получать 300–400 килограммов, без навоза. Изучая вопрос, я узнал, что для хорошего урожая требуется не только определенное соотношение минералов в почве, но и здоровый посадочный материал.

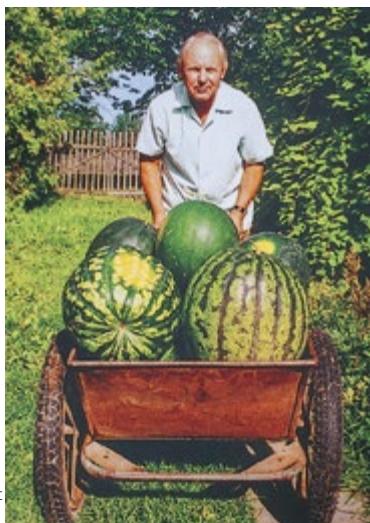
У нас обычно сажают ту же самую картошку, которую вырастили. А она не может дать большой урожай, потому что в ней скопилась тьма вирусов, сама по себе картошка слабая. Я наблюдал, как создают элитный семенной картофель в лаборатории. С клубня срезают почку и смотрят в микроскоп. Если нет вирусов – почку откладывают на посадку. Через год она дает картофелину размером с вишненку. На следующий год сажают эту «вишенку». В общей сложности требуется три года, чтобы получить элитный семенной картофель. «Элита» дорогая, поэтому фермеры, как правило, покупают первую репродукцию элитных семян. Так поставлено хозяйство на Западе. Поэтому у них считается хороший урожай картофеля – 500 центнеров с гектара. У нас – 130 центнеров, при этом сажают 50 центнеров. После раз渲ла СССР семеноводство у нас пребывает в глубоком кризисе. Но и до того его не очень жаловали. У нас спрашивали,

чемпионом области. Спортивные достижения дорогого стоили. Каждый год чемпион попадал в больницу с обострением, но снова садился за руль и побеждал. В течение пяти лет Морозов был первым велогонщиком области. И в дальнейшем в жизни Владимир Николаевич много раз становился первым. Переходя на тренерскую работу, воспитал первого в области мастера спорта СССР. Работая фотографом в службе быта, первым в Калуге освоил цветную фотографию.

Сад Владимира Николаевича тоже был образцовым, пока улицу по границе сада не засадили тополями. Деревья посадили почему-то не по южной стороне, а по северной. Люди продолжали ходить под палящим солнцем, а сад через десять лет почти полностью оказался в тени. Урожай радовать перестали. В 1976 году дом Морозовых снесли, а хозяев переселили в квартиру. Сейчас на месте того сада стоит католическая церковь и дом пастора.

СЕКРЕТЫ КАРТОШКИ

Потеряв старую семейную усадьбу, Владимир Николаевич приобрел участок в деревне Люблинка на берегу Угры, где он с женой и детьми часто отдыхал летом. И занялся хозяйством всерьез. Уже в 1983 году Морозов проводил в своей усадьбе первые экскурсии. О его саде писали газеты, рассказывали на радио и по телевидению.

ПРЕДОСТАВЛЕНО В.Н. МОРОЗОВЫМ

Самые
большие арбузы
Владимир
Николаевич
выращивает
в открытом
грунте.
Рекордный
арбуз –
11,5 килограмма

не сколько собрали с гектара, а сколько гектаров засеяно и засажено. Однажды я сам наблюдал, как главный агроном нашего Дзержинского района зашел в лабораторию картофелеводства. «Почем у вас семенной картофель?» – с порога спросил он. «50 копеек за килограмм», – ответили ему. «Да я у своих бабок в Галкине по 20 копеек сколько хочешь куплю!» – возмутился агроном и ушел, хлопнув дверью. И покупал. И более 130 центнеров не собирал. И даже все стнисвало в хранилищах. Картошка была нитратная, потому что сажали часто по свежему навозу. А я потому и получал первые места на выставках, потому что нитратов в моих овощах мизерное количество. Совсем без нитратов вырастить овощи невозможно. Было как: кидай больше навоза и будет хороший урожай. А в навозе и даже в перегное сплошной азот – это и есть нитраты. Овощам больше требуется фосфора и калия, которых в навозе крайне мало. Даже в открытом грунте нужно на одну долю азота две доли фосфора и четыре калия. А для теплицы, по моему опыту, соотношение азота и фосфора должно быть 1:4. Тогда только азот будет перерабатываться, а не накапливаться. Поэтому когда в лаборатории мою картошку сравнивали с колхозной, то мою называли «тортом», а колхозную «мылом». Как говорил академик Прянишников, «количеством удобрений нельзя восполнить недостаток знаний». Наши огородники считают фосфор и калий химией. Никакая это не химия. Это то, что из земли взято и должно быть там. Поэтому мы 20 мешков и получили из очисток в 1942 году – в целине всех питательных веществ достаточно было. А картошка фосфор и калий съела. После этого землю нужно на несколько лет опять пускать под траву, чтобы она восстановилась. Либо вносить фосфор и калий самому. А настоящей химии я стараюсь избегать. Например, огурцы от тли посыпаю золой, не использую химические препараты».

ФОТО АВТОРА

САД БУДУЩЕГО

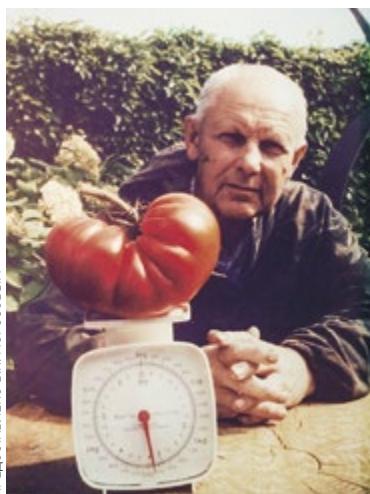
Теперь у Морозова «сад XXI века», как он сам его называет. На входе гостей встречает огромное пробковое дерево с Дальнего Востока, дуболистная рябина из Швеции, белоснежный трескун амурский, разные экзотические цветы. Ваточник сирийский цветет шариками розового цвета и благоухает сильно и необычно. Чуть дальше – несколько видов сирени, выведенных российским гениальным сиреневодом Леонидом Колесниковым (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2011 год, статья «Почему в Москве не растет «Маршал Жуков». – Прим. ред.). Знаменитую «Красавицу Москвы», за которой сейчас охотятся садоводы всего мира,

Некоторые
свои растения
Морозов
опыляет
вручную –
цветком к цветку

заставить не довелось – самое лучшее творение Колесникова уже отцвело. Зато повезло увидеть в небольшом водоеме сказочную нимфею – малиновую водяную лилию, которая цветет только четыре дня в году.

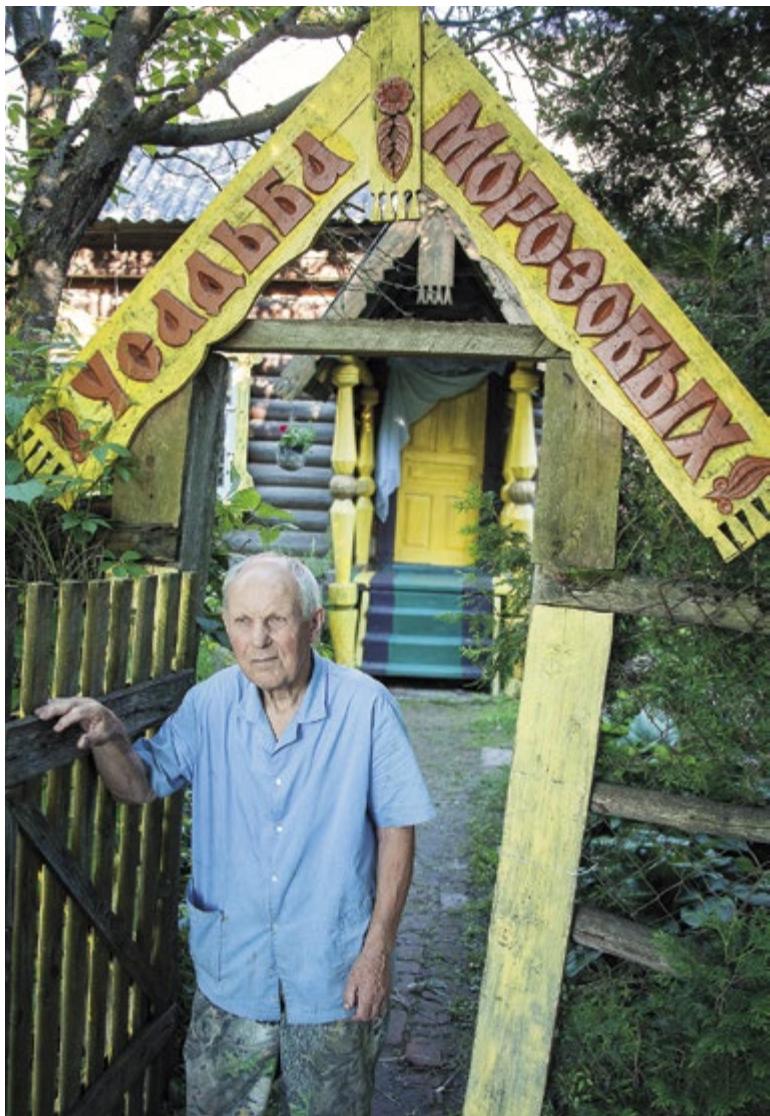
Дом с резным крыльцом обивают экзотические клематис, лимонник китайский, жимолость каприфоль, актинидия коломикта. Последнее – не что иное, как прямой родственник киви. Владимир Николаевич замечает, что в сравнении с киви из магазина плоды его сада хоть и мелкие, но намного вкуснее.

Последние двадцать лет Морозов испытывает, как в условиях данного климата растут новейшие сорта, выведенные учеными. Владимир Николаевич работает с крупнейшими институтами садоводства страны; академики в своих монографиях ссылаются на Морозова и благодарят за помощь в исследованиях. При всем уважении к старым традиционным сортам, Владимир Николаевич считает, что сегодня разумно выращивать современные, выведенные селекционерами сорта, которые устойчивы к болезням и заморозкам. В саду проходят испытание 160 сортов яблонь, около 150 сортов груш, более 150 косточковых, более

ПРЕДОСТАВЛЕНО В.Н. МОРОЗОВЫМ

Рекордный
помидор весом
1450 граммов.
В этом году
самые большие
томаты
недотянули
до рекорда
200 граммов

Усадьба украшена резьбой по дереву в духе русских сказок: избушка на куриных ножках, Баба-яга, леший, русалка, кот ученый...

Беседка в саду, где Владимир Николаевич общается с гостями и угождает вареньем из лимонника, айвы и других плодов своего сада

...На берегу Угры Владимир Николаевич облагородил заброшенный памятник погившим в Великой Отечественной войне. Собрал оставшиеся в Люблинке старинные предметы быта и

организовал небольшой музей. Взял шефство над несколькими школами области. В ердневской школе с его помощью появился небольшой ботанический сад, аrudнянская школа уже два раза участвовала в главной выставке юннатов в Москве. Владимир Николаевич занимается проблемами экологии, был инициатором создания национального парка «Угра». Академик Алексей Константинович Скворцов упомянул его в книге «Калужская флора». В книге описано 1500 растений, произрастающих в области. Все их нашли ученые, а одно, самое редкое, нашел Морозов. Случайно. В соседнем Галкинском лесу наткнулся на пыльцеголовник длиннолистный. Эту северную орхидею никто не видел уже более ста лет. «После сообщения о находке академик Скворцов лично приехал посмотреть на редчайший цветок, — вспоминает Владимир Николаевич. — Мы пришли на ту поляну, а она вся вытоптана. Местные охотники решили там поставить свои кормушки. Шел тяжелый 1991 год. Но я добился, чтобы Галкинский лес получил статус памятника природы — сразу создать национальный парк было сложно». И по-прежнему в свои 84 года Владимир Николаевич участвует в велогонках. Правда, в этом году участников в его возрастной группе на дистанции 10 километров не оказалось. Пришлось соревноваться с 70-летними на дистанции 25 километров. Занял почетное третье место. Теперь в планах гонщика-ветерана показать более высокий результат, и для этого, говорит, «удвоил тренировки». Кстати, со своим садом и огородом Владимир Николаевич в основном справляется самостоятельно. Внучка лишь иногда помогает ухаживать за любимыми грушами. Этой весной Морозов сам привил 3 тысячи саженцев только яблонь и груш. Как говорит сам Морозов, «до ста лет я планирую активно работать».

РУКОТВОРНЫЕ КНИГИ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

САМОЕ БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ ТАКТИЛЬНЫХ КНИГ В РОССИИ НАХОДИТСЯ В САРАТОВЕ. ИМЕННО ТАМ СОЗДАНИЕМ ШЕДЕВРОВ, БЛАГОДАРЯ КОТОРЫМ СЛЕПЫЕ ДЕТИ ПОЗНАЮТ МИР, ЗАНИМАЕТСЯ ОДНА ПРИХОДСКАЯ ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА.

...В

ЭТОЙ НЕОБЫЧНОЙ книге всего три страницы. Но быстро перелистать их не получится. Чтобы прочесть книгу, нужно закрыть глаза и ощупать каждого из персонажей со всех сторон. И пусть в «Серебряном копытце» Бажова героев мало – девочка Дарёнка,

дед Кокованя, кошка Мурёнка и козлик с серебряным копытцем, – но зато есть много предметов: снег, изба, елки, небо, звезды. И все они на ощупь представляются именно такими, какими и должны быть в действительности. Снег – хрустящий, елки – колючие, изба – деревянная. Ни с чем не спутаешь и очаг

из камушков! И печь из глины! Страницы, несмотря на обилие различных элементов, легки, а углы их закруглены.

Автор этой необычной книги – Галина Ерина. Она увлеченно рассказывает, как делала кладовку, погребок, боковой вход, как корпела над печью из мешковины, которую промазывала глиной. Каждый горшочек можно взять с полки и повернуть в пальцах, чтобы понять, какой – из фарфора, а какой – из глины.

А вот существо с хвостом и усами. Узнается на ощупь? С кошкой Мурёнкой Галина мучилась долго. Она в бажовской сказке рыжая и облезлая. И Галине очень хотелось, чтобы кошка соответствовала сюжету.

КАМУШКИ И ПЕРЫШКИ, ЛОССУТКИ И ЛЕНТОЧКИ

Галина Ерина всю жизнь любила мастерить что-нибудь своими руками. Поделки дарила своим знакомым, а те не знали уже, куда их девать. И вот как-то раз пожаловалась Галина об этом своей постоянной клиентке. А та ей рассказала, что недавно видела интересное объявление на стене Свято-Покровского храма. В нем говорилось о том, что воскресной школе при храме, которая занимается изготовлением тактильных книг, требуется помочь творческих людей. Галина медлить не стала и отправилась в школу. Здесь ей объяснили, что такое тактильная книга, для кого их делают, обстоятельно проинструктировали и предложили выбрать сюжет, предупредив, что использовать покупные штампованные изделия для тактильной книги не стоит. Если дом из камня, то и в тактильной книге он должен быть из камня. Если деревянный – значит, должен быть деревянным. И так далее. Все элементы книги должны быть объемными, чтобы их можно было ощущать со всех сторон.

Первой ее работой стал «Теремок», который она за кем-то доделывала. Потом взялась за сказку «Гуси-лебеди». И вот сейчас Галина трудится над своим очередным шедевром – сказкой «Серебряное копытце». Выбрала Галина эту сказку за доброту ее героев – сироты Дарёнки и деда Коковани, которые живут в глухом лесу, не жалуются на судьбу и любуются красотой мира.

Галина тоже внимательно присматривается к окружающему миру. Ищет всякую мелочь, которая могла бы пригодиться в работе. Материал-то используется свой. В магазинах интересуется у продавцов сломанной фурнитурой, ненужными упаковками, лоскутками и ленточками рваными. Муж прежде ворчал, что она тратит вечера и ночи неизвестно на что. А когда узнал, кому и зачем нужна работа жены, проникся и помог Галине с изготовлением козлика

Галина работает парикмахером, и своих клиентов она нередко просит ей помочь. Приносит на работу изготовленных героев сказки, просит закрыть глаза, дает в руки, требует ощупать и определить – что или кто это? Так вот, кошку Мурёнку клиенты с закрытыми глазами не узнавали. Сначала говорили, что это создание больше похоже на мышь. Галина расстроилась и переделала игрушку. Но теперь

клиенты отвечали, что держат в руках... кролика. Среди клиентов Галины немало детей, и к их мнению она прислушивается внимательно. Ведь тактильная книга, которую она мастерит, предназначена для библиотеки Саратовской школы-интерната для слепых и слабовидящих детей. С помощью таких книг дети учатся познавать мир. Поэтому позволить себе ошибиться Галина никак не может.

Галина Ерина каждого изготовленного ею героя «Серебряного копытца» обсуждает с коллегами

Это не игрушка,
а целый алфавит
со страницы
тактильной
книги

из сказки «Серебряное копытце». Сделал для него рога. Выточил малюсенькие скамейки и лавки для избы, в которой живут герои. Но лучше всего у Галины получились усы и борода деда Коковани и прическа Дарёнки. Галина заплела косички, вплела в них ленту. Свидетельствую: потрогаешь – и даже с закрытыми глазами ни с чем не спутаешь.

«Это сказывается рука парикмахера!» – улыбаются подруги Галины. Они распаковывают внушиительные пакеты и достают из них тактильные книги. Книги – огромные, каждая занимает половину большого стола. Общее собрание, на котором они обсуждают работы друг друга, поделятся советами и выяснят, кому и в чем нужна помошь, проходит в классной комнате приходской воскресной школы при Свято-Покровском храме.

Книги у всех разные. Понятно, что у каждого автора свой стиль. Галина объясняет, что она, например, чаще использует картон, обтянутый синтепоном. Другие книги шьют. Третьи используют разрисованный картон и наклеенные детали. Технологий много... Но все тактильные книги кое в чем похожи. Во-первых, у них мало страниц. Во-вторых, застежки – как у настоящих средневековых фолиантов: в книгах много мелких элементов, так что застежки нужны, чтобы со страниц ничего не слетело. Все книги можно прочесть, закрыв глаза. И еще: ни на одной тактильной книге, каждой из которых своего рода шедевр, авторы не ставят ни своих фамилий, ни инициалов. Главная тема разговоров на собрании – у кого какой материал на что пошел. Собираются эти материалы где только можно. В магазинах и на рынках, а также у знакомых выпрашиваются картонные коробки и палочки от мороженого. Тонкие деревянные створки жалюзи идут на окна для домиков. В большом ходу длинные каминные спички. Дело доходит до того, что иногда приходится

Мир на кончиках пальцев...

Хорошо выполненная рукодельная книга способствует формированию у ребенка интереса к чтению

идти на жертвы. Например, для одной из книг были нужны черные перья. Сначала пытались их сделать из подручных материалов. Не получилось. Тогда одна из участниц проекта, Елена Гудкова, у которой подсобное хозяйство с курами, гусями и поросятами, выщипала перья у своей чернушки. А когда этого оказалось мало, пришлось курице распрощаться чуть ли не с половиной перьев.

ВСЕГО ОДНА КНИГА

Все вместе они «пишут» одну большую книгу, по которой воспитанники школы-интерната для слепых детей учатся познавать мир. Так считает организатор проекта, клирик Свято-Покровского храма, руководитель воскресной школы отец Кирилл Петрович. Отец Кирилл главный приемщик, оценщик и, по сути, редактор всех тактильных книг.

Для воспитанников школы-интерната отец Кирилл близкий и родной человек...

– Если у незрячего ребенка с детства не развить тактильные ощущения, – объясняет отец Кирилл, – то позже они не развиваются, и всю информацию, которую он получает, придется воспринимать с помощью слуха. А это неправильно. Тактильные способности развиваются в дошкольном и школьном возрасте. Поэтому если этого не сделать вовремя, потом будет очень сложно. Тактильные книги тут как раз хорошо помогают. В приходской воскресной школе изготовлено уже более двух десятков тактильных книг. Все они находятся в библиотеке школы-интерната для слепых и слабовидящих. Большого количества тактильных книг, собранных и изготовленных в одном месте, в стране нет. А ведь еще три года тому назад и сам отец Кирилл не имел о них представления. Рассказала ему об этих книгах его родная сестра.

На одной из конференций, посвященных педагогическому сопровождению лиц с ограниченными возможностями, Ольга Петрович в выступлении доцента кафедры коррекционной педагогики Саратовского госуниверситета, тифлопедагога школы-интерната для слабовидящих и слепых де-

тей Людмилы Мясниковой услышала о проблеме в России с тактильными книгами. Они есть, но их так катастрофически мало, что можно сказать, что их фактически нет. Например, в Саратове на весь город всего одна тактильная книга. Сказано об этом было

Полки библиотек для слепых переполнены, но тактильных книг на них не найти

вскользь, но Ольга этот факт запомнила и поделилась с братом. В соседнем квартале, рядом с храмом, находится областная библиотека для слепых. Многие из них являются прихожанами храма. Поэтому когда отец Кирилл узнал от сестры, как тактильные книги могут помочь детям, имеющим проблемы со зрением, он решил предложить заняться их изготовлением взрослой группе воскресной школы.

Ольга обошла все саратовские библиотеки, которые работают со слепыми и слабовидящими. Выяснилось, что там были только книги со шрифтом Брайля. В одной детской библиотеке сказали, что о тактильных книгах они что-то слышали, но не видели, а для слепых детей у них есть развивающие книги со звуковыми фрагментами.

Единственную тактильную книгу нашли в школе-интернате для слепых и слабовидящих детей. Пользовались ею редко и с великой осторожностью. Книга разочаровала: на трех листах формата А3 множество кармашков с персонажами в виде объемных кукол. Но все же это лучше, чем книги просто с рельефными изображениями персонажей, которых нельзя потрогать со всех сторон. Правда, и в этой тактильной книге большинство элементов было пришито к странице стежками. Ольге запомнились слова сотрудников интерната: «Маленьким детям шрифт Брайля неинтересен. А вот если бы что-то трогать, щупать и через это узнавать предмет...»

Перед тем как обратиться к участникам воскресной школы, Ольга и отец Кирилл решили пройти теоретическую подготовку. Изучали все доступные материалы из Интернета. Написали инструкцию. Пробовали связаться с другими городами, где тоже пытались делать тактильные книги, но никто не откликнулся. Было понятно, что серийного изготовления тактильных книг не было, нет и не предвидится. Работа это штучная, ручная, требует больших затрат и огромного человеческого тепла.

Наконец отец Кирилл решился рассказать взрослой группе воскресной школы о проекте. Продемонстрировал скачанное из Интернета видео с инструкциями по созданию тактильной книги. Но из всего услышанного, как вспоминают сегодня авторы, их больше всего потряс тот факт, что на весь Саратов всего одна тактильная книга! Чего только авторы не наслушались, когда взялись за работу! Дефективные книги! Текстильные книги!

Отец Кирилл не помнит, как рождалась самая первая тактильная книга, потому что в работе их было сразу 12. Были разговоры о том, кто какую сказку хочет выбрать. Обсуждались варианты. Задача, которую должны выполнять тактильные книги помимо своего прямого назначения, – это еще и социализация детей. Книги должны нести через сказки, пословицы, поговорки культуру своей страны.

Самой значительной среди первых самодельных «изданий» стала «Азбука». Книгу размером со столешницу школьной парты изготовила Елена Гудкова, агроном по профессии.

– Почему «Азбуку»? – вспоминает она. – У обычного человека много ассоциаций, а у таких детей – мало. Вот формы букв. Как их отличить? Слепым детям все буквы кажутся похожими, ни о чем не говорят, ни с чем не ассоциируются. Им непонятно, чем «ю» от «у» отличается. А вот пощупали игрушечную улитку, и она записалась в ассоциации. С помощью ассоциаций буквы запоминаются.

Для букв Елена покупала дорогостоящий фетр. Для персонажей и предметов использовала бархат и мех. Трудилась больше полугода, не спала ночей и постоянно повторяла про себя слова отца Кирилла, что с помощью тактильных ощущений у ребенка при общении с миром подключается память, вспоминается сюжет книги. И уже на этих ассоциациях ребенок может мир по-настоящему узнать.

Дети за прочтением книги «Православные храмы Саратова»

ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА

Создатели книг и сами закрывали глаза, чтобы поставить себя на место читателей. Просили закрыть глаза и «почитать» книгу своих родственников. Но поскольку те видели сам процесс – детали книг дома лежат на виду, – то из них эксперты не получились. А ведь было желательно заранее предусмотреть,

как дети воспримут готовую книгу, понять их логику, предотвратить ошибки в восприятии объектов в книге.

Тогда отец Кирилл обратился к друзьям из Саратовской областной библиотеки для слепых. Незрячий с детства Геннадий Генералов, сотрудник библиотеки, смог распознать сюжеты и объекты в тактильной книге при-

А это самая популярная в школе-интернате тактильная книга «Азбука», которую выполнила Елена Гудкова

мерно на 70 процентов. Это был хороший результат. Но одно дело взрослый человек, другое – дети. Потому участники проекта очень волновались, как воспримут рукотворные книги в школе-интернате.

Первую презентацию тактильных книг провели в Областной детской библиотеке имени А.С. Пушкина. Перед началом мероприятия выступил детский хор Свято-Покровской православной гимназии «Лествица». Присутствовали учащиеся из православной гимназии. Все первые 12 тактильных книг поставили в ряд. Гости из школы-

интерната для слепых и слабовидящих детей брали в руки тактильные книги с такой нескрываемой радостью, что у всех присутствующих наворачивались слезы на глаза.

Библиотекари до этой выставки тактильные книги даже в руках не держали. Им очень понравилась книга со сказкой о «Золотой рыбке». Чешуя рыбки сделана из пайеток. Знаменитое корыто старухи – из настоящего дуба. Камушки... это и были настоящие камушки. Шелестящий целлофан имитировал плеск воды. «Облака» передвигались по «небу» с помощью веревочки.

Тактильная книга помогает обследовать окружающий мир и конкретизировать свои представления о нем

Всего одна из трех страниц книги «Серебряное копытце»

Считается, что чем больше в тактильной книге передвижных элементов, тем лучше для детей. Ребята тактильные книги из рук не выпускали и хотели немедленно взять с собой. И когда им сказали, что книги только через неделю будут переданы в интернат, они расстроились.

Администрация библиотеки уговорила отца Кирилла продлить выставку на неделю: чем больше людей узнают, что есть такие книги, тем больше у проекта появится помощников.

А через несколько месяцев отец Кирилл поехал смотреть, нравятся ли книги детям. Выяснились ошибки при выборе материала. Например, авторы тактильных книг посчитали, что солнце – это что-то теплое, бархатное, а у слепых детей, оказывается, другие ассоциации: солнце им представляется жестким, металлическим и холодным. За солнце пальчики ребенка лучше всего воспринимают круг из фольги. Молотый кофе ассоциируется с землей. «Нам странно. А у них – такие ассоциации», – рассказывали потом гости школы-интерната своему авторскому коллективу. Вторая партия тактильных книг была разнообразнее и сложнее. Стало ясно, что проекту нужны новые помощники. И тогда были развесаны объявления. По одному из них пришла не только Галина Ерина, но и Юлия Дюнова. Самой замечательной книгой второй партии стали ее «Двенадцать месяцев».

Юлия придумала братьев-месяцев по-разному одеть. Зимние месяцы в валенках. Осенние – в носочках. Летние – босые. Весенние – в сапожках резиновых. Она ломала голову над каждым образом, включая героиню, принцессу, учителя, служивых... Дворец, поляну, подснежники, елки – все это надо было передать в объеме! Все детали к книге Юлия вышивала самостоятельно. На создание книги ушло девять месяцев. Для того чтобы доделать ее к сроку, Юля даже отпуск специально брала. А отец Кирилл

иногда к ней на работу во время обеденного перерыва на машине подвозил те элементы для книги, которые она не могла сама сделать.

Кстати, отец Кирилл нередко по домам участников проекта развозит материалы и нужные детали. Или возит авторов по магазинам, где они могут закупить фурнитуру. Хотя со свободным временем у отца Кирилла довольно напряженно. У него службы в храме, преподавание в семинарии, руководство воскресной школой. Участники проекта, в числе которых домохозяйки, юристы, программисты, полицейские, прокуроры, тоже занимаются тактильными книгами в свободное время. Поэтому случается и такое, что начинает книгу один автор, а заканчивает другой. А иногда над книгой трудится целый коллектив. Елена Гудкова после изготовления своей знаменитой «Азбуки» начала переживать творческий кризис. Спасло ее приглашение в многотомный проект «Православные храмы Саратова». Авторы насчитали 15 храмов и поняли, что их в одну книгу не вместишь. Тяжелая будет. В первый том вошло 8 храмов. Сейчас готовится второй том. Но будет и третий, поскольку в Саратове возводятся новые храмы.

Вторую презентацию тактильных книг решили провести при Зональной научной библиотеке Саратовского госуниверситета, чтобы привлечь к проекту студенческую молодежь. Выставка была приурочена к Международному дню слепых, который отмечается 13 ноября. Три недели народ шел смотреть на тактильные книги. Их уже давно перестали называть текстильными или дефективными. А в проект пришло много новых энтузиастов. Сейчас в работе находится 30 новых тактильных книг!

И среди тех, кто впервые взялся самостоятельно изготовить тактильную книгу, теперь и родная сестра отца Кирилла – Ольга Петрович. До сих пор она вы-

Прочтение новой тактильной книги всегда сопровождается помощью рук педагога

ступала только консультантом и генератором идей, а тут решила сама взяться за иголку, ножницы и клей и сотворить сказку на сюжет известного мультифильма «Ивашка из Дворца пионеров».

– Я не представляла, – с удивлением признается Ольга, – в какой большой проект выльется мое скромное предложение трехлетней давности!

...В экскурсии по школе-интернату для слепых и слабовидящих детей нас сопровождает тифлопедагог Людмила Мясникова – та самая, после выступления которой Ольга Петрович заинтересовалась тактильными книгами своего брата-священника. Мясникова тоже не ожидала,

что озвученный ею факт принесет такие плоды! Она часто призывала студентов делать тактильные книги, но отклика не встречала, так что уже отчаялась. Казалось бы, кому нужны чужие проблемы? Зато сейчас и сотрудники учреждения, и родители учеников удивляются и радуются. В школе-интернате собраны уже 24 тактильные книги. А скоро добавятся еще 30. Тактильные книги в школе-интернате выдают из библиотеки преподавателям под роспись. На тактильные книги очередь. За ними следят. Книги ценят. Бывшие выпускники, которые навещают школу-интернат, узнав о тактильных книгах, ис-

Геннадий Генералов, зав. редакционно-издательским отделом Областной библиотеки для слепых Саратовской области, первый читатель-эксперт тактильных книг, изготавляемых в церковно-приходской школе...

Клирик Свято-Покровского храма отец Кирилл Петрович у библиотеки тактильных книг

Отец Кирилл старается запомнить комментарии тифлопедагога во всех деталях, чтобы потом пересказать участникам проекта, которым интересно узнать, как дети воспринимают их книги. Сами они в школе-интернате не бывают и за похвалой не горячатся. Их свободное время занято созданием новых книг.

Проект воскресной школы при Свято-Покровском храме остается в своем роде единственным на всю страну. Тактильные книги кто-то где-то делает, конечно, но обычно под какие-то конкурсы, то есть это носит временный характер. А вот наладить постоянный «выпуск» таких книг, как в воскресной школе у отца Кирилла, пока не получается ни у кого. Однако и за опытом к нему тоже особо никто не обращается. Отец Кирилл не верит, что будут открыты школы или даже мастерские по изготовлению тактильных книг, хотя детей с проблемами зрения меньше, увы, не становится. А ведь тактильные книги имеют свойство быстро изнашиваться. И потому речь о сроках действия проекта не идет. У воскресной школы накоплен такой большой опыт в подготовке тактильных книг, что хоть большую научную работу пиши. Но и этого опыта бывает недостаточно. Сейчас, как говорится, на стадии карандаша в воскресной школе находится проект тактильной книги-молитвы «Отче наш». Наверное, это будет самая сложная тактильная книга из всех, что участникам проекта довелось создать. Отец Кирилл затрудняется ответить на вопрос, как она будет выглядеть. Предстоят долгие беседы с преподавателями и детьми. И его сегодняшний визит в школу-интернат связан с этим вопросом.

– Будем искать. Консультироваться-то не с кем, – вздыхает отец Кирилл и улыбается, глядя на детишек, которые плотно обступили преподавателя с большой книгой и водят пальчиками по ее огромным чудесным страницам с круглыми краями...

крепне сожалеют, что в их время не было таких удивительных изданий.

Отцу Кириллу и нам позволяют посмотреть уроки, на которых идут занятия с тактильными книгами. Дети улыбаются, выражение лиц меняется, когда они «читают» такие фолианты. «Азбука», «Гуси-лебеди», «Двенадцать месяцев», «Старец Герасим и лев»...

– Беда слепых детей в том, – объясняет Людмила Мясникова, – что они употребляют много слов, смысла которых не понимают. Вот, к примеру, стишок: «Стоит в поле теремок,

из трубы идет дымок». Из этих строк Маршака слепой ребенок правильно понимает только слово «стоит». А труба для него – это то, что в доме идет к батарее. А Дымок – имя домашнего кота. Получается, бедный кот, который почему-то из трубы идет. Это неправильное представление. Но благодаря тактильным книгам мы помогаем детям конкретизировать представление о мире. И они намного меньше стали путать понятия. Процесс обследования тактильных книг способствует усвоению программы начальных классов.

ТАЙНЫ ДВУХ МОЛЧАНОВОК

АВТОР

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МОСКОВСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО, КАК, ВПРОЧЕМ, И МИФОТВОРЧЕСТВО ЛЮБОГО МЕГАПОЛИСА, ДАВНО УЖЕ СТАЛО САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ЖАНРОМ. ВЕЛИК СОБЛАЗН ЧУТЬ-ЧУТЬ ПОДПРАВИТЬ ИСТОРИЮ, ОСОБЕННО В ТЕ ЭПОХИ, ОТ КОТОРЫХ ОСТАЛОСЬ ТАК МАЛО ЗАСЛУЖИВАЮЩИХ ДОВЕРИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВ.

ВОТИ ПРЕВРАТИЛСЯ нынешний район арбатских улочек и переулков в тот «черновик» истории, который каждый переписывает по-своему. Ну вот, например. Якобы именно сюда, до начала Большой Молчановки, доходил подземный ход из Кремля, в котором, по одной из версий, размещалась полулеген-

дарная библиотека Ивана Грозного – «Либерея», которую ищут до сих пор. Правда, версий, где она спрятана, сегодня можно насчитать более шестидесяти... Здесь же, на Большой Молчановке, романтики-московеды помещают и избушку на курьих ножках, где окопалась то ли Баба-яга, то ли какая-то другая нечистая сила...

КУРЬИ НОЖКИ

По одной из версий, на развилке Смоленской дороги в Средневековье стояла кузница. Эта развилка и похожа была на картах на куриную лапку, а кузнецы, украшающие огонь, всегда и на Руси, и в Европе считались людьми, знающими с нечистой силой. Такой вот парадокс: подкова, выкованная кузнецом, приносила удачу, а сам он вызывал опасение. Правда, была в ходу и еще одна версия: домик тот стоял на деревянных чурбачках, напоминающих «ножки». В любом случае кузница, из трубы которой валил дым, пользовалась у москвичей дурной славой, и они предпочитали ее обходить, лишь бы не отправляться мимо нее в дальнюю дорогу. По поводу «курьих ножек» на Большой Молчановке можно насчитать еще с десяток версий, каждая из которых столь же приблизитель-

На Малой
Молчановке
находится
Дом-музей
М.Ю. Лермонтова.
За деревянным
особнячком,
дожившим
до наших дней,
скрывается
очаровательный
зеленый дворик

на, сколь и вполне возможна. Некоторые, например, считают, что здесь был царский двор, где готовили блюда к столу монарха, а куриные ноги, естественно, выбрасывали.

Однако многие столичные любители старины, а также ученики школы №1234 на Большой Молчановке вовсе не считают, что место это «попорчено» нечистой силой. Ведь с начала XVII века и до 1934 года здесь стояла знаменитая церковь Николы, что на Курьих ножках (церковь Николая Чудотворца, что на Курьих ножках).

Последовательный борец с нечистой силой патриарх Московский Иоаким в 1681 году распорядился поставить на этом месте церковь, посвященную главному «арбатскому» святыму – Николаю Чудотворцу, которому здесь уже были посвящены два храма. За два

с половиной века район, взятый когда-то Иваном Грозным в опричнину, превратился в интеллектуальный московский оазис, а в числе прихожан церкви Николы, что на Курьих ножках была, например, семья Пушкиных, жившая по соседству. Колокольный звон церкви Николы, что на Курьих ножках слышал в свое время и юный Михаил Лермонтов, приходивший сюда с бабушкой из скромного по современным меркам деревянного особнячка на соседней улице: Малая Молчановка, дом 2. Здесь Михаил Юрьев-

ич написал более ста стихов и пережил свою яркую первую влюбленность в соседку Вареньку Лопухину. В то время Михаил Лермонтов не мог знать, что его кумир, Александр Пушкин, в детстве жил совсем рядом: в домике священника церкви Николы, что на Курьих ножках на Большой Молчановке. Когда уже совсем взрослым Александр Сергеевич писал свое «Лукоморье», наверное, он знал о многих мифах, связанных с местом, где прожил часть своего детства. Можно сказать, что «избушка на курьих ножках»

в XV веке находилась почти окольо его московского дома на Большой Молчановке. «Избушка там на куриных ножках стоит без окон, без дверей». Правда, и окна, и двери в ней были, а вот Бабыяги не наблюдалось. Но если даже во времена Пушкина многие исторические подробности были неизвестны, то уж точно само название церкви Николы, что на Курьих ножках не могло его оставить равнодушным.

Кстати, если бы не кропотливая работа историков, то и само место рождения Александра Сергеевича тоже можно было бы приписать улице Большой Молчановке. По крайней мере, он лично говорил об этом своим друзьям. Но двенадцать переездов и рождение за время жизни в Москве шестерых детей не оставили в семье Александра свидетельств, где именно кто из них родился. И хотя сейчас Большая Молчановка потеряла почетный статус места рождения великого поэта, зато доподлинно известно, что именно отсюда он уезжал учиться в Царское Село. Нынешняя школа №1234 построена как раз на месте церкви

Здание школы №1234, построенное на том самом месте, где находилась знаменитая церковь Николы, что на Курьих ножках

Николы, что на Курьих ножках. Все ученики и выпускники двух школ, которые когда-то и объединили в одну под номером 1234, уверены, что их актовый зал находится как раз на месте домика священника церкви Николы, что на Курьих ножках, который и снимала семья Пушкиных. Потому традиционный школьный театральный фестиваль, если следовать этому

почти подтвержденному факту, и проходит именно там, где жил Сашенька Пушкин.

Из двух объединенных школ на Большой Молчановке вышло немало театральных деятелей. Народную артистку СССР Людмилу Касаткину обожал весь Советский Союз. Павел Хомский, художественный руководитель Театра имени Моссовета, играл в школьных спектаклях с Аллой

Даже сегодня, несмотря на то, что Большая и Малая Молчановки полностью изменили свой облик, таинственных мест здесь хватает

Парфаньяк, которая стала заслуженной артисткой РСФСР и женой Михаила Ульянова. Павел Хомский сидел за одной партой с будущим знаменитым политическим обозревателем Валентином Зориным. Театральный режиссер Петр Суворов и актриса Мария Миронова – тоже выпускники этой арбатской школы.

Есть здесь еще одна легенда, которая поддерживается и

специалистами. Считается, что от той самой церкви Николы, что на Курьих ножках уцелела часть старой ограды. Поэтому неудивительно, что около школы можно встретить фрагмент совсем старого забора. Нынешние ученики обсуждают свои секреты там, где в течение нескольких лет каждый день проходил маленький Пушкин.

Современную Большую Молчановку сегодня не узнать

Именно с Большой Молчановки Александр Сергеевич Пушкин отправился на учебу в Царскосельский лицей

СКАЗКИ СТРЕЛЕЦКОЙ УЛИЦЫ

Жаль, но приходится признать, что историки не только «аннулировали» предполагаемое место рождения Пушкина на Большой Молчановке, но и нашли существенные неувязочки в арбатском мифе насчет Бабы-яги. Во всех сказках ее избушка стояла либо в лесу, либо на опушке, а тогдашний район Молчановки и прилегающих переулков назывался до XV века Вспольем, что означало пахотную землю, а вовсе не лес. Потом же и вовсе никакого леса быть не могло, ведь с начала XVI века здесь размещались стрелецкие слободы. Не случайно Большая Молчановка раньше была Стрелецкой улицей. Собственно говоря, и свое нынешнее название две Молчановки получили по имени стрелецкого головы Михаила Молчанова. Под его началом находилось 500 стрельцов, которых он повел в 1612 году к Арбатским воротам поддержать ополчение Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина в страшной битве против польских войск.

Стрельцы не раз попадали в произведения последующих жителей двух Молчановок. Остались наброски плана Пушкина «Повести о стрелецком сыне», а Алексей Толстой подробно описал стрелецкий бунт в «Петре Первом». По забавному стечению обстоятельств оба они, жившие в десяти минутах ходьбы друг от друга, только разделенные целым веком, написали и о стрельцах, и об избушке на куриных ножках. У Алексея Толстого она попала в пересказанную им русскую народную сказку «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Именно эту сказку потом переложил в шутливой форме Леонид Филатов. Только у него она – «Про Федота стрельца, удалого молодца», а у Алексея Толстого – про Андрея-стрелка. «Избушка, избушка, повернишь ко мне передом, к лесу задом», – приказывал Андрей-стрелок, отправленный незнамо куда. Правда, потом очень удачно оказалось, что его жена, волшебница и просто красавица Марья, была дочерью Бабы-яги, которая и помогла зятю взять правильное направление.

Алексей Толстой, живший в доме №8 на Малой Молчановке с 1915 по 1918 год, тоже захаживал в церковь Николы, что на Курьих ножках, находившуюся от его дома буквально в пяти минутах. Наверное, и его не могло не заинтересовать такое необычное название. «Ничего роднее, милее Молчановки нет», – писал Алексей Толстой, поживший потом и в Париже, и в апартаментах, выделенных ему советской властью после возвращения. Молодость на Малой Молчановке осталась в его памяти как лучшее время жизни.

Даже сегодня дом, на пятом этаже которого жил Толстой, явно выделяется среди остальных. А с 1913 года он был чуть ли не самым красивым домом на двух Молчановках. Седьмой этаж этого «дома со львами» считался одним из самых богемных мест в Москве в начале XX века. Причем именно весь этаж. Одну квартиру в нем занимали

Поварская
улица,
на которой жил
Иван Алексеевич
Бунин

сестры Сергея Эфрона, мужа Марины Цветаевой, а другую – эпажная мать поэта Максимилиана Волошина. Они подружились еще в Коктебеле, где, собственно, и началась любовь Марины и Сергея. Музенирование, декламация стихов и розыгрыши перемещались с крымского берега на Малую Молчановку. «Пра», от слова «праматерь», как все называли мать Волошина, умела и на своем настоять, и веселье поддержать. Здесь было действительно весело: Максимилиан в своих вечных бархатных штанах до колена, и «Пра», элегантно носящая мужские костюмы для верховой езды, а вокруг них шумная творческая молодежь. Когда их гости, «волошинцы», объединялись с гостями Эфронов, куда часто захаживала Марина Цветаева, то буквально весь дом сотрясался от смеха. Подчеркнуто сдержаный Алексей Толстой в шутку называл своих шумных соседей «обормотами». Так и весь солидный «дом со львами» в среде московской богемы превратился в «обормотник». Но креативные «обормоты» не придумали для самого Алексея Толстого никакого запоминающегося прозвища, кроме скучного «Алехан».

ВЛЮБЛЕННЫЕ ПОЭТЫ, ЦЕНЗОРЫ И УЧЕНЫЕ

Постоянная гостья «дома со львами» Марина Цветаева когда-то писала:

*Москва! – Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.*

Таким странноприимным временным домом в XIX веке оказалась Малая Молчановка еще для одного писателя – Сергея Аксакова. Прошли для него времена Сивцева Вражка, когда он по субботам собирал у себя по 30 гостей, среди которых бывали Гоголь, Щепкин, Верстовский. Тогда еще уважаемый цензор Московского цензурного комитета, а ныне – уволенный по распоряжению самого Николая I литератор. То ли недоглядел, то ли сознательно пропустил опасную рукопись, вот и лишился места. Но характер не переделаешь, и восстановленный в 1830 году в должности Сергей Тимофеевич опять дает добро на три рукописи, вызвавшие недовольство императора. А журналу «Европеец» с пропущенной им в печать статьей пришлось вообще закрыться после третьего номера. Такой он, оказывается, был газетный либерал, автор «Аленького цветочка».

Подъезд знаменитого дома на Большой Молчановке, где располагался «обормотник», по-прежнему охраняют свирепые львы

Юрьевича в соседку по Большой Молчановке Вареньку Лопухину. Усадьба Лопухиных с роскошным садом находилась на пересечении Большой Молчановки и Серебряного переулка. От нее не осталось и следа еще в начале XX века. Сейчас на том самом месте красуется элитный жилой дом 15/12...

Много позже Лермонтов напишет свое знаменитое стихотворение «Нет, не тебя так пылко я люблю...», обращенное к другой светской красавице – Екатерине Быховец. Вспоминал же он при этом как раз о первой своей любви на Большой Молчановке, дом которой находился в двух шагах от его собственного, на Малой Молчановке.

1830 год, которым отмечена вторая мемориальная доска на доме Лермонтова, был страшным годом для Москвы. Эпидемия холеры унесла жизнь каждого шестидесятого москвича, и это считалось еще счастьем, ведь в Астрахани от холеры погиб каждый десятый житель. Михаил Лермонтов с бабушкой не покинули холерную Москву. Неудивительно, что вместо юношеских восторженных стихов Лермонтов начинает работать над «Демоном», а появившийся

Пушкин, Аксаков, Алексей Толстой – все они помимо прочего сочиняли и сказки. Только один знаменитый поэт, с именем которого связан район Молчановок, сказок после себя оставить не успел, зато написал здесь более ста стихов. Речь, конечно, идет о Михаиле Лермонтове. Его дом на Малой Молчановке настолько дорог русской литературе, что

на нем висят аж две мемориальные доски, находящиеся на расстоянии двух метров друг от друга. На одной выбиты даты 1829–1832 годы, а на другой – 1830–1832-й. Одна отмечает годы проживания Михаила с бабушкой в этом доме. А другая – годы учебы поэта в Московском университете. Здесь протекала яркая романтическая влюбленность Михаила

тогда трагизм больше не покидал его творчество.

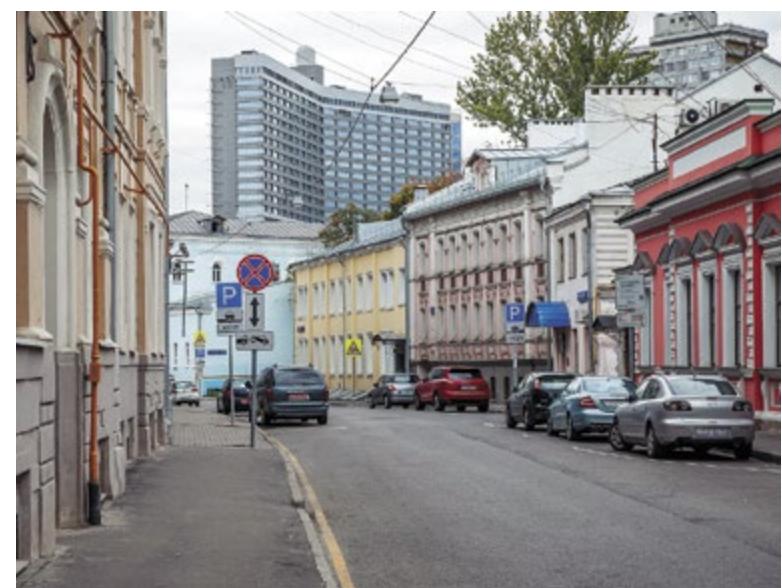
Надо сказать, что тогда Москва быстро учла уроки остальной России и организовала настоящую оборону против холеры. На ее передний край был призван будущий житель аристократической Малой Молчановки, а тогда нищий молодой доктор Александр Иванович Овер. Именно после феноменальных показателей выздоравливаемости ему доверили управлять знаменитой Первой градской больницей. Позже, считаясь самым дорогим врачом Москвы, доктор Овер до конца жизни бесплатно лечил бедняков. Не случайно еще спустя сто лет после его смерти москвичи искренне верили, что в случае болезни нужно мысленно обратиться к доктору Оверу. Уже став признанным и высокооплачиваемым доктором, Александр Иванович Овер поселился в престижном доме на Малой Молчановке, пополнив список ее знаменитых жителей.

Даже, казалось бы, далекие от писательства жители Молчановок и то рано или поздно приобщались к литературному труду. Во флигеле под номером

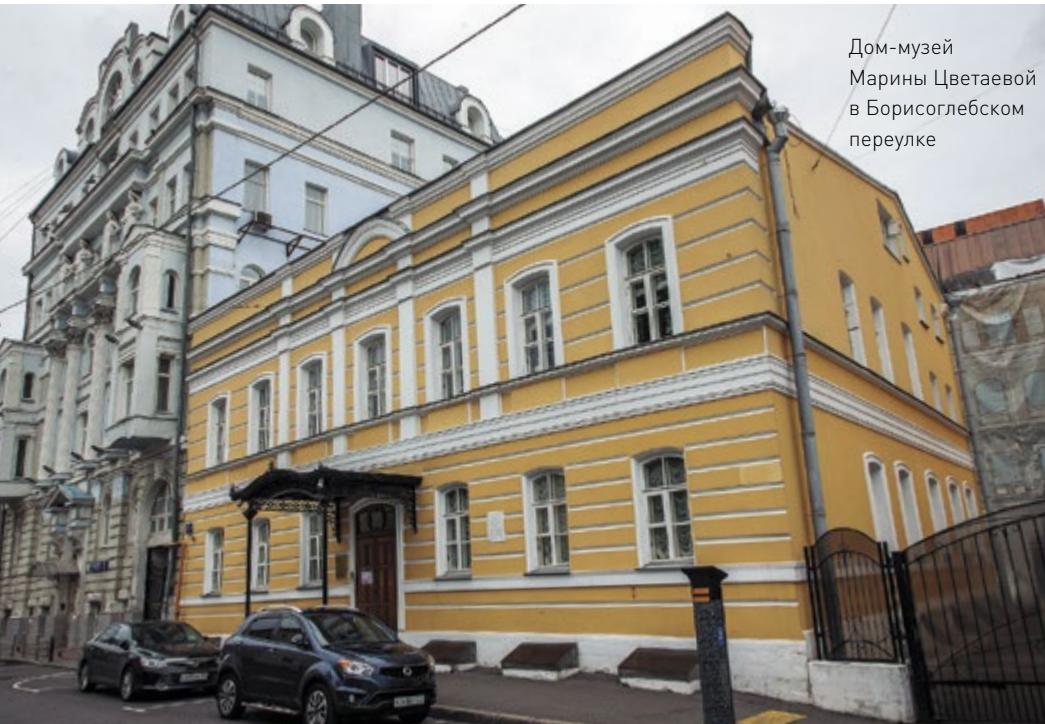
На месте этого современного дома раньше находилась усадьба Лопухиных. Здесь Михаил Лермонтов встретил свою самую яркую любовь

девять на Малой Молчановке жил Климент Тимирязев, почетный член десятка зарубежных университетов, успешно работавший по восьми научным направлениям. Шесть российских научных институтов вообще обязаны ему своим появлением, среди которых, кстати, и Московские высшие женские курсы. Те самые, которые положили начало женскому высшему образованию в России. Их соучредителем был все тот же профессор с Малой Молчановки.

И при всем этом у него хватило времени написать целое искусствоведческое исследование, издать биографии великих ученых и в духе времени посвятить два своих литературных труда революционерам: один – Гарibalди, а другой – Марату. Недивительно, что в 1915 году Максим Горький даже предложил Тимирязеву возглавить отдел науки в журнале «Летопись». Своей помощницей Климент Аркадьевич взял никому тогда не известную скромницу Надежду Крупскую.

Борисоглебский переулок

Дом-музей
Марине Цветаевой
в Борисоглебском
переулке

«ПЬЕТУКОВИ НОГ»

Среди выпускников школы №1234, той самой, что стоит на месте церкви Николы, что на Курьих ножках, тоже немало писателей. Окончил ее и Борис Заходер, который, как и другие обитатели Молчановок, любил писать сказки. И не только писать, но и переводить. Именно в его переводе все дети Советского Союза полюбили Винни-Пуха и узнали о приключениях Алисы в стране чудес. А раз сказки, то куда же без Бабы-яги?

*У крокодила есть друзья,
И есть подруги у ворон,
А у Яги одни враги,
Одни враги со всех сторон.*

Так в «Песне Бабы-яги» Бориса Заходера жаловалась обитательница избушки на курьих ножках. Еще до начала 90-х ученики школы №1234 особо не обращали внимания на требующий ремонта особнячок, находящийся буквально в двух шагах: Борисоглебский переулок, дом 6. Поделенный на коммунальные квартиры, он потерял все прежнее дореволюционное очарование, а его жителей, занятых каждодневным выживанием, никак не интересовал тот факт, что именно здесь с 1914 по 1922 год жила Марина Цветаева. Кто тогда мог увлечься стихами

модной до революции поэтессы, эмигрировавшей в Европу? Марина возвратилась в СССР в 1939 году, а уже в 1941-м покончила жизнь самоубийством. Она не нашла себя в Европе и потеряла в России. Ее счастливое время в Борисоглебском переулке про-

Памятник
Марине
Ивановне
Цветаевой стоит
прямо напротив
того дома,
где она когда-то
жила

шло под колокольный звон церкви Николая Чудотворца, что на Курьих ножках, рядом с домом Пушкина, которого она богослужила, и неподалеку от дома Лермонтова, которого она обожала. Подрастала дочь Ариадна, Сергей Эфрон влюблен в свою жену, издано уже несколько поэтических сборников.

В 1917 году у Марины и Сергея родилась вторая дочь – Ирина. Это было тяжелейшее время. Пока Эфрон, ушедший на фронт, воевал против красных, Марина пыталась выжить в голодной и холодной Москве. Пробовала работать в Наркомпросе, но в итоге ей пришлось уйти оттуда. Она продавала все, что могла, но есть все равно было нечего. Марине пришлось отдать Ариадну и Ирину в Кунцевский приют, сама она умирала от голода и надеялась хоть так спасти дочерей. Но в 1920 году маленькая Ирина умерла в приюте...

«Всезнающий» российский Интернет на десятках сайтов уверяет, что в церкви Николы, что на Курьих ножках Марина и Сергей крестили своего третьего ребенка – сына Георгия, которого Цветаева звала Муром. Однако родился тот уже в эмиграции, в 1925 году, а из Москвы Цветаева уехала в 1922 году, узнав о том, что муж эвакуировался в Галлиполи, попал в Константинополь, а оттуда переехал в Чехию. То есть крещение сына никак не могло состояться в этой церкви. Однако здесь вполне могли крестить вторую дочь, Ирину.

Тогда, в 1918 году, Марина наблюдала совершенно чужую, незнакомую Москву. В городе раздавались взрывы, жильцы арбатских домов организовывали круглосуточные дежурства, черные ходы заколачивали и закладывали бревнами. Именно в таких занятиях провел начало 1918 года еще один прихожанин церкви Николы, что на Курьих ножках – Иван Бунин. Он тоже жил неподалеку – на Поварской улице.

Пасхальную службу весны 1918-го он отстоял с гражданской женой Верой Муромцевой в этой церкви и сюда же пришел через

несколько недель – проститься перед отъездом в Одессу, откуда позже переберется во Францию. Как оказалось, навсегда. В своем дневнике Бунин написал про свое последнее посещение церкви Николая Чудотворца: «Красота этого еще уцелевшего островка <...> всего того дивного, что все-таки создала человеческая душа и чем жива она <...> так поразила, что я плакал – ужасно, горько и сладко!»

Бунин уехал в 1918-м, тогда же эмигрировал из соседнего «дома со львами» Алексей Толстой, Марина Цветаева с Ариадной – в 1922-м. В записке о состоянии московских церквей, составленной в этом же году на имя архимандрита Крутицкого Никандра, насчет Николы, что на Курьих ножках говорит следующее: «Приход очень

малочисленный – «барский». Прихожане разъехались или разорены. При церкви один священник. Диакон умер. Псаломщик ушел».

Фактически на этом и закончилась история Николая Чудотворца, что на Курьих ножках. И сегодня редкий москвич сможет вспомнить о том, что в конце XVIII века это место было увековечено в стихотворении анонимного автора, ставшем популярным среди столичных жителей. Оно было опубликовано в ежемесячном журнале «Вечерняя заря» в 1782 году. Называлось стихотворение «Французский променад». Его герой, обрусевший француз, приказал извозчику искать «пьетукови ног»:

*Извозчик по Москве
с французом всюду рыщет,
Ног петуховых ищет.*

Памятник Ивану Алексеевичу Бунину в сквере, соседствующем с Борисоглебским переулком и Поварской улицей

Только когда француз вспомнил, что на «пьетукови ног» есть церковь Николы, то тогда сразу и примчались на «кури ножки».

* * *

Описание таких многослойных и многогранных исторических мест, как Арбат, и даже всего двух арбатских улиц, таких как Большая и Малая Молчановки, невозможно не только закончить, но и, по большому счету, начать на одной какой-то точке. К примеру, стоит только вспомнить, что двор боярина Бориса Морозова тоже располагался там, где всего несколько десятилетий спустя будет построена церковь Николы, что на Курьих ножках. Воспитатель, один из самых приближенных людей царя Алексея Михайловича Тишайшего, печально известный своими злоупотреблениями, которые привели в 1648 году к Соляному бунту. Его время хранит множество своих секретов, которые пытаются раскрыть историки. А молодое поколение двух Молчановок, динамичное и талантливое, как и все их сверстники, само фиксирует для будущих исследователей почти каждый шаг своей жизни, заполняя рассказами и селфи соцсети. Так, глядишь, и профессия литературоведа отомрет, достаточно будет просто ознакомится с «профилями» участников социальных сетей. 🎯

Дом
на Поварской,
в котором жил
Иван Алексеевич
Бунин